

ВЛАДИМИР
КЕДРОВ

НА КРАЙ СВЕТА

П О В Е С Т Ь

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Л Е Н И З Д А Т
1 9 6 4

«На край света» — историческая повесть о Семене Дежневе, Федоте Попове (Федоте Алексееве) и их товарищах — русских землепроходцах XVII века. Подвигом Семена Дежнева, возглавлявшего одну из экспедиций землепроходцев, явилось открытие пролива, отделяющего Азию от Американского материка (ныне Берингов пролив). Наряду с этим выдающимся географическим открытием Дежнев и его товарищи много сделали для освоения нового для них Анадырского края, для организации здесь первых русских поселений.

На основе исторических материалов повесть воссоздает путешествия русских землепроходцев. Невероятные трудности в борьбе с суровой природой Крайнего Севера, мужественное продвижение во льдах коварного Студёного моря — Ледовитого океана, — вот фон, на котором разворачивается их полное опасностей подвижничество. Смекалка русских землепроходцев, их мужество, стойкость несут им победу не только в борьбе со стихией, но и с людьми, которые, руководствуясь своими корыстными устремлениями, пытаются помешать осуществлению открытия Дежневым новых земель.

Книга предназначена для детей среднего и старшего возраста.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

I. Неведомая река

Под вечер одного из погожих дней в начале июля 1646 года Федот Попов в раздумье выходил из ворот Нижне-Колымского острога. Пригожий лицом, юношески стройный, одной рукой он придерживал наброшенный на плечо кафтан-охабень, а другой отмахивался от комарья. Рассеянный взгляд молодого человека выдавал неудовлетворенность и тоску, овладевшие им в последние месяцы.

Холмогорец Федот Попов был приказчиком московского купца Алексея Усова. Лет семь назад Усов послал его с несколькими работниками-покручениками в Сибирь менять русские товары на «мягкую рухлядь» — соболей, лисиц, бобров.

Попов попал в Сибирь в необычайное время открытий новых рек и земель. Он постоянно сталкивался с землепроходцами-первооткрывателями. Каждый их рассказ разжигал душу, захватывал крепче предыдущего. Попов спешил по их следам, перебирался с Оленёк-реки на Яну, с Яны на Индигирку, на Алазею.

Однако Попов приходил на новые реки далеко не первым. Правда, он ставил избу из мокрого плавника на диком мхе, где до того ходили лишь звери, и юкагирские стрелы не раз свистели мимо его уха. Но где же та радость, что волнует сердце первооткрывателя, когда он видит новую землю, новую реку?..

Попов подошел к обрыву. Полноводная Колыма, новая граница русских земель, раскинулась перед ним. Она несла бурые, украшенные пенистыми гребешками воды мимо желтоватых осыпей берегов, местами поросших тальником. Чайки парили над рекой. В вышине гуси махали широкими крыльями.

Вид величественной реки и ласка теплых лучей солнца несколько успокоили молодого человека. Лицо его заметно смягчилось.

— Коч идет! — крикнул стражник у ворот острога. Попов увидел небольшое судно. Восемь гребцов, стоя, взмахивали длинными веслами, борясь с течением. «Кто бы это мог быть? — подумал Попов. — Не Мезенец ли? Он и есть!»

Коч Исая Игнатьева, Мезенца по прозвищу, врезался в песок. В воротах острога показались любопытные, побежали к реке. Игнатьев и его ватажники вышли на берег и поклонились на три стороны.

Окруженные колымчанами, мореходы поднялись к воротам острога. Попов подошел к ним и поздравил с благополучным возвращением.

Все мужчины острога, человек до семидесяти, столпились вокруг прибывших. Их бородатые лица суровы и решительны. На большинстве колымчан — грубошерстные сермяги да меховые кухлянки. На головах — мохнатые шапки. На поясах — широкие ножи. Это — промышленные люди, охотники за соболем.

Многие из них когда-то были крестьянами далеко на Руси. Они еще помнили отчие избы, родные рябины, дали полей. Помнили плач голодных детей, кручину закрепощенных отцов, плети... Вольнолюбивые люди, они ушли от боярского и дворянского гнета искать лучшую долю. Они прошли тысячи верст, видели горы Урала и Сибири, продирались в чашобах тайги, мерялись силой с медведями. Бывшие хлебопашцы стали зверобоями, такими же, как и потомственные охотники да рыбаки с Белого моря, холмогорцы и мезенцы.

В толпе выделялись люди в длинных красных кафтанах с черными петлицами. Их красноверхие, опушенные мехом шапки лихо заломлены. Это — казаки, служилые люди, грозный, хоть и немногочисленный гарнизон острога. У каждого из них — сабля. Некоторые опирались на тяжелые фитильные ружья — пищали.

Можно было увидеть здесь и дотошных торговых людей, пришедших на Колыму, как и Попов, за пушницей.

Мезенец Исая Игнатьев, человек лет сорока, с живыми, колючими, глубоко запавшими глазами, рассказывал:

— Срядились мы, государи мой, вот с ним, с Семеном Пустоозерцем, и побежали морем от Колымы-реки к востоку. И дошли мы до большой губы.

— А много ль ходу до той губы? — перебил его Попов.

— Да бежали мы, государь мой, два дни да две ночи, паруса не опускаючи, — степенно отвечал Игнатьев.

— И велика же та губа! — воскликнул Пустоозерц, вставая с кладки бревен.

Голова тридцатилетнего великана с подрезанными в скобку светлыми волосами оказалась выше всех шапок.

— Другого берега и не видно! Где там!

Игнатьев спокойно глянул на прервавшего его товарища и продолжал, лишь уверясь, что тот закончил свое слово:

— А у той губы встретили мы чукчей.

Игнатьев поведал, как он и его товарищи выменяли у чукчей несколько моржовых клыков, драгоценный «рыбий зуб». Моржовые клыки вынесли из коча, и все восхищались их величиной и весом.

— Бывалые люди рассказывают, — продолжал Игнатьев, — морж на иные корги, отмели, в великом множестве вылегаег. На тех коргах можно добыть моржей без счета. Такой корги покамест не сыскано. Не там ли она, подалее, за большой губой? Вон где!

Все лица повернулись к востоку.

— Там, за губой, и неизвестная река должна быть, Погыча, — сказал казачий десятник Семен Дежнев. — Ее же будто и Анадырь-рекой называют.

Было видно, что думы о новой реке Погыче давно не дают покоя этому крепкому, ладно скроенному человеку.

Увлеченный Федот Попов сбросил с плеч охабень и загадочно смотрел на Дежнева. Глаза его блестели.

«Что это с ним?» — удивился Дежнев.

Мысль о возможности открыть новую реку взволновала Попова.

С 1632 года, когда казачий десятник Василий Бугор первым пришел на Лену-реку, открытия новых земель и рек следовали одно за другим со сказочной быстротой. Казаки, а за ними торговые и промышленные люди соревновались в поисках неведомых до того рек.

И года не прошло с основания Якутского острога, а уж казаки Иван Казанец, Михайла Стадухин и Постник Иванов осмотрели левый приток Лены — реку Вилюй. Тем же летом 1633 года Иван Ребров с горстью казаков спустился по Лене в Студёное море. Эти смельчаки открыли реки Оленёк, Яну и Индигирку. Конный отряд Постника Иванова исследовал среднее течение Индигирки. А в 1639 году томский казак Иван Москвитин, выйдя к берегу Охотского моря, завершил движение русских «встреч солнца», начатое пятьдесят девять лет назад Ермаком. Русские достигли Тихого океана.

В окружавшей Игнатьева толпе Попов видел Семена Дежнева, Михайлу Савина и других участников недавнего открытия реки Колымы.

«Теперь наступил наш черед... Мой черед! — думал Попов. — Я должен искать Погычу-реку!»

— Там, на этой Погыче, или Анадырь-реке, — крикнул он, — нетронутые охотничьи угодья! Зверь там непуганый. А кость моржовую, «рыбий зуб», где же еще искать, коли не там?

— Верно, государь мой!

— Сибирские реки текут в Студено море, — все более возбуждаясь, говорил Попов. — До Анадыря можно добежать морем, как с Лены-реки до Колымы.

— Слово твое, Федот, дельное, — поддержал Попова Дежнев, тоже захваченный страстью искателей, жаждой открытий и поисков.

Холмогорец, как и Попов, Дежнев был того частого в северной Руси типа, что сохранился там и поныне: высокий крутой лоб, глубоко сидящие серые глаза, спокойные и серьезные, прямой и крупный нос, русая борода, подрезанная лопаткой.

— Была бы та река, — продолжал он, — под государственной рукой, немалая бы прибыль от того получилась.

Промышленные люди зашумели.

— А верно, Иван! — подтолкнул молодой охотник Михайла Захаров своего друга Зырянина. — Отчего бы нам туда не податься?

Зырянин блеснул черными глазами.

Попов поднялся на бревно:

— А ну, говори, кто охотник искать новую реку!

— Я! Я! Я! — закричали промышленные люди, и несколько десятков рук взметнулось над толпой.

— Исаю Игнатьеву и Семену Пустоозерцу, зачавшим поиск, — честь и место! Степан Сидоров! Кочевой мастер в морском походе — первый человек! Михайла Захаров, Иван Зырянин! Для вас там зверя хватит!

Вдруг Попов обернулся к Дежневу:

— А что, Семен, пойдешь ли ты с нами приказным¹ на Анадырь-реку?

Дежнев улыбнулся:

— А подняться сможешь?

— Неужто ж не помогу! — воскликнул Попов.

— А на чьи денежки ладишь ты, Федот, реку-то эту искать, на свои ли, на хозяйские ли? — скрипучим голосом ехидно спросил купец Михайла Леонтьев.

Попов метнул гневный взгляд на Леонтьева, но сдержался.

— Своих денег-то у тебя не бывало. Я и смекнул: знать, хозяйскими, усовскими думаешь ты раскошелиться, — усмехнулся Леонтьев.

— Ну и что? — вспылил, наконец, Попов. — Да, пойду я искать Погычу на хозяйские деньги. А хозяин дал мне полную волю, как их приумножить... и на какую реку идти, и что покупать. Понял?

Попов отвернулся от Леонтьева, оглядел толпу и закричал звонким голосом:

— Любо ли вам, други, под рукой Дежнева искать Анадырь-реку?

— Любо! Дежнева! Семена! — слышалось со всех сторон.

Попов обнял Дежнева.

— Спасибо вам, добрые люди! — сказал Дежнев, кланяясь народу. — А только воля не моя: как еще наш колымский приказный скажет.

¹ Приказный — начальник, назначенный воеводой или выбранный народом.

Попов схватил его под руку и повлек в съезжую избу. За ними повалили промышленные люди.

— А летошний год, — скрипел Леонтьев, не отставая от Попова, — кочи Дмитрия Черкасова погодою разбило... Слыхал небось? И весь запас выметало вон. А что, как у тебя, Федот, то же будет, не дай господи?

— Отцепись, отойди! — бросил через плечо Попов.

— Чем разочтешься, непутевый? Ведь в железа закупают!

— Ты, купец, видно, из тех коньков, что лишь о стойле думают, — презрительно покосился на тщедушного старика Иван Зырянин.

— Видна ворона по голосу, — досадливо добавил Михайла Захаров.

Тяжелые тесовые ворота острога были открыты. Шумная толпа вошла во двор, огороженный тыном. По углам высились боевые бревенчатые башни. Посредине стояло несколько низких изб и между ними та, что называлась съезжей. В ней жили приказный и целовальник — хранитель государевой казны, учетчик и приемщик ясака.¹

В ту пору в остроге не было приказного Гаврилова. С неделю назад он ушел вверх по Колыме, оставив за себя целовальника Петра Новоселова.

Новоселов сидел на лавке, покрытой медвежьей шкурой. Высокий, худошавый старик, одетый в черный суконный кафтан, отделанный потускневшими серебряными галунами, он дремал, опершись рукой о колено. Его голова была опущена, а мохнатые седые брови нависли над закрытыми веками.

— Доброго здоровья тебе, Петр! — поклонился Попов, переступив порог.

Новоселов глянул на вошедших усталыми глазами. Его длинное лицо носило печать долголетней суровой жизни, исполненной тревог и лишений. Промышленные люди, нагибаясь, входили через низкую дверь и протискивались за спинами Дежнева и Попова.

Новоселов встал:

— Здравствуйте, добрые люди! Ишь ты, сколько вас! С чем пожаловали?

¹ Ясáчный сбор, или ясáк, — налог, взимаемый с народов Сибири соболями и другими шкурками.

— Бьем челом великому государю! А здесь, на Колыме, тебя, Петр, просим принять наше челобитье, — Попов снова поклонился в пояс.

— В чем же челобитье? — спросил Новоселов.

Попов выложил Новоселову дело, просил отпустить его с двенадцатью покручениками и с полсотней промышленных людей в морской поход проводить новую Погычу, или Анадырь-реку. Также просил он, от имени товарищества, отпустить с ним приказным служилого человека Дежнева.

Новоселов сел на лавку, задумался. Все молча ждали его слова. Лишь слышалось дыхание десятков людей.

— Добро, Федот. От твоей затеи может быть польза, — сказал, наконец, Новоселов. — Самому-то тебе, Семен, охота ли идти? — спросил он Дежнева.

— Дело по мне.

— Что ж, отпустить тебя, Семен, можно.

Новоселов наклонился вперед и, глядя в упор на Дежнева, продолжал:

— Но отпущу я тебя лишь ради государевой прибыли. Должен ты объявить, много ли соболей привезешь казне с новой реки. Обожди. Подыматься ты будешь, как сам сумеешь. — Костлявый палец Новоселова указывал на Дежнева. — Нам дать тебе нечего. За все это дело один ты будешь ответчик! А коль не соберешь тех соболей, что объявишь в своей челобитной, коль вернешься ни с чем, все объявленное будет с тебя взыскано.

Новоселов откинулся к стене, складки на его лбу разгладились, и он, говоривший так сурово, приветливо глянул на Дежнева.

Дежнев стоял, опираясь на саблю, и думал.

— Объявляю прибыль в пять сороков десять соболей.¹

Все переглянулись: двести десять соболей! Новоселов спокойно одобрил:

— Меньшего и не жду. Государю Михаилу Федоровичу казна очень надобна. Много врагов у Руси: тут поляки, тут шведы, там турки. Чтоб Русь защитить, нужно большое войско. А на войско нужны деньги. Пиши челобитную.

¹ В XVII веке связка сорока собольих шкурок служила укрупненной единицей измерения их числа. Сорок соболей обычно шло на одну шубу.

— Да всяк знай, кто пойдет, — строго продолжал Новоселов, подняв палец. — Служилый человек Дежнев — ваш приказный и передовщик. Он за вас ответ даст. А вы — слушать его беспрекословно!

— Знаем! Так и будет! — загудели охотники.

Писарь Михайла Савин разгладил серый шершавый лист бумаги, обмакнул гусиное перо в пузырек с чернилами и, уперев язык в щеку и склонив голову набок, принялся выписывать, буква за буквой, слова, роняемые Новоселовым.

Все стояли вокруг, боясь кашлянуть. Для многих грамота была за семью печатями. Потее, слушали раздельные слова Новоселова, зрили превращение слов в затейливые завитушки и черточки.

«Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп его, Ленского острога служилой человек, Семейко Иванов Дежнев», — так начиналась челобитная.

Новоселов принял бумагу, и народ стал выходить из избы.

Дежнев приглядывался к своему молодому другу Попову. Такого светлого, торжественно-радостного выражения лица он никогда еще у него не видел. Попов смотрел на окружающих его людей, но, поглощенный новыми мыслями, вряд ли узнавал их.

2. Студёное море

Прошел год. Отшумели зимние метели. Наступил июньский день, когда четыре коча Семена Дежнева вышли из Колымы в Студеное море. Они бежали на восток уж третьи сутки.

Белая ночь равнодушно смотрела сквозь два оконца в тесную казёнку, каюту кормовщика. Здесь, раскинувшись на койке, спал Семен Дежнев. Влажные волосы разметались по его крутому лбу. Капельки пота сбегают у крупного носа. Глаза напряженно зажмурены, зубы стиснуты, мускулы щек движутся, — сон морехода беспокоен.

Студеные волны гулко били просмоленный корпус коча. Коч содрогался, точно пугаясь их упорства, стоял и жаловался.

В казенку доносились тяжелые всплески воды, скрип мачты, гудение паруса. Но ни шум, ни качка не могли разбудить усталого кормщика. Он лишь вздыхал, втягивая пропахший смолой и рыбой воздух.

— Семен! Передовщик!

Дежнев вздрогнул, открыл глаза. В полумраке увидел курносое лицо своего помощника, полукормщика Сухана Прокспьева. Даже спросонья сразу заметил на нем тревогу

— Ну? Что там?

— Сиверко задул! Несет к берегу! — прокричал Прокспьев, но его осипший голос среди гула и треска был еле слышен.

Кормщик вскочил, едва не достав головой потолок казенки, нахлобучил шапку и вышел на палубу. Ветер, озуя, свистел, швырял в лицо соленые брызги.

Дежнев поднялся на мостик нарочито неторопливо. Молодой рулевой Михайла Захаров, озабоченный и старательный, подтянулся, увидев кормщика.

Дежнев взглянул на запад. Поодаль кланялись остальные три коча его каравана, окатываемые белесой пеной. И там пытались на веслах уйти от берега.

Передовщик окинул взглядом гребни суровых волн. Море не сверкало под лучами полуночного солнца, как это было давеча. Оно было свинцовым, враждебным. Океан-батюшка нахмурился.

«До берега — с полверсты, — думал Дежнев, поглядывая на черную полосу угрюмого побережья. — Уходим ли мы от него?»

— Эй, Суханко! Всех на греблю!

Полукормщик загромыхал по лестнице к поварне, переднему отсеку коча, где вповалку спала ватага. Приподняв творило, он рывкнул что было мочи:

— Гей! Все наверх!

— Поднатужьтесь! — крикнул Дежнев заспанным парням, разбиравшим весла. — Кто с веслом в ладу, тот и с парусом не в споре!

— Где им, лежням, поднатужиться, — проворчал бывалый помор Лука Олимпиев. — Были бы хлеб да одёжа, так и ели бы лёжа!

— Коль идет такая работа, и спать неохота! — весело отозвался необидчивый Иван Зырянин. Его круглое молодое лицо было исполнено детского простодушия.

Разбежавшаяся волна наткнулась на коч и, осерчав, взметнула перед мореходами стену дрожащих брызг. Ветер наклонил ее, разнес и обдал гребцов нещадным ливнем.

— Заснешь, пожалуй! — захохотал Иван Зырянин.

Молодым гребцам казалось, что океан-батюшка не гневается, а лишь шутит. Смеясь, они надели весла на кочетки. Гребли стоя.

— Навались!

Голос кормщика остепенил баловавших парней. Их мышцы напряглись, лица покраснели.

«Нет! И так не отходим»... — убеждался Дежнев.

— Дядя Семен! — тревожно окликнул рулевой. — Сносит к берегу!

«Выбросить якоря?» — размышлял Дежнев.

Взгляд передовщика перенесся на полночь,¹ откуда рвались встречные вихри. Вдали, где серая мгла скрывала горизонт, просвечивала белая ломаная полоса.

«Лед! Что теперь якоря! При эдаком ветре лед разобьет в щепы...»

На коче Пустоозерца махали стягом, спрашивая, что делать.

— Поворот по ветру! — крикнул Дежнев. — Правая, табаны!

Нос коча зашел вправо.

— Держись!

Коч вздрогнул. Вода обрушилась на людей, уцепившихся за что попало, оглушила их, ослепила, потащила за собой.

Волна стремительно пронеслась над палубой, над людьми, и Дежнев снова увидел своих парней. Порывисто дыша, они заносили весла.

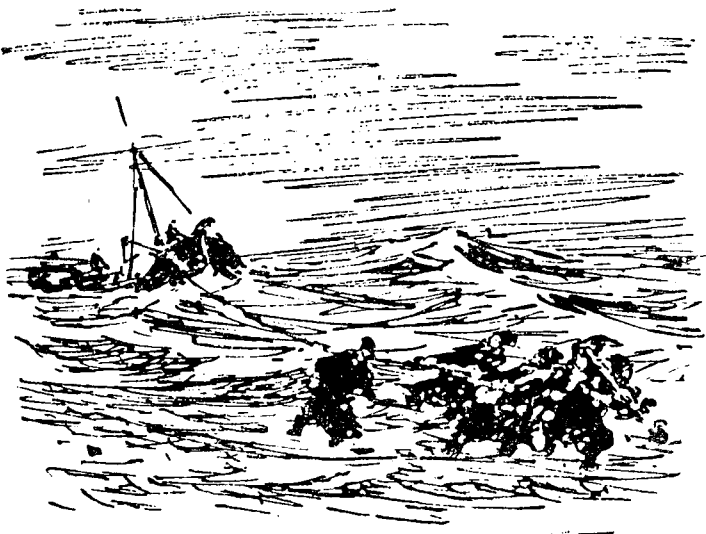
Коч шел к незнакомому берегу.

— Отмахать поворот!

В руках Прокопьева появился белый стяг. Полукормщик отмахал приказ, и кочи Пустоозерца, Игнатьева и Попова, почти скрываемые взметами брызг, повернулись. Они также пошли к берегу.

Рев прибоя нарастал. Пена кипела у сурового берега. Самые бездумные парни смекнули, что дело-то нешуточное.

¹ На полночь — на север. Южное направление — полдень.

— Ивашко, неужто выбрасываться? — услышал Зырянин шепот Шабакова.

Скользнув взглядом по встревоженному лицу молодого помора, Зырянин глянул на Дежнева. Передовщик стоял спокойный, уверенный в себе.

— А ты что б надумал? Кормщик из тебя, Мишка, что топор из кочерыжки! — ответил Зырянин.

«Лишь бы не камни», — думал Дежнев.

Днище заскрипело, завизжало. Коч стал. Люди повалились друг на друга.

— Якорь на берег! — кричал Дежнев, сбегая с мостика. — Вытащим коч за прибой! Лед идет!

Якорь бултыхнулся в воду. За ним кинулись мореходы и поволокли его на берег. Неистовые волны догоняли людей, накрывали их, пытались оторвать, утащить в пучину. Но люди уже шли по темно-серому вязкому песку. Вот и предел прибоя. Под ногами кочковатые зыбкие мхи.

Заступами отбросили мох и неглубокий слой талой земли.

— Мерзлота! — выпрямился Зырянин. — Михалко, дай-ко мне пешню.

Пешни и топоры крошили вечную мерзлоту. Лапы якоря вложили в яму.

Кочевой мастер Степан Сидоров, самый высокий и сильный в ватаге, подводил катки под киль судна. Он стоял по плечи в ледяной воде и, вдохнув побольше воздуха, погружался в нее с головой. Лука Олимпиев подавал ему катки. Остальные мореходы поднялись на коч и навалились на рычаги вóрота. Канат натянулся, а коч — ни с места.

— Что ты будешь делать! Не идет! — проговорил Захаров, отбрасывая со лба мокрые волосы.

«Нет, одной ватаге коча не вытящить, — думал Дежнев. — Разве что приняться за него миром... С мово ли коча начать? Нет. Негоже начинать с меня, передовщика. Начнем-ко мы лучше с Пустоозерца».

— Эй, ватага! — крикнул он. — Все на берег! Поможем-ка сперва Пустоозерцу!

Дежневцы побежали к соседнему кочу, крича и размахивая руками, чтобы собрать все ватаги.

Пустоозерец смутился, увидев передовщика.

«Неужто не то делаю?»

Спрыгнув с борта в воду, он кинулся навстречу Дежневу.

Подошел Исай Игнатьев. Ватажники молча следовали за ним, не смея обгонять кормщика. Строго оглядев своих людей, Игнатьев степенно, по-старинному поклонился передовщику, достав до земли шапкой.

— Добро, что поспешил, — сказал ему Дежнев. — Миром враз вытянем Пустоозерца.

— Как прикажешь, государь мой, так и будет, — ответил Игнатьев и еще строже оглядел свою ватагу.

С шумной толпой покручеников подошел и Федот Попов. Игнатьев неодобрительно покачал головой, заметив вольное поведение людей торгового человека.

Попов поздоровался с передовщиком, не умея скрыть охватившей его тревоги.

— Что делать, Семен? — взволнованно спросил он.

— А вот, Федот, кочи вытянем, оттерпимся, а там снова люди будем, — ответил Дежнев, дружески хлопнув по плечу молодого человека.

— Плаваню, стало быть, конец?

— Не мутясь, и море не установится. Будет, Федот, и плавание.

— Когда будет-то? Говорят, на отложенное дело снег падает.

— А может, все — к лучшему, — подняв брови и разводя руками, рассуждал Игнатьев. — Кто нужды, государь мой, не видел, тот и счастья не узнает, коль встретит.

— Берись за канаты! — приказал Дежнев, когда Пустоозерец изготовился.

Помощники дружно подхватили протянутые с коча канаты.

— Шевелись, шаньга кислая! — кричал Олимпиев, делая страшное лицо.

— Пошел! Пошел!

Коч тронулся. Подсовывая под киль катки, ободряя себя криком, взволнованные мореходы вытянули его за черту прилива. Остановились, бросили канаты, удовлетворенно переглядываясь, облизывая соленые губы.

— К кочу Игнатьева! — крикнул Дежнев.

Ветер свежел. Потемнело. Косо летели снежные стрелы. Кочи исчезли из виду. Мореходы казались ожившими снеговиками. Слышались близкие стуки льдин. Люди торопились.

Осталось вытащить последний коч — судно самого передовщика. До него — с версту, не меньше. Побегали.

Дежнев обогнал Попова. Тот дышал, как лошадь на взводе. Падая и поднимаясь, мореходы спешили за Дежневым. Снег таял на их лицах, и струйки воды текли на бороды. Мимо Попова пробегали неузнаваемые фигуры. Люди и лед достигли коча одновременно.

Попов ухватился за канат. Захаров и Зырянин с дюжиной молодцов влезли на борт и навалились на рычаги вóрота. Все что-то кричат.

«Лишь бы сдвинулся! Хоть бы на шаг! Хоть бы на полшажочка!» — мелькало в мыслях Попова.

— Взяли! — кричит Дежнев.

Чье-то искаженное лицо мелькнуло перед его глазами. Мокрые волосы, прилипшие ко лбу, разорванная рубаха...

«Да это Федот!»

Дежнев обернулся к Попову и улыбнулся ему.

— Пошел! Пошел!

Коч двинулся.

— Стой!

Руки разжались. Люди повалились наземь, кто где был.

«Спасены... Кочи спасены!..»

Снежный вихрь кружился над мореходами.

3. Ошкúй

Когда утром Дежнев вышел из казенки, первое, что он увидел на берегу, была высокая, сажени полторы, грива — гряда битого льда. Ветер дул с прежней силой, но волны не бились сзади коча. Сплошная белая масса мертвого льда покрывала море.

Льдины взгромоздились на льдины, иные стояли торчком. Среде свиста ветра слышался лишь треск льда, напоминавший выстрелы.

Дежнев глянул на кочи Попова, Игнатьева и Пустозерца. Они печально стояли поодаль, отгороженные от моря ледяным валом. Их высокие мачты дрожали под порывами ветра, а незакрепленные снасти мотались, то взлетая, то падая. Лицо Дежнева помрачнело.

— Сели мы подле санок, дядя Семен, — произнес за его спиной чей-то голос.

Дежнев оглянулся. За ним, опираясь на пищаль, стоял Иван Зырянин. Ему еще не пришлось поспать, он был на страже. Его лицо, обрамленное короткой черной бородкой, потемнело, но в глазах блестел веселый огонек.

Дежнев улыбнулся:

— Оттерпимся, сынок.

Дни проходили за днями, а морские злые ветры дули да дули. Мертвый лед по-прежнему покрывал море. Кончался июль. Стало ясно, что в этом году о походе на Анадырь нечего и думать. Нужно было смекать, как бы выбраться из ледяного плена и вернуться зимовать в Нижне-Колымский острожек.

Однажды в обычный ветреный день Ивашко Зырянин заметил желтоватое пятно, двигавшееся между торосами.

— Ошкúй, белый медведь! — радостно воскликнул он. — Дозволь мне, дядя Семен, взять этого ошкуя.

— Ладно уж... — ответил Дежнев. — Дай ему хоть на берег выйти.

Белый медведь, неторопливо перелезая через торосы, пробирался к берегу за полверсты от коча.

Зырянин позвал своего друга Михайлу Захарова, чтобы тот помог ему взять медведя. Оба эти парня происходили из семей знатных соликамских медвежатников. В таких семьях искусство ходить на медведя передавалось от отцов сыновьям.

Зырянин пристегнул к поясу обоюдоострый нож и достал свою рогатину. Охотники скинули кафтаны и шапки, положили на плечи рогатины и размашистым шагом направились к зверю. Мореходы высыпали из всех кочей посмотреть на потеху.

Зырянин приближался к медведю, пряча за спиной рогатину. Ветер трепал его темные волосы и рубаху. За ним шел Михайла Захаров.

Медведь, принесенный на льдине, должно быть, никогда не видел людей. Он не убегал, как того опасался Зырянин, а стоял, перебирая лапами, как бы разминаясь.

Шагах в двадцати от медведя Зырянин остановился, выставив вперед левое плечо и держа обеими руками наклоненную к земле рогатину. Лицо его было серьезно и спокойно.

Медведь заворчал, но не нападал.

— Ну! — крикнул Зырянин.

Медведь вперил в охотника глаза и перестал отаптыгиваться. Но когда Захаров, скрывавшийся за Зыряниным, поднял ледяшку и швырнул ее в зверя, медведь зарычал, оскалил зубы и бросился на Зырянина. Подпустив зверя шага на три, Зырянин поднял рогатину и коротким ударом всадил ее в медведя. Медведь взревел и полез на рогатину, стремясь расправиться с охотником.

Зверь был пудов на восемнадцать. От толчка Зырянин подался назад, но на ногах удержался. Медведь грыз рогатину и старался сломать ее лапой. Кровь хлынула из широкой раны. Лицо Зырянина покраснело, напряженные мускулы вздулись, пот лил с него градом.

Михайла Захаров стоял наготове рядом с другом, но не помогал ему. Были бы они вдвоем на промысле, он давно бы пустил в ход свою рогатину. Здесь же

много народу смотрело на Зырянина, и Захаров не хотел лишить друга чести свалить зверя в единоборстве.

Медведь упал. Его когти судорожно царапали землю. Захаров ткнул медведя пятой рогатины. Зверь не шевельнулся.

— Здоров ошкуй-от, — промолвил Захаров. — Меня уж подмывало ввязаться...

Зырянин отер пот, заливавший ему глаза, выдернул рогатину из тела медведя и заботливо осмотрел ее:

— Добрая рогатина!

Наступил черед поработать и Захарову. Он охотно принялся свежевать медведя.

...В начале августа подул южный ветер — полуденник. С моря слышался треск: лед стал передвигаться. Люди оживились, подводили под кочи катки, проверяли канаты.

Лед отступал. Появились полыньи и заберёга — полоса чистой воды вдоль берега. Кочи стащили на воду, и, частью парусом, частью греблей, расталкивая шестью льдины, дежневцы стали пробираться назад к Колыме.

4. В Якутском остроге

Высокий рыжий казачий пятидесятник Иван Редкин и Василий Бугор, десятник, сидели на широкой лавке в горнице просторного дома Михайлы Стадухина. Справа от Бугра — красный угол. Вышитое полотенце спускалось с темного киота. Солнышко играло на каемчатой скатерти, на узорах половиков. Пол был высокоблен добела. От большой печи шел такой дух, что слюнки текли.

Статная чернобровая хозяйка потчевала гостей медом. Гости степенно, с поклонами приняли большие чарки. Неторопливо, смакуя, выпили.

Стадухин сидел перед гостями в распоясанной красной рубахе с расстегнутым воротом. Ему было жарко. Густые черные волосы прилипли к потному высокому лбу. Седина едва намечалась в курчавой бороде. В ухе блестела золотая серьга. Он пытливо разглядывал гостей, улыбался.

Гости поставили порожние чарки на деревянный рез-

ной поднос, что был в руках у Настасьи, поклонились ей в пояс. Красивая хозяйка скрылась. Василий Бугор переглянулся с Редкиным и повернулся к Стадухину.

— Слышь, Михайла, — сказал он, — нынче поутру торговые да промышленные люди с Колымы-реки прибыли.

— Слыхал, — отозвался Стадухин, вопросительно глядя на Бугра.

— Сказывают, Семен Дежнев с торговым человеком Федотом Поповым кочи ладят: думают бежать по морю Погычу-реку проводывать.

Гости впились глазами в Стадухина. Тот опешил.

— Как! Дежнев? — взгляд его метнулся с Бугра на Редкина.

— Прошлой осенью они сбили товарищество. Может, уж и отбыли на Погычу-то, — пояснил Редкин.

Кровь прилила к шее и лицу Стадухина.

— Я! Я первый сведал о Погыче-реке! — вскричал он. — Не дам я у себя из-под рук Погычу вырвать!

Бугор хитро прищурил глаз, склонил голову набок и, ухватив бороду всей пятерней, промолвил:

— Ну, первый ли ты али нет, о том с тобой спорит Иван Ерастов. Намедни он сказывал, что уж пять лет тому, как он, Иван, от юкагира Порочи про Погычу-реку сведал.

— Прошлый год Ерастов, сам знаешь, подал воеводе челобитную, — примирительно вставил Редкин. — Просил отпустить его искать Погычу.

— Знаю я про Ерастову челобитную. — Стадухин презрительно махнул рукой. — Не польстись воевода Головин в позапрошлом году, как вернулся я с Колымы, на мои соболишки да не затвори он меня в тюрьму, глядишь, я еще тогда на Погычу ушел бы!

— Знаем мы, Михайла, твои обиды. Не один ты терпел от черта Головина. По твоей спине хоть бато¹гом не важивали.

— А у иных казачков, — перебил Редкин, — не успели зажить спины после головинских батов, как воевода Пушкин их наново исполосовал!

— Нынче же дело вот какое, — Бугор наклонился к Стадухину и понизил голос, — казачкам неумоготу

¹ Батог — палка.

жить в Якутском остроге. Воевода-то ведь и половины жалованья не отдал! Жить нечем. Одолжаемся неоплатыми долгами. Казачки домами не устроены. Живем по пять да по десять душ в избе.

— Да и что нас к Якутскому острогу привязало! — воскликнул Редкин. — Люди мы, большинство, — холостые. Что нам здесь сидеть, воеводиных батогов ждать?

— Хотят казачки служить на дальних реках. Хотят новые реки проводывать. А к тебе, Михайла, мы пришли вот с чем: не сходишь ли ты к воеводе Пушкину да не ударишь ли ему челом, чтобы отпустил он тебя с нами проводывать новую реку Погычу?

— Смекаем, Михайла, — поддержал товарища Редкин, — что воевода тебя скорее, чем нас, послушает. Уважает он тебя за достаток да за богатых родичей. Ну и посул¹ ты ему немалый дал...

Стадухин молчал, нахмурясь и сжав губы.

— Что же ответишь казачкам, Михайла? — осторожно спросил Бугор, потирая подбородок.

Стадухин поднял голову:

— Сам бы рад идти на новые реки. Да не стану я бить челом воеводе... И двух месяцев не прошло, как просил я его отпустить меня на Погычу. Отказал воевода. Вдругоряд негоже мне ему кланяться.

Бугор и Редкин переглянулись.

— Вот оно что! — протянул Бугор. — Может, твой посул показался ему мал?..

Гости встали, разводя руками, и взяли за шапки. Ушли. Стадухин сидел, крепко задумавшись и сдвинув брови.

Тяжело, досадно было, что он, давний землепроходец, до сих пор не прославил себя открытием новой реки.

На Вилюй-реку Стадухин ходил рядовым. Шесть лет назад ему удалось наконец стать начальником отряда, посланного на Оймякон. Только проку от того было мало. Воевода взял с него подписку: с Оймякона дальше не ходить, вернуться в Якутский острог.

«Спутал меня этот барсук по рукам и ногам. Не любил он чужой удачи».

¹ Посул — взятка.

Стадухин послушался тогда воеводу и самовольно ушел дальше на поиски новых рек. Он прошел всю Индигирку, построил на ней коч, Студеным морем достиг новой реки Алазеи. Поздно! Там уж стоял Дмитрий Ярило.

Стадухин сумел объединить отряды под своей рукой и смело двинулся дальше. Наконец повезло: открыл новую реку Колыму. Что там Алазея! Колыма-река не уступит и Индигирке! Вот она, слава-то!

Куда там! Воеводе свое надо.

«Почему, вишь ты, ушел я на поиск самовольно, без его указа!»

Вспомнилось, как с Колымы везли его в Якутский острог, будто вора. Тюрьма в остроге. Еле выбрался из нее... Настасья чуть не всех соболей отдала волку-воеводе.

Вылез из тюрьмы и остался чем был, — слава протекла меж пальцев.

А взять хоть бы Ваську Бугра — он открыл Лену-реку. Лену! А прошлой зимой в Якутском остроге только и говорили, что о Василии Пояркове — проведal он захребетную реку Амур.

За такими людьми и не видно Михайлы Стадухина.

И теперь — что ты скажешь! — была надежда проведать незнаемую реку Погычу, поравняться с Бугром, Москвитиным и Поярковым. Так нет же! Прошлый год Ерастов выскочил со своей челобитной, нынче, гляди, как бы Дежнев не опередил. А он, Михайла, видно, опять ни с чем!

Настасья с трепетом наблюдала за мужем через шелку. Долго сидел он, уставясь в угол. Вдруг поднял кулак и грохнул им по столу. Настасья отпрянула от двери.

5. Бунт

С полсотни казаков собралось на площади перед хормами воеводы. Бóльшая их часть — молодые задорные люди, вроде Пашки Кokoулина, рыжего вихрастого забяйки. Но были среди них и такие бывалые казаки, как пятидесятник Шала́м Иванов, имевший на теле немало рубцов. Единственный его глаз сурово смотрел из-под нависшей брови.

Казаки вполголоса перебрасывались словами, глядя, как их челобитчики Василий Бугор и Иван Редкин вот уж час стояли у крыльца. О казаках должно воеводе, но тяжелая дверь все закрыта. Двое стражников с бердышами похаживали у входа.

Наконец челобитчиков впустили. Воевода, боярин Василий Никитич Пушкин, сидел в переднем углу. Его тучное тело облегал вишневый шелковый кафтан с петлицами из золотого галуна. Высокий стоячий воротник-козырь блестел золотым шитьем. Ноги боярина, обутые в красные сафьяновые сапоги, покоились на мягком коврикe.

Опершись руками о колени и прищурясь, боярин смотрел на казаков. В стороне у окна стоял дьяк¹ Петр Стеншин. Выставив вперед жидкую бороденку и собрав складками кожу на лбу, он, как и Пушкин, с любопытством смотрел на челобитчиков.

— Доброго здоровья тебе, боярин! — разом сказали казаки и поклонились в пояс.

¹ Дьяк — старший приказный служащий, секретарь, начальник канцелярии.

— С чем пожаловали? — недовольно спросил Пушкин.

Редкин, как старший, выступил вперед, держа в руках свернутую челобитную.

— Ленские казачки бьют челом великому государю и просят тебя, боярин, принять их челобитную.

— О чем? — Пушкин закинул голову.

«Мошенники! Верно, опять о жалованье», — подумал он.

— Просят тебя казачки отпустить их на реку Колыму. Там бы им государеву службу служить и идти морем проводить новую реку Погычу.

«Вот оно что! Волюшки захотелось!» — смекнул боярин.

— А что там, на новой этой реке, вам так полюбилось? — с усмешкой спросил он. — Разбойничать, чай, хотите?

— Нет, боярин, — ответил Василий Бугор, — не разбойничать, а проведать новую реку хотим, чтобы великому государю прибыль учинить.

— Знаю я, как вы о государевой прибыли печетесь! — отрезал Пушкин, вставая. — Меня вам не провести — уж двадцать лет как воеводствую! Насмотрелся на вас! Воровать да разбойничать — вот о чем ваша забота!

— Пошто обижаешь, боярин? — сказал вполголоса Иван Редкин, моргая белесыми ресницами.

Пушкин молчал, постукивая ногой.

— Что за Погыча-река? — обернулся он к дьяку Стеншину. — Не на нее ли у нас и Михалка Стадухин отпрашивался?

— На нее самую, — почтительно ответил Стеншин. — А прошлый год туда же просился Ивашко Ерастов и челобитную прежнему воеводе Головину подал.

— Ну, что же Головин? — прищурился Пушкин.

— Головин приказал по его, Ивашкиной, росписи заготовить судовую снасть на два коча, а чего в казне нет, то велеть таможенному голове купить.

— Ну, а реку-то эту видел ли кто?

Дьяк, не спускавший глаз с лица Пушкина, развел руками:

— О реке этой, о Погыче, известно лишь со слов

Ивашки Ерастова да Мишки Стадухина. На расспросе они показали, что сами ее не видывали.

Воевода захохотал.

— Так Головин, говоришь, решил послать Ивашку на Погычу-реку? А этой реки, может, и вовсе нету! Недаром государь Головина с воеводства согнал да в Москву с приставами велел выслать. Нам нет надобности у Головина ум занимать! Так-то. — Пушкин протянул руку к неподвижно стоявшим казакам: — Дай-ко челобитную. Погляжу я, кто да кто из вас умышляет бежать от государевой службы. А мово согласия отпустить вас нету.

Челобитчики молча поклонились и вышли.

На площади казаки тотчас окружили своих посланцев. Бугор с Редкиным еще и ртов не открыли, как все поняли, каков ответ воеводы.

— Пушай тогда государево жалованье сполна нам выдаст! — закричал Пашка Кокоулин. — Куда половину нашего жалованья девал?

— Он нас лишь батогами сполна жалует!

— Глядит вдоль, а живет поперек, — сплюнул Артемий Солдат.

— Залил себе за шкуру сала!

— Разбойниками нас называет да ворами! — кричал Кокоулин. — А за что? За раны, что мы принимали на службе?

— Воеводу! Пусть выйдет!

— Воеводу! — гаркнули пятьдесят дюжих глоток.

Воевода вышел. На его толстом лице выступили багровые пятна.

— Что за шум у мово крыльца? Ну, ты, — кивнул он Василию Бугру, — говори! Что здесь за воровство?¹

— Воровства здесь нету, боярин, — отвечал Бугор. — А служилые люди бьют челом великому государю и просят тебя, боярин, выдать им сполна государево жалованье за два года.

— Жалованье? Не по второму ли разу хотите его получать? Выдано вам жалованье!

— Не гневи бога, боярин, — сказал Редкин. — Сам

¹ В XVII веке воровством называли измену, преступление против государства.

знаешь, лишь половину получили служилые люди, а вторую половину тебе да твоим товарищам по домам разнесли.

— Ах ты вор! — вне себя от бешенства крикнул Пушкин. — Стража!

Из ворот воеводского дома выбежала сотня казаков. Большинство их прибыло из Москвы и Енисейска вместе с Пушкиным. Другая часть была из числа зажиточных, устроенных домами семейных казаков, на которых воевода мог положиться.

Стража, вооруженная пищалями и бердышами, окружила бунтовщиков.

— Вязать зачинщиков! Вот этого и того, — показал воевода на Бугра и Редкина. — Всыпать им по полсотне батогов!

Бугра и Редкина быстро подтащили к деревянному помосту, стоявшему посредине площади.

Начали с Бугра. Сорвали с него кафтан и рубаху, кинули животом на скамью. Палач взмахнул батогом. Свистнул рассекаемый воздух — и на широкой спине Бугра вспухла кровавая полоса.

Казаки молча, стиснув зубы, стояли у помоста.

Сиял яркий, солнечный день. Голуби перелетали с крыши на крышу. Воробьи прыгали, чирикают, у ворот. Но свет погожего дня не радовал людей.

Изда, в которой жил Бугор вместе с Артемием Солдатом и Павлом Кокоулиным, стояла в узком переулке у восточных городских ворот, обращенных к Лене.

С того дня, когда Бугор, повиснув на плечах Артемия и Павла, доплелся после порки до дома, он лежал трое суток на животе и лишь охал.

Артемий суетился около него. Он поливал окровавленную спину товарища отваром трав. Тогда боль утихла, Бугор переставал охать и засыпал.

На третьи сутки больной заговорил, а на четвертые, когда пришли пятидесятники Иван Редкин и Шалам Иванов, он даже сел на лавке.

За плотными ставнями и запертой на засов дверью пятеро казаков теснились вокруг Василия. По его обнаженному до пояса мускулистому телу двигались тени и желтые пятна от пламени свечи.

Бугор шепотом поведал друзьям свой тайный замысел. Те не спорили. Они лишь удивлялись смелости замысла и восхищались им.

— Ай да Василий! — повторял Кокоулин. — Ай да Бугор! Бежать!

Артемий Солдат досадовал, что побег состоится не сегодня, а через три дня. Редкин также советовал не откладывать.

— Дольше готовишься — заметней, — говорил он.

Однако было удобнее бежать в ночь на первое июля, когда люди Шалама Иванова станут на страже у городских ворот.

Начальником своего отряда решили избрать Редкина, одного из старших по званию. Он во всем соглашался с Бугром и, подобно Кокоулину, глядел на него с восторженным удивлением.

Наступила ночь на первое июля, белая ночь. Светлое небо было безоблачно. Острог спал. В тишине лаiali собаки да слышались шаги стражи.

В узком переулке показалось четверо казаков. За их спинами — бердыши и туго набитые сумы, в руках — пищали; звякали сабли.

Казаки подошли к городским воротам.

— Стой! Кто идет?

— Погыча! — тихо прозвучал условный отзыв.

— Проходите.

У ворот стоял начальник караула Шалам Иванов.

— Ты, Василий?

Ворота беззвучно отворились.

Одна за другой группы казаков выходили из города. Пропустив последних, Шалам Иванов сам вышел за ворота.

Все пятьдесят беглецов тихо пробрались к берегу Лены, где стоял у причала большой коч торгового человека Шукина. Это был последний коч из спущенных на воду.

За две последние недели пятнадцать кочей ушли из Якутского острога вниз по Лене. Больше четырехсот торговых и промышленных людей отправились на Яну, Индигирку и Колыму для торга и промысла. И Шукин давно бы ушел, да его задержали судовые мастера.

Коч Шукина, оснащенный и наполовину нагруженный, был готов к плаванию. Его мачта четко выделя-

лась на фоне светлого неба. Справа чернели четыре недостроенные коча, стоявшие на берегу.

Шагов за двести до коча Василий Бугор подал знак ложиться. Казаки залегли за песчаной грядой. Бугор послал Павла Кокоулина с четырьмя пластунами перевязать сторожей у амбара и коча Щукина.

Оставив сумы и тяжелое оружие, пластуны поползли, вилия меж песчаными холмами, словно ящерицы, и скрылись, слившись с землей.

Вот у коча слышалась глухая возня и стихла. Из-за гребня дюны показалась ладная фигура Василия Вилюя. Он весело доложил:

— Сделано! Сторожишки связаны.

— К кочу! — приказал Бугор.

Казаки побежали к судну. Пластуны выносили из него связанных сторожей.

Работа закипела. У амбара высадили дверь, а мешки с мукой быстро погрузили на коч. Ни лишних слов, ни суеты. Работали дружно, весело.

Начальник отряда Редкин распоряжался мало. Он все предоставил своему помощнику — Василию Бугру. Казаки больше считались с Бугром. Как-то само собой получалось, что по каждому делу они обращались именно к нему, и Бугор отдавал приказания, словно он, а не Редкин, был начальником.

Подошел Павел Кокоулин:

— Василий, а как с теми кочами быть, с недоделанными? Не повредить ли их маленько? Как бы на них не догнали...

— Не трожь, — ответил Бугор. — Они и за неделю на воде не будут. А там поймай-ка!

Кокоулин беззвучно засмеялся.

— А карбасы, — приказал Бугор, — прихватить с собой.

Два карбаса подняли на коч.

— Ну, Иван, — подошел Бугор к Редкину, — приказывай отплытие.

Редкин махнул рукой. Кокоулин сбросил чалку, и коч, медленно разворачиваясь, стал отваливать от берега. Казаки опустили весла на воду. Дул попутный ветер. На коче подняли парус, и скоро бревенчатые башни острога скрылись за уступом берега.

Ранним утром Якутский острог проснулся от набата. Большой колокол тревожно гудел. Надрывались собаки.

Казаки выбегали на улицу с пищалями и бердышами: тревога бывала и при пожарах, и при нападениях на острог.

Двери отворялись, из-за них высовывались взъерошенные головы заспанных людей. Испуганно спрашивали пробежавших казаков:

— Пожар?

Михайла Стадухин прибежал на площадь одним из первых. Сначала он ничего не понимал. Вдруг раздался отчаянный крик:

— Ограбили! Душегубы! Разбойники! По миру пустили! Люди добрые! Ратуйте!

То Василий Щукин увидел, что исчез его коч, что амбар растворен и пуст. Бросив шапку, он неся к хоромам воеводы, крича и плача.

Скоро весь острог знал о побеге казаков. Щукина не очень жалели — у него были и нетронутые амбары.

Михайла Стадухин помрачнел.

— На Погычу побежали, — шептал он сквозь зубы. — Знаю я Ваську Бугра: он своего добьется!

Воевода, выслушав донесение о бегстве ночного караула с Бугром и Редкиным, послал за сыном боярским¹ Василием Власьевым. Власьев получил приказ собрать отряд надежных казаков и вернуть беглецов. Но он доложил, что за беглецами гнаться не на чем: нет ни одного готового коча. В тот же день все судовые мастера были поставлены на шитье кочей.

Всю ночь не спал Михайла Стадухин. Утром он надел новый кафтан, повесил через плечо перевязь-берендейку и, гремя саблей, отправился к воеводе.

Настасья не смела и спрашивать, что он затеял. Выбежав на крыльцо, она лишь провожала глазами мужа, пока его рослая, плечистая фигура не скрылась за забором.

Стадухина ввели к боярину, отдохавшему после бани.

— Ну, здорово, — снисходительно проворчал Пуш-

¹ Звание, которое давали служилым людям за заслуги.

кин в ответ на приветствие Стадухина. — С чем пришел-то?

— Не гневайся, боярин, а пришел я напомнить тебе о своей челобитной.

Пушкин так изумился, что даже, кряхтя, поднялся и сел на перине.

— Да ты в уме ли, Михалка? — спросил Пушкин. — Это после Васькиного-то воровства ты опять за свое? Может, и бежать уж задумал?

— Негоже мне в бегах быть, боярин, — ответил Стадухин. — Сам знаешь, хозяйство имею, и семья есть. Коль хотел бы убежать, давно бы убежал! — с неожиданным задором вдруг прибавил Стадухин, подняв голову.

— Ну-ну! — замахал руками Пушкин.

— Нет, хочу я идти на Погычу не побегом, а по твоей наказной памяти, боярин. — Стадухин смело глянул на все еще изумленное лицо Пушкина и продолжал: — Раскинъ-ка умом, Василий Никитич, тебе его не занимать стать. Навряд ли сыну боярскому Васильеву догнать Ваську Бугра. Знаю я Бугра. Может статься, что и впрямь проведает он Погычу-реку да о том государю челом ударит. За такое дело государь ему и побег, и шукинский коч простит, а тебе, боярин, от того чести не будет. А ежели Васька с той новой реки большую прибыль государю даст, да против твоей воли, гляди, как бы, неровен час, государево дело¹ на тебя же не написали.

Пушкин побагровел и, встав с постели, грозно спросил:

— Ты что же? Запугивать меня явился?

— Не гневайся, боярин, дай досказать. Дело-то можно повернуть в твою пользу. Отпустишь ты меня с наказной памятью, да проведу я Погычу-реку, тебе от того честь немалая будет. Ну, и то сказать, река-то Погыча богата, сказывают. Без собольей шубы для тебя, боярин, воротиться не посмею.

Стадухин замолчал и самоуверенно стал ждать ответа воеводы. Несколько приостыв, Пушкин грузно опустился на постель и почесал подбородок. Затем, хитро прищутив глаз, сказал:

¹ Государево дело — обвинение в преступлении против царя и государства.

— Как же, по-твоему, выходит: сын боярский Власьев Ваську Бугра догнать не может, а ты догонишь?

— Так и выходит, боярин, — спокойно ответил Стадухин, заложив руку за пояс. — Мне морское дело — за обычай. Хоть ловок Бугор, а уж я-то его догоню.

Пушкин думал, всматриваясь в Стадухина, который стоял перед ним, словно каменный.

— Хитер же ты, Михайла! — сказал он наконец. — Да, видно, быть по-твоему. Ладно уж, иди проводывать эту, как ее, Погычу-реку.

Стадухин вышел от воеводы, едва сдерживая радость. Давно жена не видела его таким веселым. И с сынишкой-то он шутил, и жену хвалил, и обедом был доволен.

Но недолго Стадухин побыл дома. Он поспешил на берег, где ему дошивали коч. Целыми днями он был занят: набирал в свой отряд охочих казаков, получал из казны судовую снасть, ту самую, что воевода Головин велел приготовить для Ивана Ерастова, покупал товары.

Не прошло и недели, как суда для Стадухина и сына боярского Власьева были спущены на воду. В съезжей избе писец переписывал набело воеводскую наказную память Михайле Стадухину:

«...идти им на государевых судах на государеву службу из Якутского острога вниз по Лене и по морю до Колымы-реки, и от Колымы-реки до новой Погычи-реки для прииска погыцких новых земель. Ему же, Михайле, велеть служилым людям проводывать про тот остров, что в море против Погычи-реки. Есть ли на том острове морской зверь морж... И только свидится морской рыбий зуб, и самому ему, и служилым людям велеть собирать и радеть неоплошно...»

Желанная бумага с привесной воеводской печатью была в руках у Стадухина.

6. Беглецы

Четырнадцатого августа при свежем попутном ветре коч Стадухина бежал по морю мимо устья Яны-реки. Сзади едва виднелся парус Власьева.

Широко расставив ноги, Стадухин стоял у руля. Палуба коча то лезла вверх, то наклонялась вперед и стремительно падала. Но Стадухин как будто не замечал этого. Казалось, он один был неподвижен среди общего движения.

Все девять человек отряда были заняты, — кто на парусе, кто на руле.

Стадухин поглядывал на клочья серых облаков, проносившихся над морем, на чаек, с криками летевших к берегу. Он был озабочен: все предвещало бурю.

За устьем Яны берег круто изогнут и тянется к северу. Стадухин приказал — и Ивашко Казанец, худым лицом и заостренным носом похожий на хищную птицу, повернул руль. Юшка Селиверстов, мрачный верзила, занялся парусом. Коч накренился на правый борт и пошел на северо-восток, срезая невидимое за дальностью лукоморье. Вдруг за островом у главной протоки янского устья Стадухин увидел парус, за ним — другой. Из-за острова показались два коча. Они шли к северу и быстро приближались.

На кочах было людно: более двадцати человек на каждом. То были беглые казаки.

На переднем коче Стадухин увидел Ивана Редкина, полужележавшего под мачтой. Ноги Редкина были укрыты медвежьей шкурой. Атаман разболелся. Из-за его болезни беглецы неделю просидели в Усть-Янском зимовье.

На носу второго коча, отнятого казаками около Жиган у торгового человека Колупаева, Стадухин узнал одноглазого Шалама Иванова. На мостике распорядился Василий Бугор, а рядом с ним виднелась коренастая фигура Ивана Пуляева. Казаки держали оружие. Фитили пищалей курились.

— Гей! — крикнул Стадухин. — Ивашка! Васька! Стой! Слово есть!

На кочах спустили паруса. Кочи сошлись на веслах.

— Здорово, бунтовщики! — приветствовал Стадухин беглых казаков. — Куда путь держите?

— Здравствуй и ты, Михайла! — отвечал Бугор. — А путь держим на Погычу-реку.

Стадухин вынул из-за пазухи кожаный мешочек и поднял его над головой:

— Видите это? Здесь наказная память от воеводы! Мне быть приказным на Погыче-реке!

Беглецы молча смотрели на него. Стадухин стоял перед ними огромный, в плечах кося сажень; его черные волосы разлетались от ветра. Он глядел самоуверенно и гордо.

— А парус в море приметили? — продолжал Стадухин. — То бежит сын боярский Василий Власьев. Ему дан наказ вас переловить и в Якутский острог спровадить.

— Прыток больно! Пусть попробует! — зашумели казаки.

— Кто же из вас захочет со мной государеву службу справлять и на Погычу идти, — гремел голос Стадухина, — того я приму и Власьеву не выдам. А пойдете одни, все едино, хоть на Индигирке, хоть на Колыме, вас переловят. Так как же, ребята? Теперь ваше слово.

— Так что ж? — заговорил Редкин, пытаясь подняться. — Мы не против... Нам же лучше. А? Как

вы, ребята? — он обернулся к Бугру, видимо, за поддержкой. По осунувшемуся лицу Редкина Стадухин понял, как тяжело он болен.

— Верно! — быстро ответил Бугор. — Мы не изменники государю. Мы и ушли-то ему же службу справлять. А коль Михайла нас примет, за то ему спасибо. Не так ли я говорю, казачки?

— Так! Верно! Мы не против! — загудели голоса.

Стадухин чуть заметно усмехнулся и поднял руку. В наступившей тишине он произнес медленно и веско:

— Каждому помнить: к послушникам жалости у меня нету!

Так дружина Стадухина увеличилась вшестеро, а у беглецов появился новый начальник. Редкин и Бугор радовались: слишком тяжело было им управлять сбросившей узду казачьей вольницей. Казаки не очень-то считались с выбранными главарями.

Подошел и коч сына боярского Власьева. Кормщик стоял на носу, грузный, с лохматой бородой. Он облачился в темно-красную фэрязь, длинный кафтан без воротника, украшенный петлицами из серебряного галуна. Кисти его кушака мотались по ветру. За кушаком торчал пистолет.

Глухо стукнула рея спущенного паруса, и кочи сошлись бортами.

— Далеко же ты убежал, Васька! — насмешливо обратился Власьев к Бугру. — Ну, что ж? Погулял и будет. Приходится поворачивать.

— А уж это как наш приказный скажет, — спокойно ответил Бугор, показывая на Стадухина.

— Какой приказный? Ты мне тут шутки-то не вышучивай!

— Шутить-то он любит, — ответил за Бугра Стадухин, — да верно, что он теперь моего отряда. Я принял этих людей к себе. Они идут со мной на Погычу.

Власьев побагровел:

— Ты что ж? Тоже бунтовать вздумал?

— Перво-наперво, ты мне не указчик, — гордо ответил Стадухин, заложив руку за пояс. — Я — сам по себе, ты — сам по себе. А воевода мне приказал принимать охочих людей, которым морское да ратное дело за обычай. Эй! — крикнул он. — Поднять паруса! Нам языки чесать недосуг!

Юшка Селиверстов, плюнув на ладонь, схватился за снасть.

— Стой! — иступленно заорал Власьев. — У меня тоже наказ! Вот он! Пограбленные кочи у беглых отобрать! Ворочай назад! Не то государево дело на вас будет!

Смекнув, что спор-то затяжной, Стадухин махнул старому Кузьме, полукормщику Редкина, чтобы тот шел к Святому носу. Под шумок Кузьма поднял парус, и его коч побежал к северу.

Долго препирались Власьев со Стадухиным. А небо мрачнело. Волны поднимались выше. Качка усиливалась.

Стадухин понял, что не выдать людей — полбеда. Но краденый коч нужно отдать.

— Василий! — крикнул он, наконец, Бугру. — Вернись в Усть-Янское зимовье. Отдай ему коч. Пес с ним! Сами же нартами идите на Индигирку, а оттуда на Колыму. Там меня найдете.

С этими словами он оставил Власьева и Бугра, поднял парус и погнался за Редкиным, коч которого был еле виден.

Редкину становилось все хуже и хуже. Он лежал в казенке почти без сознания, сжав бескровные губы.

Правил старый помор Кузьма. Он стоял у руля, высокоий, со впалыми щеками и жидкой седой бородой. Кузьма торопился, пока ветер попутен, обойти Святой нос.

«А там, — думал он, — будет видно... Коль погода разыграется, укроюсь в Хромой речке...»

Так бежал он целые сутки, видя за собой коч Стадухина.

Утро следующего дня было сумрачно. Темные облака летели над самым морем. Шел дождь. Справа чернел берег, временами исчезающий за завесой дождя.

Святой нос возник перед кочем внезапно, выступив из мглы. Кузьма обошел его, с опаской поглядывая на каменные уступы.

Но вот ветер переменился и понес судно на скалы.

Кузьма спустил парус, поставил всех людей на вес.

ла. Он повернул против ветра, стремясь уйти от крутого и скалистого берега. Здесь на берег не выбросишься!

На свое счастье, Стадухин не успел обойти Святой нос до начала бури. Обдаваемый брызгами, он стоял у руля, мрачно глядя на волны, ударявшие о прибрежные скалы.

«Что делать? — думал он. — Нет! Нос обходить не буду. Но где ж этот Редкин?»

Долго и упорно борясь со встречным ветром, коч Стадухина вышел севернее Святого носа.

— В-о-о-н он, Редкин-то! — показал Селиверстов.

— Далеко ушел. Чуть виден, горемыка, — заговорили гребцы.

— Не выбраться ему, пожалуй, оттоле...

— Где там выбраться!..

Стадухин сразу понял, в какой опасности Редкин.

— Ивашка! Отмаши ему огнем, чтоб вернулся! — крикнул Стадухин.

Казанец зажег смолистый факел и махал им, пока судно не снесло к югу и коч Редкина не скрылся за носом. Тогда Стадухин развернулся, поднял парус и, предоставив Редкина своей судьбе, подгоняемый бурей, помчался назад, к устью Яны.

Тем временем казаки Редкина изнемогали в борьбе со смертью. Кузьма отлично понял огненную отмашку Стадухина. Он и сам был бы рад вернуться назад за Святой нос. Там берег тянулся к югу и можно было бы с попутным ветром убежать от льда и спрятаться в устье Яны.

Кузьма направил коч к северо-западу. Но ему часто приходилось принимать на север: ветер сносил к берегу.

Волна за волной обрушивалась на коч. Промокшие, ослепляемые потоками воды, люди едва гребли. Лица были строги, все работали молча. Мир сузился до палубы, весла и очередной волны.

Стемнело. Уж не было видно ни огненной отмашки Стадухина, ни берега. Ветер, косо летевшие хлопья снега да брызги волн мчались во тьме.

Иван Редкин метался в бреду, затворенный в казенке. Он был единственным человеком, не сознававшим, что смерть рядом.

Коч встряхнуло. Проломленное днище затрещало. Зашумела вода, врываясь в отсеки коча. Люди бросились к карбасам.

В этот страшный час старый Кузьма не забыл о Редкине. Кормщик лежал на полу казенки. Его голова колотилась об углы ящиков.

Кузьма вытащил Редкина на палубу. Вода лилась на Кузьму и его ношу. Палуба уходила из-под ног.

— Митрий! Принимай! — крикнул Кузьма и стал спускать Редкина в карбас.

Чьи-то руки подхватили бесчувственное тело кормщика.

Вдруг палуба коча круто наклонилась. Кузьма сорвался. Удар по голове! Мгновение — и коч опрокинулся, накрыв карбас. Волна пронеслась над днищем коча. Когда она схлынула, не было ни коча, ни карбаса.

Бугор и Власьев добрались до Усть-Янского зимовья раньше Стадухина. Власьев расположился в острожке, а беглые казаки разбили лагерь отдельно, в версте от острожка, и перетаскивали в него с коча Колупаева муку, топоры, сети, порох, свинец.

Бугор понимал, что, отдай он эти запасы Власьеву, всем его людям придется либо умирать с голоду, либо вернуться в Якутский острог, в тюрьму. Без этих товаров не купить ни нарт, ни собак, ни лыж, ни зимней одежды.

Но вот прибыл и Стадухин. Он был угрюм и едва отвечал на вопросы. Для него стало ясно, что этим летом не только до Погычи-реки, а и до Колымы не доберешься. Поход на Погычу откладывался на год.

«А Дежнев! — думал Стадухин. — Не ушел ли он на Погычу? А вдруг да ушел?»

На что еще надеялся Стадухин — на лед и бурю. Они помешали ему, Михайле; так же они должны были помешать и Дежневу. Это соображение несколько успокоило гордеца. Стадухин почти поверил, что и Дежнев не прошел на Погычу. Но пришли новые тревожные мысли, и он снова нахмурился.

«Там, на Колыме, Дежнев ближе к Погыче-реке верст на тысячу! — думал Стадухин. — От Яны до Колымы с попутным ветром — неделя морского хода.

У Колымы же заберёга очищается от льда раньше, чем у Яны. Недаром говорят, что на Яне самое студеное место во всей Сибири!»

Стадухин одиноко шагал над песчаным крутояром, спускавшимся к Яне. Внизу казаки разгружали коч. Собирался дождь. Ветер пригибал к земле тощие кустики.

Навстречу Стадухину шел человек, подгоняемый ветром. Полы его казачьего кафтана разлетались и вытягивались вперед. Казак остановился перед Стадухиным и сказал, усмехаясь:

— Здорово, Михайла! Али стара друга не признаешь?

Стадухин узнал его. Герасим Анкудинов мало изменился за несколько лет после его бегства из ленского казачьего полка. Теперь ему, видимо, за тридцать, но он по-прежнему худощав и ловок. Тонкое лицо Анкудинова было бы красивым, если б его не портило выражение наглости. До Стадухина доходили темные слухи об этом человеке. Анкудинов побывал и на Индигирке, и на Колыме. Там грабил торговых, здесь — промышленных людей... Не одна челобитная была подана на него воеводе.

Приподняв изогнутую бровь и покручивая черный ус, Анкудинов глядел на Стадухина, ожидая ответа.

Стадухин презрительно прищурился. Сделав усилие, чтобы удержаться от грубого слова, он вдруг подумал, искоса глядя на Анкудинова: «А нешто послать проходимца задержать Дежнева? Пожалуй, он смог бы это сделать». Стадухин внутренне усмехнулся, оставаясь непроницаемым для Анкудинова. «Связаться с негодяем? — продолжал он раздумывать. — Тебе ли мараť свое имя, Михайла! А буду зевать, Дежнев меня обгонит! Снова буду в хвосте... Но Семен — мой товарищ! Могу ль я подсылать к нему разбойника? Да не убивать же я его пошлю! Он лишь задержит Дежнева. Я — приказный на Погыче! Каким посмешищем я буду, коли приду на нее последним!»

Анкудинов заметил, что презрительное выражение лица Стадухина сменилось дружелюбным.

— Здравствуй, Герасим! — услышал он ответ Стадухина.

7. Фомка и Сидорка

Вернувшись в Нижне-Колымский острог, Дежнев начал осмотр кочей.

— Давай-ко, Федот, поглядим, — сказал он Попову, — гожи ли наши кочи. Да что ты такой скучный?

— Эх, Семен!.. Была у двора масленица, а в избу не зашла.

— Остер топор, да и он на сук налетает. А ударь-ко дважды! А надо — и трижды! Небось — перерубишь.

Кочи имели жалкий вид. Многие брусья и доски треснули, швы разошлись; течь была столь сильной, что едва успевали отливать воду.

— Надо шить новые, — сказал Дежнев.

— Надо, — согласился Попов.

— А из чего шить? Плавник плохой. Не сплавить ли корабельщину сверху, из-за Верхне-Колымского?

Наклонив голову набок, Дежнев вопросительно глядел на Попова.

— Сряжайся-ко, Федот. Тебе идти за корабельщиной. Бери любой коч, бери человек двадцать охочих людей да завтра и в путь.

Дежнев понимал: Попову необходима деятельность. В бездействии он мог приуныть, и, кто знает, может быть, отказаться от плавания.

Попов охотно принял поручение. С ветром-попутником он поднялся по Колыме до Верхне-Колымского зимовья.

Хотя сосен и елей здесь не было, зато повсюду стояли высокие, прямые, стройные лиственницы — добрая корабельщина. Звон топоров, треск падавших деревьев, голоса и смех людей распугали зверей на десяток верст. А коль шальному медведю и случалось нарваться на порубщиков, те стремительно набегали на него с поднятыми топорами.

— Митька, забегай! Ивашко, черт, отрезай! — кричали справа и слева.

От этих веселых голосов, а еще больше от блеска топоров на длинных топорницах медведь пускался напролом в чащу с такой прытью, что и на коне его не догнали бы.

Лес нарубили, связали два плота. Нужно было спе-

шить: в низовье Колымы ледостав бывал в середине августа. И вот коч и плоты понеслись по течению.

У Средне-Колымского зимовья Попов сошел с коча с пятерыми покручениками. Он надумал поохотиться здесь и вернуться в Нижне-Колымский острог зимним путем. Пятнадцать сплавщиков погнажи коч и плоты дальше.

Сначала охота не ладилась. Весь сентябрь завывали метели. Наконец завернул такой буран, что из зимовья нельзя было и носа высунуть.

Однажды утром, это было в середине октября, Попов проснулся первым. Он отбросил меховое одеяло и открыл глаза. Свет еле проглядывал в избу сквозь маленькие, занесенные снегом оконца, затянутые рыбьим пузырем.

Слышалось храпение и дыхание спящих. Люди спали вповалку, кто — на лавках, кто — на полу. Кроме Попова с его покручениками в избе жили якут Удима, двое среднеколымских казаков и их приказный.

Жарко. Воздух тяжелый. Попову не спалось. Мысли не давали ему покоя.

«Ишь как Митька Вятчанин насвистывает! — думал Попов. — Славный малый. Но хитер! Что его занесло в эту даль? Александров, Назаров, Федоров — те охотники. Соболев, знать, их сюда привел. Олимпиев — помор. Куда не заносит поморов! Но Митька... А я сам! Как я здесь оказался? Ишь ты! Отсель два года до Москвы ехать. Москва!..»

Попов повернулся на спину, широко открытыми глазами уставился в потолок. Вспомнилась березовая роща в Подмосковье. Вспомнилась Иринushка...

Тогда Попову шел двадцать первый год. Жизнь еще не наложила на молодого человека особых тягот. Напротив, она манила его чудесными обещаниями, казалась готовою открыть ему свои тайны. Было лето. Он лежал на холме, глядя в предвечернее небо. Голубое над головой, оно было молочным у горизонта, и там четко рисовались темно-синие лохмотья облаков.

Колосья колыхались у самого лица. Как спокойно ему было и хорошо! Казалось, ничего больше не существует, лишь это небо, кузнечики да далекая песня.

Попов услышал шуршание травы от легких шагов, приподнялся, увидел перед собой красавицу девушку. Он был настолько поражен, что даже не сразу встал. В глазах девушки, выразивших сперва больше удивления, нежели испуга, вспыхнули искорки веселья.

Заходящее солнце осияло красавицу теплыми лучами. Засветился нежный пушок на ее щеках, вспыхнули пряди русых волос, выбившиеся из-под цветной шелковой косынки.

Неловкий поклон растерявшегося Попова — и губы девушки дрогнули, приоткрылись. Ее смех еще и сейчас, через семь с лишним лет, звучал в ушах Попова. Внезапно девушка спохватилась, быстро обернулась и побежала с холма вниз на дорогу, где в повозке ее ждал родитель. То был именитый купец гостиной сотни Василий Лубков.

...Теперь, лежа на полатах, Попов вспомнил и развязку этой встречи. Ему едва удалось вторично увидеть девушку и перемолвиться с ней немногими словами. Вскоре Попов узнал, что Ирину отец выдал за сына богатого купца Шерстобитова.

Попов вздохнул, сел, потом спустил ноги с полатей, надел валенки, накинул полушубок и стал пробираться в потемках меж спавшими людьми к двери. Открыть дверь оказалось нелегким делом, так ее занесло снегом. Попов навалился со всей силой. Дверь подалась. Яркий свет заставил зажмуриться. Морозный воздух ворвался в избу.

Попов протиснулся в дверь. Вокруг все бело. Небо очистилось. Снеговые тучи, целый месяц висевшие над Средне-Колымским зимовьем, исчезли. Буран, бушевавший трое суток, утих. А что снегу вокруг!

После темной и душной избы Попову захотелось света, воздуха, движения. Он разбудил своих людей, и скоро все зимовье ожило. Среди снега запестрели красные и черные шапки, нагольные полушубки, замелькали лопаты, зазвенели молодые голоса. Михайла Шабakov со смехом валял в снегу своего сверстника Филиппа Александрова.

— Так его! Катай его, курносого! — кричал Дмитрий Вятчанин.

Через мгновение насмешник сам был опрокинут в снег высоким, голубоглазым Тимошей Месиным и бес-

помощно барахтался, не в силах выбраться из сугроба. Хохот молодежи раздавался над зимовьем. Все радовались окончанию бурана.

— А что, Федот, — спросил Попова покрученик Ивашко Осипов, — пожалуй, скоро и на охоту?

— На медведя пойдем! — живо ответил Попов. — Удима! Где он? Удима, ты божился, что знаешь медвежье место?

— Знаю, хозяин! Удима знает, — отвечал худой, сморщенный старый якут, взявшийся быть проводником. — Без мяса оттоле не вернешься, — добавил он, приветливо глядя на Попова.

Попов вышел с Удимой на лыжах поразмяться. Похожее на луну красноватое солнце висело во мгле над горизонтом. Снег матово блестел и весело скрипел под лыжами.

Удима шел впереди, прокладывая лыжню. Временами он оглядывался на Попова, показывая плоское, морщинистое, узкоглазое лицо, и дружелюбно улыбался.

Старый Удима был беглым рабом кангаласского тойона Курсуй. Однако когда-то он был свободным человеком и жил с женой и двумя детьми на реке Танде, притоке Алдана, занимался соболиным промыслом.

Попову захотелось побольше узнать об Удимае.

— Удима, — обратился он к старику, — расскажи, как ты попал к своему тойону?

— Учугей, хорошо! — охотно ответил Удима. — Вот прискакали кангаласцы. Курсуй, сын самого тойона Бозеко Тыниновича, налетел. Да брат с ним был родный Бузудай, да их родичи, да боканы...¹ Сына мово убили. Юрту спалили. Меня, жену и дочь в полон увели.

За семь лет жизни в Сибири Попов наслышался подобных рассказов. Якутские тойоны постоянно совершали набеги на улусы соседних племен, а бывало — и на улусы своего же племени. Они захватывали людей и обращали их в рабство.

— Где твоя жена?

— В ту пору умерла жена тойона Бозеко. Моя Чимая ей служила. Ее и зарезали, чтоб схоронить с хозяйкой...

— Что ты?! — ужаснулся Попов, но тут же вспом-

¹ Бокан — раб (якутское).

нил, что он уже слышал о диком обычае хоронить ближайших рабов с их тойонами.

— Бокан должен служить тойону и после смерти, — пояснил Удима.

— А где же твоя дочь?

Удима грустно склонил голову:

— Тойон Курсуй продал ее. Взял за нее двух кобыл.

— Давно ли ты ушел от Курсуя?

Удима снял рукавицу и пересчитал по пальцам:

— Пять зим, как ушел.

— А как убежал?

— Как? Ночью увел двух коней. В Якутский острог прискакал. У русских и остался.

— А не требовал ли тебя тойон обратно?

— Курсуй сам бежал. Заворовался! Он русских людей убивал.

— Поймали его?

— Где! Тайга велика!

— Как же ты, Удима, попал на Колыму?

— Ушел сперва на Индигирку. Соболей добывать. Пристал к русским соболятникам. Там ограбил нас казак Анкудинов. Беглый. Все отнял! С голоду помирали... Потом пристал к другим охотникам. Шли они на Колыму.

Попов разглядывал морщинистое лицо человека, чья судьба была столь изменчивой. Впереди послышались собачий лай и крики людей. Меж деревьями показались нарты.

Несказанно удивленные, Попов и Удима увидели среди кустов дюжину измученных собак. Высунув языки и скуля, они едва вытаскивали нарты из сугробов. Рядом с нартами бежал на лыжах долговязый человек с палкой в руке и пищалью за плечами. Он помогал собакам и кричал высоким надтреснутым голосом:

— Ну! Рыбий глаз! Вперед! Пáца! Пáца! ¹ Чтоб вас громом разразило!

Долговязый был одет в рваную короткую кухлянку и меховые штаны. На поясе у него болтался топор и большой нож. Когда погонщик приблизился, Попов увидел рыжие космы, выбившиеся из-под рваной рысьей шапки, выпученные бесцветные глаза под рыжими бро-

¹ Пáца — вперед (якутское).

вами, длинный вздернутый нос, впалые щеки, открытый рот и редкую, словно выщипанную бородавку.

— Сидорка! — весело окликнул Попов.

— Холмогорец! — не менее радостно отозвался Сидорка петушиным голосом. — Фомка! — закричал он, оборачиваясь назад. — Фомка! Федот Холмогорец! Вот он!

Из-за лиственничной поросли вырвались вторые нарты. Рядом с ними бежал на лыжах коренастый старик, сивая борода которого метлой торчала в разные стороны. Глаза старика были чуть видны из-под надвинутой лисьей шапки, а увесистый нос поражал красным цветом.

— Федотушко! Неужто ты, мил-любезный человек? Вот уж неожиданно-негаданно! — густым басом приветствовал старик Попова и обнял его, словно родного.

Фома Семенов, по прозвищу Пермяк, и его неразлучный друг Сидор Емельянов Устюжан — известные на сибирских реках охотники. Полные имена их мало кто знал. Большинству промышленных и служилых людей они были знакомы как «Фомка с Сидоркой».

Попов впервые встретился с Фомкой и Сидоркой лет пять назад на Оленек-реке. Позже он видел их на Яне и на Индигирке.

Под крики охрипших охотников еще пять собачьих упряжек выбежали из-за кустов.

— Вперед! — закричал Попов, едва они остановились. — Зимовье близко!

Скоро все были в зимовье. Крики, приветствия, лай собак. Прибытие двенадцати человек с Яны и Индигирки — большое событие.

Собак накормили и привязали. Попов усадил Фомку и Сидорку за стол. Колымчане с нетерпением ожидали, когда же гости насытятся и начнут рассказывать новости.

— Накормлены и напоены! — возвестил наконец бас Фомки. — Благодарствую, Федотушко, мил-любезный человек.

— А племянничка твоего, Емелю Стефанова, мы видели, — сказал Сидорка Попову, ослабляя ремень на вздутом животе. — Здравствует. Красавец!

— Вот как! Где ж вы его видели?

— На Яне, милóй, на Яне, — пробасил Фомка, вытирая губы.

— Может, сказать что велел?

— Ась? Сказать? — Фомка замялся и смущенно почесал затылок. — Не вспомнить...

— Даже и кланяться племянничек не просил? Неужто?

— Коль сказать правду, мил-любезный человек, ушли мы с Сидоркой из Усть-Янского зимовья, не прощаясь.

— А куда ушли, того не сказывали, — добавил Сидорка, снова принимаясь за изрядный кусок мяса.

— У племянничка-то твоего и в уме не было, что мы дядюшку увидим.

«Становится все занятнее», — подумал Попов.

— Что ж тому за причина? — спросил он, делая вид, что не слишком удивляется.

— Сидорка, притвори дверь-то плотнее. Федотушко, сядь-ко, милóй, поближе. А дело мы тебе все обскажем. Дежнева, слышь ты, Дежнева на реку Погычу хотят не пустить! — при этих словах Фомка резко откинулся на скамейке и значительно поднял палец.

— Как это — «не пустить»? — вспыхнул Попов. — Кто это хочет?

— Десятник казачий Михайла Стадухин, вот кто.

— Стадухин?

— Он. Он, Михайла, слышь-ко, сам Погычу-реку идет проводывать. Из Якутского острога идет.

— Фома, ты шутишь! У Дежнева наказная память, приказным выданная.

— Приказным? Колымским? — насмешливо переспросил Сидорка. — А у Стадухина наказная память от самого воеводы! От Пушкина. Печать привесная — во!

— Да мы уж больше года как дело задумали! Мы уж ходили искать Погычу! — горячился Попов.

— А дошли ли? — любопытствовал Фомка.

— Вернулись.

— Плохо. Поторопиться бы вам... Много нонче охотников Погычу-реку искать объявилось. Нонешним летом Василий Бугор с Иваном Редкиным просились на ту же Погычу-реку у нового воеводы Пушкина. Не пустил их воевода.

— Бугра даже выпорол, чтоб его громом разразило! — выкрикнул Сидорка.

— Неужто за Погычу выпорол?

— Не за Погычу, вестимо, — ответил Фомка. — Казачки, рассказывают, в Якутском шум подняли. Требовали от воеводы, чтоб он им жалованье выплатил. Воевода зачинщикам-то и всыпал по пятьдесят батогов. Ну, Бугор рассерчал. Взял да с товарищами и утек.

— Торгового человека Щукина знаешь? На его коче они и ушли, — весело проговорил Сидорка и принялся за новый мосол.

— Утекли-то казачки хорошо, а шли не дюже. Противные ветры дули. Больше месяца шли. Лишь в начале августа объявились они в Усть-Янском зимовье, — продолжал рассказывать Фомка. — Воевода-то, видно, смекнул, что Погычу-реку, того и гляди, и без его воеводского наказа проведуют. Неохота ему стало в дураках оставаться. Он и послал Стадухина.

— Где же Стадухин?

— В Усть-Янском был. Нынче ж где, — неведомо. У этого мужика шаг широкий.

— А как прибыл он на Яну, тут же беглых казаков к себе принял.

— Под свою, значит, руку, — пояснил Фомка. — «Всех, — говорит, — поведу на Погычу!»

— Что ж он на Яне сидит? Что на Колыму не идет?

— Он бы пошел, коли б мог. Лед не пустил его дальше Святого носа. Он и вернулся на Яну.

— Добро! — воскликнул Попов, вскакивая. — Зиму он просидит на Яне. Пока он будет идти до Колымы, мы тем временем, может быть, и до Погычи дойдем! Не догнать ему нас, хоть у него и шаг широкий, и воеводский наказ с печатью!

— Сядь-ко, Федотушко, да послушай, — пробасил Фомка, насупившись. — Дело-то не все еще выложено...

Фомка посопел, потрепал свою и без того растрепанную бороду и вдруг выпалил:

— Михайла Стадухин лихого человека Гераську Анкудинова вперед себя к вам засылает!

— Анкудинова?

— Его. Только начну-ко я лучше сначала. Августа в девятнадцатый было день, из лесу идучи, присели мы часом с Сидоркой под обрывом Яны-реки. С полверсты

до зимовья не дошли. Отдыхаем. Полдничаем. Вдруг — над нами шаги. Ни мы людей не видим, ни они нас. «Здорово, Михайла! — говорит один. — Аль стара друга не признаёшь?» Помолчал тот. Долго молчал, но все-таки ответил: «Здравствуй, — говорит, — Герасим. Как тебя не признать? Тебя издалека видно. Сам воевода тебя помнит». — «Ужели помнит?» — спросил Герасим. «Сам запомнил да и сыну боярскому Василию Власьеву в памяти держать велел. Поймай, говорит, мне этого молодца да пришли его в железах на Лену». Герасим стал хорохориться. Где, мол, ему, Власьеву, меня взять! А Михайла-то ему и говорит: «А я мог бы тебя, Герасим, выручить и Власьеву не выдать. Могу я и в поход тебя с собой взять на нову Погычу-реку. Там, на той новой реке, немала добыча будет! Навряд ли тебе, Герасим, плоха доля в том походе достанется. Так что, — говорит, — пойдешь ли со мной на Погычу?» — «Да я ль, — отвечает, — не пойду! Да хоть нынче! Мигни только — я и готов». А Михайла-то тут и скажи: «Должон ты, Герасим, наперед сослужить мне важну службу да тайну». — «Что хошь сделаю», — ответил Гераська.

— Слушай, что ему Стадухин приказал, чтоб его громом разразило! — воскликнул Сидорка, отбрасывая обглоданную кость.

— «А коли так, — говорит Михайла, — не медля, по первому нартному пути пойдешь ты на Колыму, — продолжал рассказывать Фомка. — Там на ту же на Погычу-реку сряжается Семен Дежнев. Должон ты помешать ему выйти в море до моего прихода».

Кровь бросилась Попову в голову:

— Помешать! Как может он помешать?!

— «Как ты это сделаешь, — сказал ему Стадухин, — дело не мое, — продолжал Сидорка, выуживая из котла мясо. — Одно помни: чтоб до меня Дежнев на Погычу — ни шагу!»

— Того уж мы не ведаем, как он может помешать, — прибавил Фомка, оглядываясь на Сидорку. — Может статься, кочи спалит. Мало ль худого можно сделать, коль совести нет! А Гераська — он по нашим рекам известный.

— Ишь, волки!

— «Если же все-таки выйдет он в море, — продолжал Фомка, — тогда, — говорит, — иди за ним следом.

Задержи его хоть в походе. Подняться, мол, я тебе помогу. Порох и свинец выдам. На собак, на нарты и лыжи получишь деньги».

— Тут мы с Фомкой слышим, отходят они от обрыва, — привстал Сидорка. — Я выглянул — они!

— Я тоже глянул. Михайлу Стадухина ни с кем не спутать: высок, черноволос, в плечах косая сажень. Богатырь!

— Гераська, рыбий глаз, тоже заметный, — вставил Сидорка. — Худошав. Горбонос.

— Стойте! — вдруг воскликнул Попов, пораженный догадкой. — Так вы для того с Яны сюда, на Колыму, пришли, чтоб нас известить? Лишь из-за нас?

Попов вскочил и обнял Фомку, а затем Сидорку.

— Спасибо! Вот верные друзья!

— С Дежневым мы, мил-любезный человек, не единожды встречались. Годов уже шесть тому будет, как мы с ним на Оймяконе-реке здоровущую медведицу взяли. Оттоле мы с ним по Индигирке-реке до Студеного моря спустились.

Сидорка делал отчаянные знаки рукой, желая что-то сказать, но мясо во рту мешало ему.

— С Индигирки Дежнев со Стадухиным правее взяли, на реку Алазею. Мы же с Фомкой — налево, на Оленек-реку подались, — сказал, наконец, Сидорка, ухитрившись проглотить мясо.

— И везде Дежнев был нам другом. Вместе мы мерзли, вместе голодали, вместе соболей промышляли, — добавил Фомка.

— Пороху он нам давал, свинцу. Душевный человек! Не Мишка Стадухин, — заключил Сидорка.

— Да и от тебя, Федотушко, мы плохого не видавали, — сказал Фомка.

— Верные друзья! — повторил Попов.

— Ладно! Пусть он приходит, этот Анкудинов! — Попов ударил кулаком по столу. — Мы его в железа закуем!

— В железа? Добро, — согласился Фомка. — Только, милый, он не один у вас объявится. Прибрал он себе шайку ворья. Сам он у них в атаманах ходит. А в той шайке человек с тридцать. Оружны они. Не простое дело их взять, мил-любезный человек. Ась?

Тотчас же прозвучал резкий треск.

— А! — в испуге вскрикнул Сидорка, выпучив глаза. — Уж не брюхо ли лопнуло? — Он торопливо ощущал живот. — Нет, рыбий глаз! Только ремень лопнул с пряжкой!

Взрыв хохота потряс избу.

— Тьфу! Чтоб тебя! — с досадой сплюнул Фомка.

— Ха-ха-ха! Сидорка! А может, все-таки брюхо? Ха-ха-ха! Глянь-ка получше! — тряс Сидорку за плечи Попов.

Когда хохот наконец стих, Фомка с Сидоркой принялись рассказывать о своем переходе с Яны на Колыму.

От Усть-Янского зимовья они поднялись в карбасе вверх по Яне и ее правому притоку Джангкы-реке. В верховьях Джангкы спрятали карбас в кустах и поднялись на хребет Тас-Хаяхтах. Перевалив через хребет, спустились к Селеннях-реке. Там добыли у юкагиров карбас и спустились по Селеннях-реке и Индигирке до Уяндинского зимовья, где их застал ледостав. Фомка с Сидоркой купили собак и нарты, пристали к ватаге промысловых людей и с ними добрались до Средне-Колымского зимовья.

Попов рассказал Фомке с Сидоркой о неудачном морском походе.

— Вижу, закручинился ты, Федотушко, — сочувственно отозвался Фомка, — а тебе б не горевать, радоваться надо.

— Чему же радоваться?

— Чему? — воскликнул Фомка, вскакивая на ноги. — Вы, слава богу, живы воротились! Вот чему! Знаю я Студено море! Бывало, льды затирали кочи, давили их. Случалось, ни едина человека не оставалось жива. Иные тонули, иные с голоду помирали. Иван Редкин, беглый пятидесятник, к примеру. Тоже на Погычу-реку шел. Он перед самой бурей за Святой нос заскочил. Только его и видели, вечная ему память!

— Думаешь, погиб?

— Потоп, — ответил Сидорка с необычной для него серьезностью.

— А вы, — продолжал Фомка, — не только все живы, а и кочи пригнали на Колыму. Этому ли не радоваться?

— Этому и я радуюсь, — улыбнулся Попов. — Толь-

ко, вишь ты, тревожит меня, что люди могут отпасть от товарищества. Ведь ждать до другого лета!

— Не только не отпадут, а еще и иные охочие люди приищутся, — басил Фомка. — Возьми хоть меня с Сидоркой: будем челом бить Дежневу, чтобы он и нас принял во товарищи.

— В добрый час, Фома, — ответил Попов, наливая вино в кружки гостей. — И я, и Дежнев будем рады.

Фомка выпил, крикнул, и его глаза увлажнились.

— А ты вот обожди, — подмигнул он, ставя на стол пустую кружку, — сходим на Погычу или на Анадырь-реку, а там, может, мы тебе и женку приищем. Не русскую, правда, сибирскую: юкагирку али якутку.

Вечер прошел в беседах да шутках. Разговоров хватило бы, пожалуй, и на ночь. Однако надо было спать: на утро намечалась охота. Скоро вся изба погрузилась во тьму и сон.

8. Улуу-Тойон

Охотники поднялись до рассвета. Звезды еще перемигивались в черном небе. Пока кормили собак да запрягали их в нарты, стало светать.

Собаки бодро побежали по рыхлому снегу.

Здесь лес не был похож на те жалкие заросли тальника, что щетинились в низовье Колымы. Здесь деревья были толще и выше. Потерявшие хвою лиственницы кутались в снежные покрывала. Попов с наслаждением вдыхал смолистый воздух. Остановились. Было трудно двигаться с нартами — камни, бурелом, чащоба.

Охотники надели лыжи. Попов, Удима, Фомка и Сидорка пошли вперед. Остальные должны были идти с нартами по их следу.

Удима шел первым, прокладывая лыжню. Фомка вел рыжую лайку Хитрого.

Пищаль была у одного Сидорки. Фомка и Попов были вооружены лишь рогатинами да ножами. Фомка не признавал иной охоты на медведя, кроме охоты с рогатиной. Охотиться на медведя с пищалью, по его мнению, — глупое баловство.

— Перво-наперво, — говаривал он, — пищаль может дать осечку, а если зверь-от близок, — тут тебе и конец! Опять же, с первой пули навряд ли ведмедя убьешь. А заряжать-то ее, пищаль, и-и как долго... Нет, робята, слушайте старика: нет надежнее доброй рогатины.

Попов также стоял за рогатину. Его увлекало единоборство со зверем, когда на одной чашке весов — сила, мужество и ум человека, а на другой — сила и хитрость зверя.

Удима должен был лишь показать берлогу. Якуты боялись и почитали медведя, и никто не рассчитывал, что Удима будет помощником в медвежьей охоте. Тем не менее Удима был вооружен пальмой¹ и луком. В руке, как и другие лыжники, он держал батожок.

Мороз крепчал. Воздух был неподвижен. Скрип снега, треск задетой ветки — каждый звук в лесной тиши был слышен далеко. Бледно-голубое небо просвечивало меж ветвями.

Хитрый бежал впереди, проваливаясь в снег по брюхо. Вдруг он остановился и зарычал. Шерсть на его спине поднялась дыбом.

— Ведмедя учуял! — прошептал Фомка.

Подозвав собаку, он взял ее на сворку и снял ножны с пера — наконечника рогатины. Хитрый рвался вперед, натягивая сворку.

К изумлению охотников, до них донеслись голоса людей.

— Фома, — сказал шепотом Попов, — обожди здесь с Хитрым. Мы глянем, что там за люди.

Попов, Сидорка и Удима осторожно пробирались дальше.

Перед ними — гряда больших мшистых камней, ползасыпанных снегом. Охотники добрались до камней и выглянули из-за них.

В проходе между скалами сидел громадный бурый медведь. Видимо, это был шатун, не успевший залечь в берлогу. Шагах в двадцати от него без шапки стоял старый якут. Он низко кланялся медведю и что-то говорил. Поодаль виднелось человек десять якутов, дер-

¹ Пальма — якутское оружие, имеющее вид длинного тяжелого ножа, насаженного на короткое древко.

жавших под уздцы волновавшихся коней. Медведь недовольно глядел на старика маленькими глазками.

Попов ткнул Удиму в бок:

— Толкуй, что старик говорит медведю.

— Он говорит, — зашептал дрожащий от страха Удима, — он говорит: «Улуу-Тойон!¹ Хозяин леса! Не гневайся! Мы не хотим тебя обидеть!»

Медведь подозрительно повел носом и заворчал. Старик упал на колени и, кланяясь в землю, снова заговорил плачущим голосом.

— Старик сказал, — переводил Удима, — он провожает дочь Кивиль с женихом. Будет свадьба. Старый якут сказал: «Уважь меня, Улуу-Тойон! Пропусти нас, а то Кур... Курсуй, жених, откажется от моей дочери».

Тут Удима быстро замотал лицо длинными ушами малахая.

— Дальше! — нетерпеливо шепнул Попов.

— «Курсуй богат. Кивиль говорит: «Он стар и зол, не хочу за него замуж». Но я — бедный старик. Курсуй даст мне за нее двух кобылиц и коня».

— Старый черт! — вырвалось у Попова.

— «Уважь, Улуу-Тойон, — говорит старик, — пропусти нас».

Старик поклонился, коснувшись лбом снега.

Тут Попов увидел, что медведь раскрыл пасть и шагнул к старику. Якут упал в снег ничком и вопил:

— Улуу-Тойон! Смилуйся!

— Фомка! Спускай собаку! — крикнул Попов и бросился к зверю.

Попов перелезал через камни, когда мимо промелькнул Хитрый.

Увы! Охотники и собака не успели. Зверь придавил старика лапой и схватил его зубами за голову.

Хитрый с лаем напал на медведя сзади. Зверь повернулся и увидел Фомку. Без лыж, без кухлянки, шапки и рукавиц Фомка стоял перед ним, готовый к бою. Встав на дыбы, медведь с ревом двинулся на него. Хитрый сзади хватал зверя за ляжки. Но медведь не обращал внимания на собаку. Саженная фигура мохна-

¹ Улуу-Тойон — грозный господин (якутское). Колымские якуты почитали медведя и считали его хозяином леса. Обычай обращаться к медведю с просьбой сохранялся на Колыме до конца девятнадцатого столетия.

того зверя заслонила Фомке и лес, и сугробы, и небо.

Фомка пригнулся, и, когда медведь приблизился, сверкнуло перо рогаины. Фомка вонзил рогаину в грудь медведя и, быстро передвинув обе руки к ее пяте, сунул рогаину вперед.

Громадный зверь опрокинулся. Фомка со всею силой навалился на рогаину, прижимая медведя к земле.

Медведь беспомощно мотал задранными кверху лапами, сиюсь перевернуться. Подбежавший Попов также всадил в медведя рогаину. Зверь вытянулся и затих.

Увидев Улуу-Тойона мертвым, якуты подняли крик и с бранью стали надвигаться на русских.

Девушка-якутка бросилась к старику, залитому кровью, плача, тормошила и звала его. Старик был мертв.

— Кивиль! — окликнул девушку Попов.

Она удивленно оглянулась. Попов увидел юное лицо, большие черные глаза, полные слез. Скулы девушки не слишком выдавались, нос был с горбинкой, черные косы спускались на спину. Не мигая, Кивиль смотрела на русского воина.

Девушка приглянулась Попову с первого взгляда.

— Удима, — проговорил он, — спроси, кто же ее жених? Да где ты?

Удима подошел как-то боком, прикрывая лицо шапкой.

Девушка показала на невысокого плотного якута лет пятидесяти. Косой шрам пересекал неподвижное, жесткое лицо этого человека.

— Спроси, — сказал Попов, — хочет ли она идти за него замуж?

— Нет! Не хочу! — воскликнула девушка, вскакивая на ноги.

Курсуй схватил ее за руку.

— Обожди, — спокойно продолжал Попов, отстраняя Курсуя. — Спроси ее, Удима, не лучше ли ей пойти за меня?

— Да! — тотчас же ответила девушка, опуская глаза.

— А, хан ыт харах!¹ — сквозь зубы прошипел Курсуй и, выхватив нож, бросился на Кивиль.

¹ Хан ыт харах — кровь черной собаки (якутское).

В ту же секунду Попов ударил Курсуя кулаком. Курсуй упал навзничь, и нож выпал из его руки. Через мгновение он уже поднимался, задыхаясь от злобы. Свита Курсуя схватилась за ножи и копья. Началась свалка.

Попов и Фомка отбивались рогатинами. Сидорка выстрелил из пищали в воздух, а затем, схватив ее за ствол, стал молотить прикладом, словно цепом.

Крики, визг девушки, лай собаки, ржание коней — все смешалось. Еще несколько мгновений — и якуты побежали. Они вскочили на коней и умчались, бросив девушку и мертвого старика. Девушка плакала над отцом.

Попов обратил внимание на бессмысленно улыбавшееся лицо Удимы.

— Ты что? — спросил Попов.

— Это он — тойон Курсуй Бозекович.

— Твой хозяин?

— Он.

— То-то, я смотрю, ты шапкой закрылся. Испугался?

— Когда б он узнал, убил бы.

— Не бойся — ты с нами. Давайте-ка похороним старика.

Охотники отвалили несколько камней и с помощью ножей и топоров выкопали в земле неглубокую яму. Попов подошел к девушке, тронул ее за плечо и стал объяснять, мешая якутские слова с русскими, что хочет похоронить ее отца. Сначала девушка испуганно смотрела на него, не понимая. Наконец она поняла, отрицательно качала головой, закрыла старика своим телом, что-то говоря по-якутски.

— Она говорит, — сказал Удима, — якута не хоронят в яме. Там его схватит злой Хомуллагас. Якута хоронят высоко. На дереве. Там его увидит Юрюнг-Айыы-Тойон, добрый бог.

Попов развел руками и, подумав, сказал Удиме:

— Делай по своему обычаю.

Удима срубил несколько молодых лиственниц и отсек их ветви. Выбрав развесистую лиственницу, он взобрался на нее, принял от Сидорки заготовленные жерди и уложил их на ветвях дерева, сделав помост.

Мертвец был поднят на дерево. Удима положил его на жерди головой к югу и привязал веревкой к ветвям лиственницы.

Девушка следила за работой Удима, шепча какие-то слова, может быть, заклинания.

Еще не покончили с похоронами, как послышался лай собак и крики. Подоспели люди, шедшие сзади с нартами. Расспросам и удивлению не было конца. Шумно переговариваясь, двинулись к зимовью. Собаки, наевшиеся медвежатины, рвались вперед.

На нартах рядом с Поповым сидела черноглазая девушка, его будущая жена.

9. Нижне-Колымский острог

Настал день, когда, нагрузив нарты добытым мясом, охотники стали сряжаться домой, в Нижне-Колымский острог.

Нарты увязаны; собаки запряжены. Волнуясь, они то вскакивали, то ложились, то начинали грызться. Над сворой клубился пар.

Осматривая собачьи упряжки, Попов заметил Удиму, привязывавшего мешок к нартам. Якут был в походном снаряжении: на боку — лук, на поясе — пальма, в руках — лыжи.

— Куда ты, Удима? — спросил удивленный Попов. — Хочешь проводить нас?

— С тобой иду, хозяин.

— Куда со мной?

— Куда ты, туда и Удима.

— Я там, в Нижне-Колымском, не останусь. Я уйду оттоль в море.

— И Удиму возьми, хозяин.

— Вот те на! Как ты надумал?

— Ты — хороший. Я буду твоим боканом. За собаками буду ходить. Что заставишь, все буду делать.

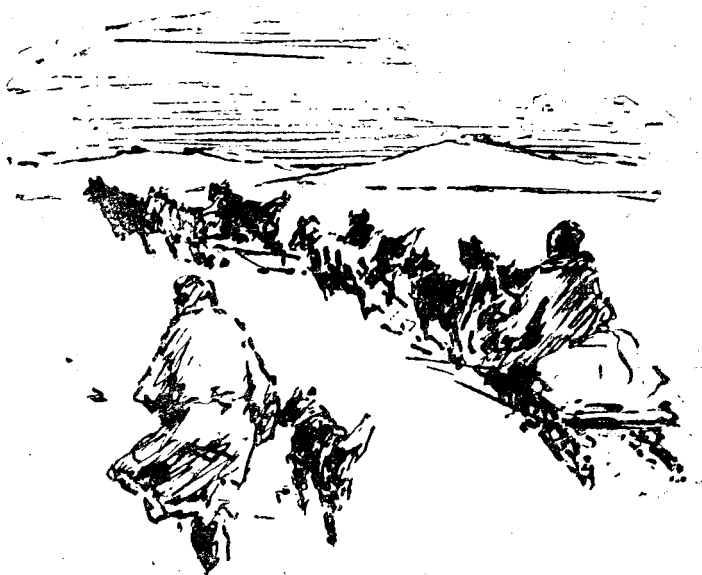
— Тебе ведомо, я не держу боканов.

— В покрученики возьми, — не отставал Удима.

— Подумай лучше, Удима. В море трудно. Вернемся ли, не ведаем.

— Удима был в море. Удима старый. Живет — хорошо, умрет — хорошо. Не гони, хозяин!

— Едем! — решительно согласился Попов. — Фомка, рекой ли нам ехать, напрямик ли?

— Рекой, сынок, вестимо, Колымушкой. Оно подале будет, да путь легче. С пути не собьемся, мил человек.

— Быть по-твоему. Едем рекой.

Кивиль слушала не совсем понятный ей разговор. Вокруг толпились казаки. Собаки повизгивали от нетерпения. Наконец путники попрощались, сели на нарты и тронулись.

Двенадцать крупных, похожих на волков собак тянули передние нарты. На них мчался Попов с Кивилью.

Кивиль отлично умела управлять собачьей упряжкой. Раскрасневшаяся, она размахивала остблом¹ и кричала:

— Сат! Сат! Ха!

Она оглядывалась на Попова и улыбалась ему.

Избавившись от ненавистного Курсуя, Кивиль вдруг стала невестой молодого красавца русского. Она думала, что ее жених — вождь, большой тойон. Она ощущала блестящий кинжал, подаренный ей Поповым, го-

¹ Остбл — палка, служащая для управления собаками и закрепления нарт на стоянке.

товая бороться за своего жениха с людьми, со зверями, даже со злыми духами. Кивиль была счастлива.

Через каждые десять верст Попов делал привалы. Одна за другой подбегали упряжки. Ссорясь между собой, собаки ложились отдыхать. Люди бегали около нарт, чтобы размяться и согреться.

Для ночлегов Попов выбирал места, где можно было добыть топливо. Разведя огонь, люди ставили пологи из оленьих шкур, ужинали. Тем временем собаки отлеживались. Затем люди отогревали у костров мерзлую рыбу, рубили ее и бросали собакам.

Накормив собак и привязав наиболее беспокойных, путники забирались в меховые спальные мешки и мгновенно засыпали. Собаки сворачивались на снегу клубочками, повизгивали во сне.

Попов поднимал людей еще затемно. Путники спешили дальше. Так они двигались больше недели.

И вот, наконец, собачьи упряжки вынесли нарты за обрывистый мыс. На высоком берегу Кивиль увидела бревенчатые башни Нижне-Колымского острога, покрашенные зарей, а у самой реки — копошившихся людей. Там мелькали топоры, двигались пилы, оттуда слышался стук молотков и русская речь.

Кивиль испуганно оглянулась на Попова, но его лицо сияло радостью. Он махнул рукавицей и закричал:

— Ого-го!

Плотники, бросив работу, с веселыми криками побежали навстречу путникам. Толпясь, люди окружили нарты. От шума и суматохи у Кивили стучало сердце. Она видела, как широкоплечий, бородатый мужчина с приветливым лицом — это был Дежнев — обнимал Попова.

— Ну, брат Федот, и заждались же мы! Ишь ты, какую красавицу выискал! — говорил Дежнев, потрепав Кивиль по щеке. — Фомка с Сидоркой! Здорово! Отколь взялись? А я думал, вы все на Яне промышляете.

— Мы, мы и есть, — пробасил Фомка, кланяясь.

— Доброго здоровьица, Семен! — тонким голосом отозвался Сидорка. — Э! Прочь, аспиды! — крикнул он на сцепившихся собак.

— Как живешь, Фома?

— Как бог пошлет, — отвечал Фомка. — Ино летом, ино скоком, а ино и ползком. Дождь вымочит, солнышко высушит, ветры голову расчешут.

— Такой же! А ты как, Сидорка?

— Тош, как хвощ, живу тоненько, да помаленьку. Бывает, и Сидорка с Фомкой гуся жарят. А то... и брюхо есть, да нечего съесть.

— Ну, брат, нынче в брюхе будет!

— Ты подумай, Семен, какие это люди! — сказал Попов. — Ведь они из-за нас с тобой тысячи две верст отмахали. Пришли о незваных гостях весть нам подать. Стадухин, слышь, лихого человека Анкудинова к нам засылает. Не хочет Михаила пустить нас на Погычу-реку, — прибавил он вполголоса.

— Ишь чего! Думают, на Руси все караси. Ан и ершики попадаются! Спасибо, друзья! Ну, рассказывать после будете, в избе да в тепле. Русская кость тепло любит.

Собак распрягли, нарты втащили на косогор. Часом позже, сидя на лавке перед пылавшей печью, Фомка с Сидоркой, перебивая друг друга, рассказали о заговоре Стадухина с Анкудиновым.

— Мужик лишь пиво заварил, — проворчал приказный Гаврилов, — а уж черт с ведром.

«Эх, Михайла, Михайла! — думал Дежнев о своем давнем товарище-однополчанине Стадухине. — До чего довела тебя гордость! А жаль... Умный ты мужик. Но поддаться я тебе не поддамся. Тоже ведь и мы не лыком шиты, злой человек».

Дежнев сердечно благодарил Фомку с Сидоркой. Он обрадовался, когда услышал, что они запрашивают идти с ним по морю.

— Таких, — сказал он, — нам и надо. Это нашему брату на руку.

Однако, выслушав новости, все крепко задумались.

— Не пушу я этого разбойника в острог. Пусть зимует где хочет, — решительно сказал приказный Гаврилов.

По его взгляду все поняли, что он так и сделает.

Дежнев принял свои меры. На другой же день плотбище, место шитья судов, стали обносить крепким тыном. По углам поставили сторожевые башни. За тыном у судов сложили избу для стражи, а у избы — клеть для собак. Стражу удвоили как у судов, так и в остроге.

К возвращению Попова на городках — бревенчатых клетках — уж стояли остовы всех шести кочей. Дежнев и Попов постоянно бывали на плотбище — много

толковали с мастером Сидоровым, как бы сделать кочи крепче, как увеличить их плавучесть.

Пока стояли морозы, нечего было и думать об обшивке кочей тесом. Хрупкие на морозе доски ломались при попытках согнуть их. До оттепели шла лишь заготовка досок и брусьев. Чтобы плотники не мерзли, лес разделявали в сарае.

Появление в остроге молодой якутки Кивили никого не удивило. Там было мало русских женщин. Казаки и промышленные люди брали в жены якуток, тунгусок, юкагирок. Женщины окружили Кивиль, как только ее увидели.

Ойя, жена писаря Михайлы Савина, несколько дней назад подаренная ему проезжим якутом, без умолку болтала с Кивилью на родном языке. Маленькие глазки Ойи бегали, а плоское лицо оставалось неподвижным, как маска.

Попов нарядил свою навесту, словно куклу. Кухлянка и чулки на Кивили были беличьи; высокие сапоги-торбаса — внутри на заячьем меху, снаружи — на оленьем; шапочка — соболя.

Кивиль быстро освоилась с жизнью в остроге, привыкла носить бельё и с удовольствием ходила в баню. Она не любила сидеть в душной избе и искала развлечения на вольном воздухе.

Часто Кивиль просила Попова покататься с ней на оленях. Молодые люди садились на нарты, Кивиль гикала на оленей по-своему, да только их и видели!

10. Тревожная свадьба

Попов решил сыграть свадьбу. Ему хотелось поселиться и встряхнуть своих товарищей.

Свадебные столы были накрыты в просторной избе приказного Гаврилова, который согласился быть «посажённым отцом» невесты.

Когда гости собрались, дружка Дмитрий Вятчанин, привлекательный парень со смешинкой в дерзких глазах, отвесил низкий поклон главе свадебного торжества тысяцкому Дежневу и произнес:

— Позволь, тысяцкий-господин, за столы зайти, за

столы дубовы, за ножки кленовы, за скатерти ткани!
Гостей было так много, что не всем удалось найти место.

— Не там худо, где негде сесть, а там, где нечего есть, — пробурчал Фомка, усаживаясь со своей деревянной тарелкой на подоконнике.

Однако Зырянин и Захаров тотчас же вскочили и почти силой усадили Фомку и Сидорку на свои места.

Пир удался, хоть куда. Чего только на столах не было! Тут и оленина, и медвежатина, и гусятина, всякая рыба. Были и жареные лебеди, набитые еще осенью.

Ели, пили и кричали:

— Горько!

В разгар пира из-за стола встал Бессон Астафьев, младший приказчик московского купца Гусельникова. Он откинул русые волосы, снял со стены гусли и запел:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за лесу, лесу дремучего
Летит стая серых гусей,
А вторая-то белых лебедей...

Астафьев уже не видел ни жениха, ни невесты, ни избы...

Вот отстала тут лебедушка
От стада свою белокрылого.
Приставала тут лебедушка
К серу стаду да гусиному.

Когда песня кончилась, поднялся Исай Игнатьев и отвесил низкий поклон Астафьеву:

— Сердечное спасибо тебе, государь мой!

Из-за двери послышался топот избегающего на крыльцо человека. Дверь распахнулась, и в избу ворвался высокий казак с пищалью в руке. Не здороваясь, он огляделся и шагнул к Гаврилову.

— Приказный, к острогу подъезжает поезд на собаках. Человек с тридцать...

— Анкудинов пожаловал, — сказал Гаврилов Дежневу. — Ворота не отпирать! Бить тревогу!

Вестовщик выбежал вон. Мужчины засуетились одеваясь. Зазвенели пристегиваемые сабли. Гаврилов снял со стены пищаль.

— Все будет хорошо, — сказал Попов невесте. — Жди спокойно.

Он вышел на мороз под бледное небо, на котором уж вспыхнули две-три звездочки.

На площади били в медный котел. В полутьме бежали люди. Один на ходу перебрасывал через плечо перевязь сабли, другой оглядывал пищаль.

Попов занял место в угловой башне. Он видел из бойницы людей, подъезжавших на собаках, нарты за нартами. Они собрались у ворот. Один из пришельцев стал колотить кулаком в ворота.

Приказный Гаврилов показался в бойнице приворотной башни.

— Кто стучит? — спросил он. — Что за люди?

— А, это ты, Гаврилов, — хрипло ответил стучавший. — Не узнал нешто меня? Анкудинов я. Отвори-ко ворота!

— Воров-станичников в острог не пускаю, — невозмутимо заявил Гаврилов.

— Кто это воры? — угрожающе вскричал Анкудинов.

— Мы те покажем, что мы за станичники! — запетушился рядом с Анкудиновым плюгавый мужичонко Пятко Неронов. — Разнесем ваш гнилой тын по бревнышку!

— Тоже еще, зубы кажет, — проворчал за спиною Попова Иван Зырянин.

В руках анкудиновцев блеснуло оружие.

Гаврилов поднял руку. Пропел рожок. Из бойниц и из-за зубцов тына показались дула пищалей.

— Ну вот что, Анкудинов, — сказал Гаврилов, не повышая голоса. — Ты знаешь, что у меня за люди — соболятники. Они попадают зверю в глаз с шестидесяти шагов. Что останется от твоего поезда, коль их пищали выпалят?

Анкудиновцы переглянулись.

— Слушай, Гаврилов, — начал Анкудинов примирительно, — люди же мы... Неужто дашь нам от стужи и голода сгihnуть?

— Пусты, Христа ради! — занудил Неронов.

— Вон, — ответил Гаврилов, — верстах в двух стоит старое зимовье. Живите в нем, коль хотите. Одно помните: будет от вас вред, не погляжу на зиму — выгоню и оттуда.

— Хотел отведасть со сковороды, да пришлось лизнуть сковородник! — закричал Зырянин.

С тем Анкудинов и ушел. Попов видел, как его шайка, понукая измученных собак, под свист и улюлюканье ниже-колымцев исчезла в сгустившемся сумраке.

— Что кряхтишь, Афанасий? — спросил Дежнев Андреева, старшего приказчика московского купца Гусельникова, медленно спускавшегося с башни.

— Года, Семен, года... На пятом десятке силы убывают год от года, на шестом — месяц от месяца. А мне уже до семидесяти недалеко. Смотрел я вот на этих лиходеев и спрашивал себя: почему **это зло** так обнаглело? Почему люди теряют совесть?

На следующий день свадебное торжество продолжалось. В избе Гаврилова опять ели и пили. На улице парни затевали то борьбу, то кулачные бои. За воротами шло веселое катанье на санках.

Под вечер Анкудинов наведалься на плотбище. Темнело, когда он со своим подручным, плутом Пяткой Нероновым, подходил к тыну, окружавшему строившиеся суда. Из острога доносилась песня Астафьева:

Закатилось солнце красное
За горы-то, за высокие,
За леса-то, за темные,
За пади-то, за широкие...

«Поете? — думал Анкудинов. — Пойте, пойте... У нас своя песня...»

Вдруг из-за тына показалась рваная рысья шапка, и тонкий голос крикнул:

— Эй! Стой! Чтоб вас громом разразило!

Рядом появилась вторая голова с лохматой бородой, и густой бас спокойно произнес:

— Эй, молодец! Воротись! К смерти идешь!

Анкудинов с Нероновым увидели стволы двух пищалей, направленные в их головы. Неронов попятился. Анкудинов остановился. Некоторое время незваные гости стояли, изумленно всматриваясь в целившихся стражников.

— Тьфу ты, пропасть! — сплюнул Анкудинов. — Да ведь это Фомка с Сидоркой!

— Вот те на! — отозвался Неронов, оборачиваясь к Анкудинову. — Выходит, они раньше нас сюда прилетели.

— Задери меня ведмедь, коль не ваша работа, что нас в острог не пустили да в гнилую землянку выгнали! Не так ли, голубчики?

— Не тебе нас спрашивать, не нам ответ держать, — ответил Сидорка с важностью.

— Нечего языки мозолить, — пробасил Фомка. — Ворочай назад! Коль вы меня знаете, слыхали, должно быть: я и летящему гусю в голову попадаю.

Анкудинов повернулся и пошел прочь.

— Что, брат, облизался! — крикнул ему Сидорка.

— Пришлась ложка по рту, да, видно, хлебать нечего, — усмехнулся Фомка, опуская пищаль.

Анкудинов метнул злобный взгляд:

— Встретимся еще мы с тобой, старый гриб, на узкой тропочке. Да и ты, Сидорка, цапля ошипанная, от расчета не уйдешь!

В последний день свадьбы раньше всех, затемно, встала Ойя. Муж Ойи, Михайла Савин, храпел на полатях. Не вздувая огня, Ойя ощупью нашла свои унты, кухлянку и шапку. Бесшумно проскользнула она к двери меж спавшими на полу охотниками и вышла в сени. Там она подхватила пару деревянных ведер и, нацепив их на коромысло, двинулась между избами и сугробами к воротам острога.

У запертых ворот прохаживался закутанный в тулуп стражник.

— Вада нада... Открой, — проговорила Ойя, оглядывая стражника узкими глазками.

Ворча, казак отпер ворота и выпустил Ойю. Якутка пошла вниз к реке. Вот и прорубь. Однако Ойя не остановилась. Спрятав в снегу ведра и коромысло, она быстро побежала вдоль берега.

Пробежав с полверсты, якутка оглянулась и убедилась, что из острога ее не видно. Затем она полезла по снегу на высокий берег, вошла в чашу тальника и скрылась в нем.

Ойя вернулась к проруби через полчаса. Она достала свои ведра, разбила коромыслом лед, затянувший

прорубь, зачерпнула воду и как ни в чем не бывало пошла в острог.

В этот день шумное веселье продолжалось на воздухе. Попов затеял гонку каюров.

— А ну, молодцы, лихие каюры! — крикнул Попов. — Чьи собаки быстрее? Кто обгонит, тому этот нож, серебром выложенный!

Он отстегнул от пояса нож и поднял его над головой.

Началась суматоха. Охотники побежали запрягать собак. Разноголосый лай огласил тундру. Народ повалил из ворот острога к реке.

В толпе появилась долговязая фигура Сидорки. Он кого-то искал, вытянув гусиную шею и подняв брови. Увидев Фомку, Сидорка протискался к нему и что-то долго шептал ему на ухо. Фомка вскинул седые брови, насторожился.

— Пойдем, браток, — пробурчал он. — Тут дело нечистое...

Десять собачьих упряжек выстроились внизу на реке. По знаку тысяцкого с визгом и лаем они рванулись вперед. Зрители орали и свистели что было мочи.

В первой гоньбе победил Михайла Захаров и, радостный, пристегнул к поясу нож Попова.

К Кивили, возбужденной гонкой, подошла, улыбаясь, Ойя. Бегаая хитрыми глазками, она предложила новобрачной состязание в гоньбе.

Кивиль покраснела и нерешительно посмотрела на Попова.

— Твой жена хочет меня обогнать, — проговорила Ойя.

— Добро, Кивиль! — воскликнул Попов. — Покажь-ка ей, какой ты каюр!

Покрученики Ивашко Осипов и Тимоша Месин вывели упряжку для Кивили. В легкие нарты было запряжено двенадцать пушистых лаек.

Упряжка Ойи с виду была похуже. Взъерошенные псы, должно быть, не всегда получали корм. Но от опытного глаза не могло укрыться, что это сильные собаки, привыкшие к нартам. Они грызлись и рвались вперед.

Кивиль и Ойя вскочили на нарты.

— Вперед! — крикнул Попов.

Под хохот и гиканье толпы собаки помчались по заснеженной реке.

Сначала Кивиль обогнала Ойю на целую сажень и хохотала, поверив в легкую победу. Но скоро соперница начала догонять. Ойя кричала на собак и вертела остол над головой.

Кивиль увидела, что Ойя ее обгоняет, и глаза ее блеснули:

— Сат! Сат!

Кивиль размахивала остолом, не видя ничего, кроме лохматого вожака Ойи. Лохматый вырвался вперед, — и вот уж впереди вся упряжка Ойи.

Кивиль не заметила, как собаки завернули за береговой утес. Лохматый пес выскакивал все дальше. Ойя оглянулась на Кивиль и что-то крикнула.

В тот же миг послышался легкий свист. Жесткая ременная петля аркана обвилась вокруг тела Кивили. Девушку рвануло назад, выхватило из нарт, потащило по снегу. Упряжка ее унеслась за нартами Ойи. Кивиль же, задыхавшуюся, полуживую, аркан тащил по снегу.

Невысокий, широкоплечий якут, стоявший у нарт, запряженных оленями, быстро перебирая руками, подтягивал Кивиль к нартам. Она пыталась кричать, но лишь хватала ртом воздух. В полузабытье она почувствовала, что ее бросили на что-то жесткое.

Перед глазами Кивили мелькнуло злобное лицо, пересеченное шрамом.

— Курсуй! — прохрипела она в ужасе.

Тойон гикнул на оленей, хлестнул их. Олени рванулись.

II. Курсуй

Когда Фомка с Сидоркой спустились на реку, они пожалели, что ушли без лыж.

Сидорка, значительно подмигнув, показал чей-то след.

— Женщина уходила из острога. А воротилась, вишь ты, по своим же следам.

Фомка засопел.

В чаще тальника оказались и следы мужчины. Охот-

ники поняли, что женщина и мужчина долго стояли на этом месте, видимо, разговаривая. Отсюда женщина вернулась в острог, а мужчина ушел в другую сторону.

— Якутский ратник, — проговорил Фомка.

Сидорка закрыл один глаз и почесал бороденку: я, мол, давно догадался!

Двинулись дальше. Вот место, где якут надел оставленные в тальнике лыжи. Лыжня пошла кустами вдоль берега.

Пройдя версты две, охотники остановились. До них донесся скрип полозьев и неясные голоса.

— Давай-ко, браток, изготовимся, — прошептал Фомка.

Друзья сняли с плеч тяжелые пищали и насыпали порох на полки.

Лай собак становился громче. Стали слышны женские выкрики, странный хрип, словно кого-то душили.

Фомка и Сидорка выбежали из тальника к реке. В отдалении по ней уносились две собачьих упряжки. Ближе, под обрывом, какой-то якут тащил арканом безжизненное тело, потом швырнул его на нарты и, гикнув, погнал оленей.

Фомка поднял пищаль. Грянул выстрел. Один олень свалился, другой метнулся в сторону. Нарты опрокинулись.

Вывалившийся якут, не поднимаясь, схватил лыжи и кубарем перекатился к кустам. Там он вскочил и побежал, хоронясь за уступами берега. Фомка с Сидоркой сбежали к нартам.

— Вот те на! — воскликнул Фомка, наклоняясь над телом. — Да ведь это наша Кивильюшка!

— У, рыбий глаз!

Друзья освободили Кивиль от петли и натерли ей щеки снегом. Женщина начала приходить в себя. На выстрел примчался Попов с несколькими каюрами. Кивиль протянула к нему руки.

— Как было страшно! — прошептала она по-якутски.

Попов обнял плачущую жену и отнес ее на свои нарты. Тем временем охотники ринулись в погоню за Ойей и Курсуем, но не догнали их.

Михайло Савин, узнав о предательстве и бегстве жены, плюнул себе на ладонь и тряхнул кулаком:

— Ну и змея!

Приказный Гаврилов тронул его за плечо:

— Ты, Михайла, сказывал, проезжий якут тебе ее отдал?

— Сказывал.

— А какой он, тот якут, с виду был?

— Какой? В летах, росту низкого, на щеке рубец.

— Тойон Курсуй! — воскликнул Удима.

— Он и есть!

— Неспроста он ее тебе подсунул... Знать, подослал ее разведать о нас.

— Остерегаться надобно. От этого беглого тойона добра не жди... — сказал Афанасий Андреев, оглядывая собравшихся.

— Плохой тойон Курсуй, — волновался старый Удима. — Удима знает. Удима был его боканом.

...А Курсуй бежал, слыша за собой крики, бежал, исполненный злобы и жажды мести. Он знал, что уходит не навсегда. Он вернется. Он отомстит разом и за брошенный при бегстве из своих кангаласских владений скот, и за отнятых русскими рабов, и за юную невесту, и за выбитые зубы.

Курсуй выбрался на берег. Путь преградил овражек. Сняв лыжи, Курсуй перебрался через него и поднялся на крутой склон. Там он снова стал надевать лыжи.

Вдруг рядом послышалось чье-то дыхание. Курсуй поднял глаза: в пяти шагах чернел ствол пищали. Казак целился ему в лоб. Один глаз казака прищурен, другой глядел из-под изогнутой брови холодно и жестоко. Тонкие губы под черными усиками кривились усмешкой.

Курсуй замер, боясь перевести дыхание.

— Ну! Бросай лук! — приказал казак, небрежно роня слова. — Брось нож! Сымай лыжи!

Курсуй быстро исполнял приказания.

— Кто таков? Что ты за птица? Да не вздумай вилить! Анкудинова, брат, не проведешь.

Мало-помалу Курсуй рассказал все. Анкудинов понял — перед ним союзник и человек нужный.

— Ну, пугало, дело твое не так уж плохо! Бежал ты от старого медведя, а попался серому волку. А что ты скажешь, ежели я тебя спрячу и старому медведю не выдам? Может быть, серый тебе еще и отомстить пособит? А?

Курсуй заверял Анкудинова в преданности. Но тот его не слушал. Новые замыслы роились в его голове.

Анкудинов привел Курсуя в свое зимовье. Там якут прожил несколько дней, никому не показываясь. Потом, получив от Анкудинова собачью упряжку, он не приметно выехал из зимовья, пересек реку и исчез в кустарниках, держа путь на восток.

Анкудинов хорошо снарядил его в дорогу. Курсуй выехал на десяти сильных собаках. За его спиной к нартам были привязаны мешок сушеной рыбы и медвежий окорок. При нем была пальма, в налучье — добрый лук, в колчане — стрелы. Собаки резво бежали меж сугробами.

Легко скользя на лыжах, четверо чукчей бежали по оленьему следу и вдруг заметили в стороне черное пятно. Оно нелепо двигалось в сугробе. Чукчи решили, что это медведь, и, бросив олений след, направились к нему. Они нашли человека, но странный это был человек!

Ковыляя на четвереньках, он кружился на одном месте. Видно, он почти ослеп и обезумел от голода и снега. Это был Курсуй.

Чукчи накормили его и привели в свое становище. Курсуй отогрелся в теплой яранге,¹ отоспался и наконец окончательно пришел в себя.

Жажда мести снова охватила тойона. Лежа на оленьих шкурах во внутреннем пологе яранги, он размахивал руками, представляя себе, как бы он стал душиť Попова. Поглощенный мыслями, Курсуй не замечал взгляда бесцветных раскосых глаз, наблюдавших за ним из-под припухших век. Шаман Атсыргын — его имя означало Скрытый — изучал своего гостя.

Безбородое морщинистое лицо шамана было бесстрастно. Хитрец, имевший большой жизненный опыт, шаман внимательно следил за лицом и движениями Курсуя и без труда разгадывал тайные мысли гостя.

Жировые светильники, потрескивая и чадя, освеща-

¹ Яранга — чукотская юрта, сделанная из оленьих шкур, натянутых на каркас из жердей или китовых костей. Внутри яранги находится шатер, или полог, где чукчи спят и проводят большую часть времени.

ли полуголых чукчей, сидевших и лежавших под пологом. Над головами людей колыхался дым.

Вдруг Атсыргын сказал:

— Ты хочешь убить!

Курсуй вздрогнул и приподнялся.

— Как узнал? — спросил пораженный Курсуй.

— Я — шаман, — гордо ответил Атсыргын.

Курсуй долго всматривался в жесткое и хитрое лицо Атсыргына и наконец медленно произнес:

— Ты мне можешь.

Путаясь и сбиваясь, Курсуй рассказал ему, что, едва море освободится от льда, мимо этих берегов на больших байдарках пойдут русские за «рыбьим зубом». Они придут, и Атсыргын будет платить ясак русскому царю.

— Их надо убить, — заключил он.

Атсыргын неопределенно покачал головой.

— Кто ты? — спросил он.

Курсуй рассказал о себе, о своем пути к чукчам, о том, как на седьмую ночь пути собаки разорвали мешок и сожрали его запасы.

Курсуй плохо помнил дальнейшее. Голодные собаки озверели и стали опасны. Курсуй не мог спать. Он убил сначала одну собаку, потом другую. Он ел их и давал есть остальным собакам. Однажды собаки напала на него и едва не загрызли. Он еле отбилсЯ. Собаки убежали. Курсуй остался в тундре один.

Шаман слушал его и кивал головой. Когда же Курсуй замолчал, Атсыргын позвал свою жену Тненеут, жалкую тощую старуху, и приказал ей подать все необходимое для камлания — шаманского гадания.

Находившиеся в яранге чукчи отодвинулись к стенкам внутреннего полога, освободив для шамана «место хозяина» у задней стенки.

Атсыргын готовился к совершению обряда. Он смочил и настроил бубен, снял меховую рубаху, разулсЯ и опоясалсЯ шаманским поясом, увешанным медвежьими позвонками и костяными фигурками, затем велел погасить огонь. Во тьме загремел бубен, и шаман запел:

Я — большой шаман-хозяин,

Я — шаман длинноволосый!

Янра-Кáлат,¹ слышишь бубен?

Приходи, тебя зову я!

¹ Янра-Кáлат — дух — помощник шамана.

Пение становилось все громче. Скоро оно превратилось в дикие выкрики, в которых нельзя было разобрать ни слова. Гром бубна наполнил полог. Курсую казалось, будто гремит сотня бубнов.

Вдруг шаман оборвал пение.

— Ах! Я! Ка! Я! Ка! — слышались во тьме хриплые стенания.

Чукчи верили, что это вещают духи, вселившиеся в шамана.

Когда наконец в полог был внесен светильник, шаман сидел на прежнем месте. Неожиданно он вскочил. Его лицо было страшно. Снова загрохотал бубен. В дымной полутьме началась шаманская пляска.

Из тьмы то появлялось, то исчезало плоское лицо Атсыргына. Пот лил с него градом. Дикие выкрики срывались с его губ. Пот лил и с Курсуя, впившегося взглядом в Атсыргына.

Но вот шаман упал в корчах. Бубен отлетел в сторону. В яранге долго стояла тишина.

Вздрогнув, шаман поднялся и сел. Курсуй, открыв рот и выпучив глаза, глядел на него, ожидая откровений.

— Возвести слова духа, шаман, — нетерпеливо попросил Курсуй.

— Кереткун, морской бог, открыл свою волю, — ответил шаман. — Велел передать ее чужеземцу.

Атсыргын притянул Курсую вплотную к себе и стал шептать, наклонясь к уху гостя.

Якут напряженно слушал, задрав вверх редкую бороденку. Сначала лицо Курсуя выражало лишь крайнее внимание. Постепенно его нижняя челюсть опускалась, искажая лицо улыбкой злобной радости.

12. Сполох

Над занесенным снегом Нижне-Колымским острогом — мрак полярной ночи. Мрак и лютая стужа снаружи, духота и темень в избах.

Однажды Дежнев засиделся у Попова. Попов с женой и своими покручениками жил в тесной избе, разделенной перегородкой. Две лампы, в которых смрадно

горел тюлений жир, едва освещали грубо сколоченный стол и сидевших за ним людей.

Дежнев и Попов беседовали. Отсветы лампад двигались по их лицам — по спокойному, задумчивому лицу Дежнева и по возбужденному — Попова.

Кивиль сидела за шитьем кухлянки.

— Уж шестой раз, — говорил Попов, — зиму я здесь, в Сибири. Пора бы мне привыкнуть к этим ночам, что тянутся по два месяца. Да нет. По-прежнему тягостно мне зимней ночью; не сплю, гневаюсь попусту.

— Не одному тебе, Федот, тяжки сибирские зимние ночи. Я дольше тебя на здешних реках и то вот никак не свыкнусь, — сказал Дежнев.

— Помнится мне первая зима на Оленек-реке, — продолжал Попов. — Лютая зима! Но она была мне внове. Перетерпел. Вторая зимовка, там же, — словно сон с похмелья. Отчаялся я тогда, жизнь свою мнил пропащей. Видно, счастье мое, помышлял я, пургой замело. Когда ж я жить-то буду? Когда до большого дела-то доберусь? А хотелось прожить не попусту! Хотелось большое дело по себе, по плечу найти.

— Не того бы, знать, молодцу хотелось, что стало.

— А Яна-река! Не забыть той стужи! Душа оледенела.

— Тамошнюю стужу я знаю, — понимающе покачал головой Дежнев.

— На Индигирке я работал зимою и днем и ночью, лишь бы о своей пропащей жизни не поминать. Боялся я этих черных дум, словно смерти. Но вот гляди-тко ты, Семен, как ухватился я позапрошлым летом за эту нашу затею — идти морем новые реки проводывать, жить мне стало много радостней.

Кивиль давно отложила работу и широко раскрытыми глазами тревожно следила за лицом Попова.

Попов подвинулся к Дежневу:

— Скажу тебе, Семен, я сюда, на край света, не для того ехал, чтобы здесь сиднем сидеть. Хочу дальше идти! Туда идти, где до нас никого еще не было!

Попов говорил громко и горячо. Спавшие по лавкам покрученики пробудились и окружили собеседников. Дежнев задумчиво слушал Попова и сочувственно кивал головой.

— Мальчишкой еще задумал я повидать чужие края, неведомые страны, невиданных людей. И с этими-то мыслями пришлось мне быть сидельцем в лавке Усовых. А там толки пошли: в Сибири, мол, бабы коромыслами соболей бьют! Тут надоумил я хозяина послать меня в Сибирь за соболями.

Поехал я двадцатитрехлетним дурнем. И невдомек мне было, что не подвиги совершать, а лишь соболей покупать да хозяину высылать — вот что мне здесь делать с утра до ночи. А как понял я свою судьбу, кручина меня и загрызла. Стал я Усову писать, дозволил бы он мне вернуться до срока. По уговору, вишь ты, мне девять лет в Сибири служить.

— Ну, а хозяин что же? Ответил ли?

— На первое письмо, с Оленек-реки писанное, ответил, что, мол, не дури и работай, а жалованье, мол, прибавлю. А на второе, с Индигирки, еще ответа не было: туда — год-полтора, назад — столько же. К этой весне ответу быть.

— А что, Федот, как Усов просьбу твою уважит да назад потребует. Поедешь ли?

— Каков бы его ответ ни был, а я от нашего поиска не отступлюсь.

— Люблю молодца за твердость! — Дежнев хлопнул Попова по колену.

В сенях послышались шаги и возня: кто-то отряхивался от снега. Дверь распахнулась, и в клубах пара появилась высокая фигура с заиндевевшими усами и бородой. Сняв шапку и меховую рукавицу, вошедший обтер иней с бороды и усов. Все тотчас узнали Мезенца, Исая Игнатьева.

— Государю-хозяину! Государыне-хозяюшке! Всем честным людям! — проговорил Мезенец, отвешивая поклоны.

Перед каждым поклоном он поднимал шапку до головы, а потом резким движением опускал руку, словно бросая шапку оземь.

— Милости просим, гость желанный! Честь и место! — Попов встал и широким жестом пригласил гостя.

— Благодарствуйте! Только гостевать я вдругорядь к вам зайду. Теперь же прошу вас наружу выйти. Сидите вы тут у печки, государи мои, и не ведаете, какие

за дверью чудеса. Одевайтесь-ко поживее! Выходите-ко поглядеть, как сполóх¹ разыгрался.

Накинув кухлянки и шубы, все вышли.

Беличественное зрелище полярного сияния открылось взорам людей.

Над острогом колебался разноцветный купол из светящихся дуг, сходящихся над головой. Бледные в зените, дуги ниже сияли голубыми, оранжевыми и красными красками. Они горели, переливались и менялись местами в непрерывном движении. Сполохи часто играли в Нижне-Колымском, но такой красоты еще не бывало.

Собаки всполошились. Надрывающий душу вой раздавался со всех сторон.

Необъяснимая тревога овладела и Поповым. Он озирался, в волнении схватил Кивиль за руку; трепет чудесных лучей передался и ему.

Кивиль протянула руку к сиянию и выкрикивала якутские заклинания.

Дежнев, сдвинув шапку, любовался игрой сполоха.

— Чудеса! Чудеса-то какие, государи мои! — восторженно повторял Мезенец.

То там, то здесь хлопали двери изб. Люди выходили во двор острога и глядели на сполох, перебрасываясь восклицаниями. Толпа окружила Дежнева и Попова.

Полярное сияние вспыхнуло с новой силой. Широкая огненная лента, извиваясь, как сказочный змей, летела над землей, охватывая полнеба.

— Диво дивное, дядя Семен! — восторгался Зырянин, выбежавший из избы в расстегнутом полушубке. — Гляжу — наяву ли, во сне ли я!

— Ты вот, Федот, книгочей, — обратился Дежнев к Попову, — а есть ли что в книгах о сполохе? Откуда он?

— Не читывал, Семен, — задумчиво ответил Попов. — Никто, должно быть, этого не ведает.²

— Ох, много незнаемого на свете! — вздохнул старик Афанасий Андреев.

— Да что толковать о сполохе! — сказал Дежнев. —

¹ Сполóх (пазори) — полярное сияние.

² Лишь со времени Ломоносова люди узнали, что полярное сияние — свечение высоких разреженных слоев атмосферы. Его вызывает излучаемый солнцем поток электрически заряженных частиц материи.

О земле, нашей матери, и то многого мы не знаем! Сряжаемся мы с тобой, Федот, идти по морю, а что там, на востоке, никому покамест неведомо!

— Каких чудес мы еще не насмотримся! — мечтательно проговорил Попов, не отрывая взгляда от сияния. — А там, глядишь, и новой рекой поклонимся государю.

— Ха-ха-ха! — раздался вдруг пьяный хохот. — Хо-хо-хо! Новой рекой чарю хочет кланяться! А наш атаман сказал: не видать тебе той реки, как своей маковки!

Все увидели пьяного анкудиновского подручного Пятку Неронова.

— Это еще что за мокрица! — возмутился Попов. — Как ты сюда заполз?

— Известно как, — воротами. А на Погыце-то реке не бывать тебе, молодец. Не бывать там и ему, Сеньке Дежневу. Сам атаман Герасим Анкудинов идет с нами Погыцу проводить.

— Не на Погыче, на виселице вам быть, — вспылил Дежнев, — тебе да Гераське, твоему воровскому атаману!

— Веревка еще не скручена нас вешать. А тебя, Сенька, атаман обещался разгромить, коли сунешься на Погыцу. Разгромит он тебя и твоих людишек! Рыбам на корм... Я, грит, пять сороков соболей привезу! Ха-ха-ха! Пять сороков насулил!

— Дозволь, дядя Семен, я из этого пьяницы зараз дух вышибу! — Зырянин сбросил полушубок и рванулся к Неронову.

— Не трожь! — раздался бас приказного Гаврилова. — Эй, стража! Выбросить смутьяна за ворота! И не пускать этих воров больше в острог!

Анкудиновца поволокли к воротам.

Слух, пущенный Нероновым, все же вызвал кое у кого смущение.

— Эх, навязались нам на горе лихие люди!..

— Быть беде...

Долго еще под заревом сполоха там и здесь меж сугробами стояли люди, толкуя то о невиданном по силе небесном сиянии, то об угрозах Гераськи Анкудинова.

Не прошло и нескольких дней, как Анкудинов объявил мену.

— Меняю пятнадцать собачьих упряжек с нартами на коч. Хочу весной идти на Индигирку, — сказал он торговым и промышленным людям.

В остроге случились люди, которым надо было пробираться в Якутский острог. У них и коч оказался. Дело сладилось. Анкудиновцы получили коч, подтащили его по льду к своему зимовью и подняли на берег.

13. Отплытие

Снега отсыяли, потемнели и покрылись жестким настом. Звонкая капля приветствовала желанную весну. Побежали говорливые ручьи. На южных склонах холмов зачернели проталины. Послышались радостные голоса пернатых переселенцев, стаями пролетающих над острогом.

Нижне-Колымский острог ожил. Судовые мастера принялись за обшивку кочей. Еще осенью из ободранной еловой поросли они накрутили «вицу» — гибкие жгуты, применявшиеся для пришивания досок. Теперь вицу распаривали в горячей воде. Зырянин грел воду в большом котле и доливал кипятком в кадки с вицей.

Афанасий Андреев подолгу простаивал за спиной Степана Сидорова, почтительно следил за умелыми руками кочевго мастера.

— Ну, братец Степан, молодец! Шьешь деревянным жгутом, ровно сапожной драгвой! — восхищенно говорил Андреев.

Сидоров выпрямился и оправил подстриженные в скобку волосы, схваченные ремешком. Он с достоинством глянул на торгового человека.

— Дело-от нам, господин купец, свичное. Чтoб я его спознал, отец меня не единожды за вихры драл, когда я вот таким еще был.

— А скажи-ко мне, Степан, — допытывался Андреев, — отчего вы, поморы, не пришиваете досок гвоздями? Не крепче ли стало бы?

Сидоров презрительно усмехнулся:

— Для нас, добрый человек, железный гвоздь — не

больно какое диво. Мы знаем, где его вбить, и вбиваем. А только вицы гвоздем не заменишь.

— Почему так, милый человек?

— А вишь ты, господин купец... — начал Сидоров.

— Да не купец я, братец! Я приказчик.

— Все одно — торговый человек. Вишь ты, какое дело: походит коч, помотается по морю, расшатываться станет. Тут гвоздь-от течь даст. Негоже это. А вица, она, брат, разбухнет, воды не пропустит. От дедов и прадедов заветы нашего мастерства.

Подошли дни, когда судовые мастера завершали работу. На плотбище затихал стук топоров и тесел.

Попов назвал свой коч «Медведем». На носу его коча красовалась вырезанная из дерева медвежья морда. Коч Дежнева был украшен головой моржа. Он назывался «Рыбий зуб». Коч Исаия Игнатьева назвали «Сободем», Семена Пустоозерца — «Сохатым», Ерофея Агафонова — «Бобром». Борис Николаев окрестил свой коч «Лисицей».

Весенний веселый ветер бушевал над тундрой. Клоузы облаков низко летели над почерневшим льдом реки, наполовину залитым водою.

Наклонясь вперед и придерживая шапку, Андреев пробирался к избе Дежнева. Преодолевая напор ветра, отворил дверь. Старик достал большой красный платок и вытер слезинки. Лишь после этого он смог рассмотреть в избе Дежнева, Попова и Кивиль.

— Ну и силен ветерок-от! — весело проговорил он после приветствия. — Ох, хороша же у тебя женка, Федот! — подмигнул он Попову.

Смушаясь, Кивиль приняла от него шапку.

— Что будешь делать! — говорил, раздеваясь, Андреев. — Не спится старику, разные мысли лезут! Все о затее нашей думаю. Далеко мы с вами, соколы мои, залетели, а как начну думать, куда лететь дале задумали, то и страшно, и вместе с тем радостно.

— Неужто страшно? — улыбнулся Попов.

— Да ведь темнота перед нами, Федотушко.

— Казак не без счастья, — сказал Дежнев.

— Вот и я говорю: бояться несчастья — и счастья не будет. А какого несчастья мне бояться? Я — одине-

шенек. Тринадцатый год пошел, как сынок мой Вася сложил голову под Смоленском. Погиб в несчастной войне с поляками.

— Мир его праху! — проговорил Дежнев.

— Думал государь Михаил Федорович вернуть наши старые русские города, да не вышло, — вздохнул Андреев, — так они под польскими панамы и остались — и Смоленск, и Глухов, и Путивль.

Собеседники помолчали.

С улицы слышались крики и топот людей. В избу вбежал раскрасневшийся Бессон Астафьев. Лицо его было возбужденно и радостно.

— Пошла! Пошла Колыма! — крикнул он, сияя глазами.

Попов вскочил, едва не опрокинув стол. Все выбежали за ворота острога.

На реке стоял треск и грохот. Лед дружно двигался, ломаясь, становясь торчком. Льдины кружились и крошились.

Народ бежал вдоль реки с криками:

— Пошла! Пошла кормилица! Пошла матушка Колыма!

Как же им было не радоваться. С ледоходом кончится голодное время, начнется рыбная ловля.

Собаки с заливистым лаем прыгали около людей; видно, и они почуяли, что наступает конец голодовке.

Но для мореходов вскрытие реки означало нечто другое.

— Ну, скоро и в путь-дороженьку! — значительно проговорил Дежнев. Лицо его было строгим. Чуть сдвинутые брови и твердый взгляд выражали решимость.

Афанасий Андреев снял шапку.

К концу ледохода, когда по вздувшейся реке мчались лишь редкие льдины, выбили первый «поп» — бревно, подпиравшее готовое к спуску судно. Под крики жителей острога «Рыбий зуб» соскользнул по смазаным салом лежням и закачался на волнах Колымы, описывая стройной мачтой широкие дуги.

Жители острога трудились у воды: спускали кочи и карбасы, ладили рыболовную снасть. Дежневцы заканчивали погрузку кочей.

В эти дни Анкудинов снова попытался сорвать поход Дежнева. Он подал приказному Гаврилову челобитную на царское имя. В ней Анкудинов просил отпустить его проведать новую реку Анадырь и сулил привезти с нее двести восемьдесят соболей, на семьдесят соболей больше обещанного Дежневым.

Гаврилов, получив челобитную, долго вертел ее в руках и чесал затылок.

«Вишь ты, какой камешек метнул! — думал он. — Оставь-ко я дело без внимания да отпусти Дежнева по его старой челобитной, завтра ж на меня пойдет изветная челобитная.¹ Государево дело за мною объявят. Гаврилов, мол, сделал казне убыток! Дежнев-то меньше соболей обещал!»

— Пиши-ко ты, Семен, новую челобитную, — сказал он Дежневу. — Старую мы порвем. Пиши: обещаю-де прибыль с новой реки в семь сороков десять соболей. На десять соболей больше Гераськи! А?

Озабоченное лицо Дежнева посветлело:

— Голова ты, Гаврилов! Недаром тебя в приказные выбрали!

— Семь сороков десять соболей! — покачал головой служилый человек Сухан Прокопьев, которого Гаврилов решил опять послать в плавание с Дежневым. — Тяжеленько нам будет их добыть!

— Добудете, — уверенно сказал новый целовальник Третьяк Заборец. — Там, глядишь, и кость «рыбий зуб» напромышляете. А цену той кости зачем вам за соболей.

— Вас бы обоих да в воеводы! — воскликнул довольный Дежнев.

Рано утром 20 июня 1648 года шестьдесят дежневцев отплывали на шести кочах.

Было прохладно, и Попов накинул на плечи жены шубку. С палубы «Медведя» Кивиль смотрела на приказного Гаврилова, державшего потемневшую икону.

Ватаги стояли на своих местах, ожидая его знака. Жители острога толпились на берегу. Благословив иконой кочи, Гаврилов передал ее Третьяку Заборцу и махнул рукой. Громыхнули пищали. Чалки сбросили, и

¹ Изветная челобитная — донос.

кочи медленно отвалили. Гребцы опустили весла на воду.

Птицы, вспугнутые выстрелами, кричали над рекой. Заскрипели блоки: на кочах поднимали паруса.

Утренняя мгла поредела, и алые лучи хлынули на мореходов, озарив их взволнованные, радостные лица.

Ватага «Рыбьего зуба» запела песню, сложенную Бессоном Астафьевым; ее подхватили на всех кочах:

Как срядили мы, робята,
Легкую лодочку,
Легку лодочку
Да семисаженну!

По берегу бежали казаки и промышленные люди. Они махали шапками и кричали. У причалов остались лишь пожилые люди и начальники.

Гаврилов долго не отрывал глаз от уходивших кочей. Но вот он надел шапку, отер озабоченное лицо рукою и, оборотясь к Заборцу, промолвил:

— Так-то вот, Третьяк, дружище, спущен корабль на воду — сдан богу на руки.

Кто-то тронул плечо Гаврилова. Он обернулся: рядом стоял купец Леонтьев. Выпучив рачьи глаза, Леонтьев показывал на реку. Гаврилов глянул и увидел седьмой коч, плывший следом за дежневцами. Этот коч был анкудиновской «Рысью».

На «Рыси» было людно. Каждым веслом гребли трое разбойников. Анкудинов стоял на мостике, подбоченясь и покручивая ус. Его ватажники нагло ухмылялись.

Казаки и промышленные люди мрачно глядели им вслед.

Дежневцы заметили «Рысь».

— Увязался-таки окаянный разбойник, — сокрушенно вздохнул Афанасий Андреев.

— Пусть идет, — отозвался Дежнев. — Напасть на нас он не посмеет.

— А по мне, дядя Семен, — заговорил Иван Зырянин, — пусть бы Анкудинов в драку пошел. Задали бы мы ему, змёю! Сбили бы охоту драться!

— Эх, Ивашка, — сказал Дежнев, потрепав по плечу Зырянина. — Побереги-ка, сынок, удаль. Она еще нам пригодится.

Стая уток поднялась
с низины и шумно нес-
лась через реку.

— Ишь ты, прорва! —
восхищенно вскричал Си-
дорка.

«Рыбий зуб» выныр-
нул из-за последнего по-
ворота протоки, и перед
дежневцами открылась
ширь Студеного моря.
Свежий ветер понес кочи
к востоку.

Ой ты, море, море синее... —

вдруг высоким голосом запел Бессон Астафьев, стоя на
носу коча с гуслими на ременной перевязи. Он был без
шапки; его русые волосы развевались по ветру.

Ой ты, море, море синее,
Море синее да студеное,
По тебе плывут, на восток бегут
Шесть корабликов изукрашенных!

Голос певца звенел, сливаясь со звуками гуслей.
Широкая песня неслась над волнами, достигая отдален-
ных кочей. Мореходы слушали Астафьева, и их лица —
так странно действует песня на русского человека —
стали строгими, серьезными. Не вспоминали ли они да-
лекую родину, оставленные семьи, своих матерей?

Песня оборвалась.

Дежнев подошел к Астафьеву и обнял его за плечи.

— Спасибо, сынок, — ласково проговорил он.

Астафьев улыбнулся. Афанасий Андреев прослезил-
ся по-стариковски.

Но что это? Ветер донес другую песню. С посвистом,
с гиканьем пели ее на «Рыси» анкудиновцы:

Породила нас
Ночка темная.
Гей! Хе-хей! Ночка темная!

Нас сосватала
Сабля вострая.
Гей! Хе-хей! Сабля вострая!

Дежнев взглянул на «Рысь», и его лицо потемнело.

14. Месть тойона

Утром четвертого дня пути все шесть кочей Дежнева, неотступно сопровождаемые анкудиновцами, резво бежали друг за другом.

Длинный остров Айон, закрывавший просторы Чаунской губы, был пройден. Большая часть людей отдохала.

На «Рыбьем зубе» в перемене¹ были Михайла Захаров, Бессон Астафьев и Сидорка Емельянов. Перед кочами выросла черная громада горы. Сквозь туман пробивались лучи солнца. Облачные барашки таяли. Вершина горы сияла.

Астафьев любовался красотой утра и напевал веселую песню. Сидорка, стоявший на руле, вытянув длинную шею, усердно следил за гребнями волн и ветром.

Михайла Захаров был за кормщика и также всматривался вдаль. Его стройная фигура выделялась на фоне моря. Как не любоваться Михайлой! Астафьев видел его прямой нос, сжатые губы, слегка насупленные брови. Лняные волосы, остриженные в кружок и схваченные ремешком, закрывали высокий лоб. Спокойные, твердые линии губ и щек, приподнятый подбородок, опущенный русой бородкой, говорили о волевом характере. Такие в детстве бывают душой ватаги сверстников и заводилами в играх и шалостях. С годами они превращаются в рассудительных и решительных мужей-воинов.

Дежнев узнал и полюбил Михайлу с прошлого года похода. Он постоянно назначал его старшим, особенно там, где требовались хладнокровие и сметливость.

— Михайла! — крикнул Сидорка, — Покличь-ко там Стеньку Сидорова. Время, мол, тебе, рыбий глаз, на руль вставать. Руки затекли.

Захаров не отвечал. Внезапно он повернулся и, перешагнув через Ефима Меркурьева, спавшего на палубе, направился к казенке.

— Ты чего? — удивленно спросил Сидорка. — Ник как к приказному?

— Протри-ко глаза, цапля, да глянь-ко в море, — значительно ответил Захаров, открывая дверь казенки.

¹ Перемена — вахта, дежурство.

Долговязый Сидорка вытянулся вперед и тотчас заметил среди волн верткую чукотскую байдару. Такие байдары чукчи делали из шкур морских животных, натягивая их на остовы из моржовых костей.

Дежнев вышел на палубу и, ероша бороду, осмотрелся. Все его кораблики, пеня волны, исправно бежали за «Рыбьим зубом». «Медведь» был близко, и Дежнев приветливо махнул рукой Попову и Кивили, стоявшим на мостике.

— Нос Эрри — камень этот, — сказал Дежнев Сидорке. — Чукчи его так прозвали. Байдара?.. Трое в ней будто?

Один за другим любопытные мореходы повылезали из поварни. Даже страдавший морской болезнью Афанасий Андреев, бледный, с трясущимися коленями и отеками веками, и тот вылез.

Байдара приблизилась к «Рыбьему зубу», и мореходы увидели, что один из гостей — старик чукча, а двое других — молодые люди неизвестной русским народности. Это были шелаги, обитавшие у носа Эрри.

Дежнев всматривался в лица шелагов. Они не были столь плоски, как лица чукчей. У шелагов — крупные носы, большие глаза, резко очерченные губы, черные прямые волосы до плеч. Лица и руки их татуированы.

Молодые шелаги ловко гребли однолопастными веслами, опуская их то с одной, то с другой стороны байдары.

Паруса на кочах захлопали. Кочи замедлили ход. Зырянин бросил незнакомцам конец, и двое, старый чукча и молодой шелаг, поднялись на коч. Второй шелаг остался в байдаре.

Шаманский пояс старого чукчи с висевшими на нем медвежьими позвонками выдавал занятие его владельца. Лицо старика было в морщинах, а глаза хитро смотрели сквозь узкие щелки припухших век. Перед Дежневым стоял шаман Атсыргын, подружившийся зимой с тойоном Курсуем. Молодой шелаг и Атсыргын оглядели мореходов и, определив, кто был старшим, поклонились Дежневу. Они развязали поднятый из байдары кожаный мешок, вынули из него четыре больших моржовых клыка и положили перед Дежневым.

Шелаг молчал, глядя на русских широко открытыми глазами, а Атсыргын заговорил на том смешанном

наречии, на котором русские колымчане объяснялись с окрестными чукчами.

— Тебе подарок, — снова поклонился он Дежневу.

Дежнев поблагодарил и приказал выдать гостям по нитке бус.

— Ай да «рыбий зуб»! — воскликнул сменившийся с поста Сидорка, поднимая моржовый клык.

Мореходы столпились вокруг гостей, рассматривали клыки, взвешивали их на руках.

Остальные кочи приблизились к «Рыбьему зубу», спустили паруса и держались неподалеку на веслах.

Тем временем Михайла Захаров расспрашивал гостей, где они быют моржей.

— Морж далеко, — разводя руками и закрывая глаза, отвечал шаман, — там, — добавил он, неопределенно махнув в сторону моря. — Хочешь взять «рыбий зуб»? Далеко ходить не надо. Бить зверя не надо. На корге под камнем Эрри — заморная кость.¹ Иди, бери.

Дежнев недоверчиво приглядывался к шаману.

— А не брешет ли окаянный? — проворчал Фомка.

— Эй! На «Рыбьем зубе»! — послышался голос Попова. — Что там у вас?

— Чукчи наведались. Коргу, мол, покажут! — прокричал в ответ Степан Сидоров. — Коргу! «Рыбий зуб» заморный!

— Пусть кажут, коли не врут! По-смотрим! — донеслось с «Медведя».

Подгоняемые ветром кочи, хоть паруса их были спущены, приближались к носу Эрри.

Мореходы оказались у западной стороны носа перед высоким крутым обрывом.² На сером, а местами красноватом фоне горы резко выделялся ряд широких черных полос, как бы столбов, подпиравших гору. Они словно покосились под тяжестью горы.

Кочи развернулись, стараясь держаться против ветра на веслах в полуверсте от носа. Теперь дежневцы увидели и северную сторону носа, оказавшуюся еще величественнее и неприступнее. Волны с ревом бились о черные скалы и прыгали вверх, облизывая камень. На выступах, карнизах и террасах носа — всюду птицы

¹ Заморная кость — кость мертвых животных.

² Высота мыса Эрри (Шелагского) 916 метров.

сидели в гнездах. Множество птиц летало над носом и морем.

Дежнев решил, что для сбора заморного «рыбьего зуба» к берегу пойдут два карбаса. Один из них вышлет он, на другом пойдет Попов.

Карбасы спустили. Попов взял с собой двоих покручеников. Дежнев отправил Михайлу Захарова за старшего, а с ним — Сидорку Емельянова и Степана Сидорова.

— Возьми пищаль, — напутствовал Дежнев Захарова. — Гляди в оба. Не по душе мне старая лисица — шаман. Не завел бы он вас в водовороты или на засаду. Держи пищаль под рукой. А будет измена, бей шамана первого.

Байдара шамана, сразу опередив тяжелые русские карбасы, пошла к западному подножию носа Эрри.

Попов и Захаров следовали за байдарой. Шелаги ловко пристали к берегу. Шаман вышел из байдары на узкий берег и с угодливой улыбкой ждал русских, позванивая костяшками, висевшими на его поясе.

«Рысь» качалась поодаль. Анкудиновцы, удерживая коч взмахами весел, с любопытством наблюдали за происходившим.

Карбасы врезались в мелкую гальку, и все мореходы вышли на берег.

— Э! Здесь на деле «рыбий зуб»! — вскричал Сидорка, подняв моржовый череп с большими желтыми клыками.

— Ну и башка! — всплеснул руками Степан Сидоров.

— А я-то думал — врет старый филин! — изумлялся Попов.

— Еще «рыбий зуб»! — крикнул Иван Осипов из-за большого камня.

— И я нашел! Гляньте-ко!

— Иди дальше — много найдешь. В своих байдарках не увезешь, — проговорил шаман, указывая вдоль берега.

Русские разбрелись по берегу и, пробираясь меж каменными глыбами, искали моржовые черепа. Шаман стоял недвижно и с едва заметной усмешкой следил за ними. Но вот медленно, как бы раздумывая, он

подошел к своей байдаре и вдруг вскочил в нее, оттолкнувшись от берега.

Шелаги взмахнули веслами. Байдара понеслась в море.

Захаров не сразу заметил побег шамана.

— Измена! — крикнул он, поднимая пищаль.

Выстрел грянул. Но где там! Байдара была далеко.

— Сбежали черти! — досадливо проговорил Попов и призадумался.

«Не без причины это... Что-то тут неладно».

— Эй! Все сюда! — закричал он.

Вдруг сверху послышался глухой грохот. Попов запрокинул голову. Там, в вышине, клубилась пыль, с криками разлетались птицы.

«Обвал! Над нами!»

— К стене! — крикнул Попов не своим голосом. Он бросился под защиту скалы, прижался к ней, закрыв голову руками.

Камнепад гремел. Камни обрушивались рядом. Дневной свет затмился. Пыль набивалась в глаза и легкие. Внезапно ослепительный свет вспыхнул перед глазами Попова и тотчас померк. Тело Попова скользнуло наземь.

Грохот стих. Михайла Захаров, тоже прижавшийся к скале, услышал шум прибоя и пронзительные крики птиц. Он опустил пищаль, которой защищал голову, стал озираться.

Дежнев видел обвал с мостика «Рыбьего зуба». Он заметил человека, сбрасывавшего с горы камни.

«Так и есть! Засада. Проклятый шаман!»

— Эй! — крикнул Дежнев. — Спустить карбасы! Охотники, на помощь!

Заскрипели блоки. Люди спрыгивали в карбасы. Им протягивали пищали и лопаты.

Отходил карбас и от «Медведя». Кивиль, словно каменная до того, метнулась к борту и спрыгнула в карбас. Она не плакала. Напряженный взгляд ее был устремлен на черный берег. Там еще дымилась пыль, кружились и вопили птицы.

Люди гребли иступленно. Один карбас погнался за шаманом. Остальные спешили на помощь к товарищам.

Берег быстро приближался. Кивиль увидела на бе-

регу людей. Она узнала Михайлу Захарова. Он раскидывал камни, кого-то откапывал.

Кивиль опознала и второго морехода, пытавшегося подняться, — Степан Сидоров... Третий... Это — Тимофей Месин, покручник с «Медведя». Но где же Попов?

Под днищем скрипит галька. Кивиль прыгнула в воду. Волна окатила ее, вытолкнула на берег. Неподалеку Захаров наклонился над чьим-то телом и тормозил его.

Кивиль бросилась к Михайле. На земле лежал Сидорка. Его глаза были закрыты, рот искривлен гримасой.

Кивиль побежала дальше. Что это? Из-под камней торчит окровавленная рука. Ноги Кивили ослабели, она опустилась на землю. Мореходы разбросали камни. Погибшего трудно узнать. Но Кивиль уже догадалась — это не Попов. Нет, это бедный Иван Осипов, который еще вчера забавлял ее, подражая голосам животных.

Женщина поднялась с трудом. Несколько неверных шагов, и под скалой она увидела Попова. Он лежал на боку, прикрыв рукой голову. В лице — ни кровинки.

Кивиль схватила мужа за руку, за голову, прижалась ухом к груди: сердце билось.

— Жив! — закричала Кивиль.

Фомка и Зырянин подхватили Попова и понесли к карбасам. От холодной воды Попов очнулся. Он слабо улыбнулся жене и погладил ее руку.

— Как же тебя угораздило, мил человек! — сокрушался Фомка, помогая Сидорке войти в карбас.

— Р-рыбий глаз! — стучал Сидорка себе по лбу. — Не доглядел за шаманом! Мне бы присмотреть... Уж я б его!

Михайла Захаров стоял осунувшийся. Он не мог себе простить оплошности.

«Вот так Михайла! — говорил он себе. — Это на тебя дядя Семен понадеялся... Как ему покажусь?.. Как в глаза взгляну?»

Осипова тут же похоронили, насыпали над его могилой холмик из камней.

Все вернулись на кочи. Возвратился и тот карбас, что погнался за шаманом. Он не смог догнать легкой байдары. Шаман ускользнул.

— Так ты смекаешь, — спрашивал Дежнев Михайлу Захарова, — камни были заранее заготовлены?

— Видно, что так, — отвечал Захаров, не смея поднять глаза на Дежнева.

— Камни заготовили, шаман вышел навстречу... Но как он мог сведать, что мы здесь будем?

— Не гонец ли к нему был? — предположил Афанасий Андреев.

Наступило молчание. Головы всех повернулись в сторону «Рыси». На ней поднимали парус.

15. Лихие люди

Герасим Анкудинов сидел в казенке, опираясь руками о широко расставленные колени. Прищурясь и изогнув черную бровь, он рассматривал стоявших перед ним Пятку Неронова и Ивашку Косого.

— Что ж это выходит, братики? Получили мы деньги от Стадухина али нет? — начал Анкудинов.

— Получили, — недоуменно ответил Неронов, — как не получить... Получили.

— А что обещал нам Михайла на Погыче-реке? Помните?

— Цо? Ну, обещал нам из добычи долю...

— Обещал ли он это, братики? — Тонкие губы Анкудинова захватили черный ус, а его глаза еще больше сощурились.

— Что обещал, то обещал, — угрюмо кивнул Косой.

— А дело-то свое мы сделали? — вдруг быстро повернув голову, резко спросил Анкудинов. — Помешали мы Дежневу пойти на Погычу? Молчите? Вот то-то и оно, что нет, — Анкудинов снова понизил голос. — А Погыча-то река, глядишь, вот-вот и объявится. До Погычи-то уж, чай, рукой подать.

Анкудинов кусал губы, постукивая пальцем о рукоять сабли. Неронов, выпучив глаза, смотрел на него. Косой, как уставился на сапог Анкудинова, так и не отрывал от него тяжелого взгляда.

— Был расчет на этого Курсуя. Послал я его тайком к чукчам, — продолжал Анкудинов. — Да он дураком оказался. Дела, как должно, не сделал.

— Собака! — мрачно бросил Косой.

— А что будет, коль Дежнев дойдет до Погычи?

Тем же часом он укрепится. Острог поставит. А там возьми-ка его! Выкуси! Здесь надо задержать Дежнева. А как? Что скажете?

Неронов растерянно развел руками.

— Что пытаешь? — хмуро ответил Косой, переводя взгляд с сапога Анкудинова на его шапку. — Сам знаешь, что делать. Разгромить Дежнева надо, вот что.

— Дело говоришь, Косой, дело! — поспешно подхватил Неронов.

«Разгромить!» Об этом Анкудинов уж не раз думал. Но угодишь ли разбоем Стадухину? Он ведь не приказывал убивать.

Дверь казенки распахнулась, вошел Ивашко Вахов, исполнявший в этот день обязанности кормщика.

— Атаман, — нерешительно проговорил Вахов, — глянь-ко наружу. Ненастье близится... Прикажешь, может, чего...

— Что там еще? — Анкудинов недовольно поднялся и вышел из казенки.

Погода и вправду портилась. Похолодало. Ветер порывисто дул с запада. Мрачные тучи спускались к морю. Глухо слышался рев прибоя.

Вскоре повалил снег. Караван кочей скрылся за вихрями снежного шторма. Впереди виднелись лишь два судна — «Соболь» Исаея Игнатьева и «Сохатый» Семена Пустоозерца. На лице Анкудинова появилась усмешка. Случай показался ему удобным. Он решился.

— То и счастье, что иному ведро, иному ненастье, — проговорил он. — Ну, братики, слушайте атамана! Дело вам будет. Не забыли вы, чай, зачем мы сюда, на край света, залетели?

— Знаем!

— Медлить нечего! Разгромим этих сермяжников, что с Дежневым да с этим купецким приказчиком нам дорогу перебегают! На Погыче мы и без них похозяйничаем.

— Верно!

— Громить дежневцев будем порознь.

— Давно бы так-то!

— Брать кочи врукопашную. Стрелять не позволяю. Срежь метели мы без шума захватим задний коч. Прочие ведать того не будут. А там и тех одолеем. Взять оружие!

Боясь потерять из виду идущий впереди коч, Игнатьев поставил всех восьмерых людей ватаги на весла, но скоро и «Сохатый» скрылся за снежной завесой.

Тщетно Игнатьев напрягал зрение: он не мог разглядеть «Сохатого».

— Навались! — кричал Игнатьев.

Вдруг он инстинктивно оглянулся: совсем близко из выюжной мглы выплыл высокий черный нос коча с деревянной рысьей головой. Он быстро надвигался на «Соболя».

Игнатьев не успел ни крикнуть, ни повернуть руль, как глухо грохнул звук столкновения. «Соболь» вздрогнул от удара в корму. Стукнула рея спущенного на «Рыси» паруса; раздались крики на обоих кочах.

— Куда прешь!

— Слепли, дьяволы!

— Хватай багром!

Игнатьев увидел оружие в руках анкудиновцев. Над головами лихих людей качались бердыши, блестели клинки обнаженных сабель.

Игнатьев все понял. Его колючие глаза загорелись, лицо стало твердым и решительным. Обычно осторожный, неохотно рисковавший без особой надобности, в минуты опасности он был стоек и отважен.

— К бою! — прозвучал его голос.

Ватага «Соболя» бросила весла и схватилась за первое попавшееся оружие.

Игнатьев выхватил из-за пояса пистолет.

Неуправляемые кочи, как утки, прыгали на предательских волнах. Багорщики едва удерживали «Рысь» около «Соболя». Волны перехлестывали то с носа, то с борта, окатывая людей. Крепыш Языков один защищал корму, вращая над головой весло.

Вдруг толчок встряхнул «Соболя». Языков упал на Игнатьева, ушиб его веслом. Днище коча затрещало.

«Рысь» тоже тряхнуло.

— Мель! — гаркнул Анкудинов. — Назад!

Разбойники бросились к веслам. Ивашко Вахов сорвался и упал в море. Его бледное лицо появилось среди волн. Евтюшка Материк бросил ему конец, и Вахову удалось взобраться на коч.

Поднятая волной, «Рысь» сорвалась с мели и отвалила от «Соболя». Выгребая, анкудиновцы быстро от-

ходили. Несколько взмахов весел — и «Рысь» скрылась в мокрой метели, липухе.

Волны били в борт «Соболя», и он, прищипленный на мели, беспомощно переваливался с боку на бок. Мореходы отчаянно старались столкнуть коч с мели. Облепленные снегом, едва удерживаясь на скользкой раскачивающейся палубе, они упирались в грунт веслами и шестами. Коч не подавался.

Налетел вихрь. Неубранный парус надулся пузырем и захлопал. Ветер разнес тучи, снегопад прервался. Посветлело, и перед глазами мореходов возник черный берег, окаймленный пеной прибоя. В отдалении стал виден «Сохатый», идущий на веслах со спущенным парусом. Далеко мористее показалась «Рысь». Игнатьев поднял пистолет и выстрелил. Языков размахивал палкой с привязанной к ней белой ветошью — знаком бедствия.

Кормщик «Сохатого» Семен Пустоозерец еще до выстрела и отмашки увидел, что «Соболь» терпит бедствие. Не колеблясь, он повернул судно и пошел на помощь Игнатьеву. Коч шел на веслах навстречу враждебному ветру. Девять человек гребли изо всех сил, а коч еле двигался. Чем ближе подходил «Сохатый» к «Соболю», тем было яснее, что дела «Соболя» очень плохи: справа и слева от него вскипали и опрокидывались гребни волн. Там — мели.

— Как подойдем? — спросил Пустоозерца pokrученик Григорий.

— Подойдем. Уж такого ли товарища, как Исай Мезенец, нам не выручить? Григорий, возьми двоих ребят покрепче. Спускай карбас.

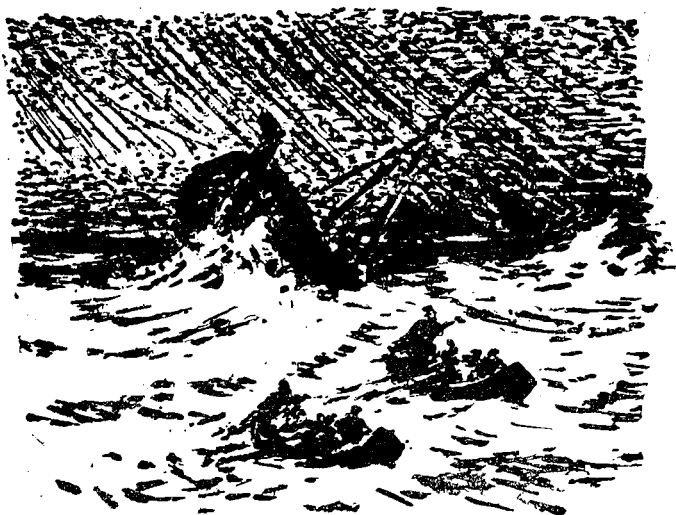
Блоки закрипели. Скоро карбас заплясал на волнах у коча.

— Слышь, Григорий, коль можно стащить «Соболя», тяни нам конец. А нельзя, — забирай людей.

Карбас шел к «Соболю», зарываясь носом в волнах. А коч Игнатьева уж наполнился водой и осел. Теперь он не качался под ударами волн, а лишь вздрагивал и трещал.

На «Соболе» суетились, спуская два карбаса. Григорию не пришлось причалить. Он пошел назад вместе с карбасами «Соболя».

Тем временем запел ветер-полуночник. Он срывал

гребни волн, швырял холодную пену и раскачивал «Сохатого».

Пустоозерец видел, как залило один из карбасов. Головы людей то исчезали под водой, то вновь появлялись. Тонувшие уцепились за носы и кормы карбасов.

Пустоозерец направил коч к погибавшим товарищам. Им бросали с коча концы и одного за другим втаскивали на борт. А жестокий ветер гнал коч к мелям. Пустоозерец опомнился, когда днище его коча ударилось о подводный камень.

— Напоролись! — вскричал Григорий.

Вода врывалась в отсеки. Волна, перемахнув через борт, пронеслась по палубе.

— Ведра давай! Эй, Григорий! — слышался голос Пустоозерца.

— Принимай пищали!

— Эй! Упирайся в коч! Разобьемся! — кричали на спущенных карбасах.

— Порох... Порох передавайте!

— Живей!

— Спускайтесь! Отваливай!

Три карбаса отвалили от коча. Корма судна быстро погружалась. Нос задрался вверх и торчал из воды, обда-

ваемый волнами. Новая волна обрушилась на гибнущий коч. Сползая с подводной опоры, он стал уходить в воду.

— Видно, не наше счастье, чтоб найти. Наша судьба — потерять, — Пустоозерец потухшим взглядом скользнул по измученным лицам товарищей. — К берегу! — крикнул он, махнув рукой.

Желанный берег близко, но как же трудно до него добраться! Среди волн там и здесь показывались потайники, скользкие зеленые камни. Один за другим карбасы разбивались почти у самого берега.

16. Миражи

Погодушка бушевала то со снегом, то с дождем.

— «Медведь» скрылся! — воскликнул Ефим Меркурьев, всматриваясь вдаль и ничего не видя, кроме липухи.

— Только что я его видел... — развел руками другой покручник Андреева, ростовец Иван Нестеров.

— Спустить парус! — приказал Дежнев. — Держи, Фомка, на северо-восток! Отойдем в море, чтобы не сесть на мель.

— Куда-то унесет нас, хозяин! — обратился Ефим Меркурьев к Афанасию Андрееву. — Найдем ли другие кочи?

— В море всяко бывает. Надейся, Ефим, — ответил Андреев.

«Лишь бы кочи собрать!» — думал Дежнев.

— Михайла, — сказал он Захарову, — спроворь-ко котельный бой. Поставь на него Нестерова.

Захаров тотчас принес из поварни большой медный котел и повесил его на мачте.

— Примечай, как надо бить, — сказал он Нестерову.

Захаров ударил по котлу колотушкой, и резкий, надрывный звук разнесся над морем.

Так дежневцы шли больше суток, тревожа море котельным боем. Снег перестал падать. Ветер стих. Небо посветлело. Но люди напрасно глядели по сторонам: ни берега, ни кочей. Горизонт скрывался в белесой мгле.

— Никого... Видно, несчастлив выход был... Как найти нам товарищей? — волновался Бессон Астафьев.

— Рано еще горевать, — успокаивал ватагу Дежнев. — Где гроза, тут и ведро. Будем искать кочи. Правь, Михайла, на полдень, к берегу. Должно быть, ребята вдоль него идут.

— Вишь, Бессонко! А ты говорил... — укоризненно произнес Зырянин, берясь за весло.

Михайла Захаров молча правил, поглядывая то на матку (компас), то в туманную даль.

Туман сгустился, идти стало опасно. Гребцы едва шевелили веслами.

— Фомка! Глянь-ко... — прохрипел Сидорка, толкая в бок задремавшего друга.

— Чего? Ты что? — встряхнулся Фомка, оглядываясь на Сидорку.

Сидорка, вытаращив глаза, глядел в море, показывая пальцем. Фомка глянул и оторопел: из воды высывалась огромная голова страшного чудовища. Она блестела, как булат. Черные круглые глаза, с лукошко каждый, глядели на Фомку, не мигая. Под тупым собачьим носом топорщились усы и торчали клыки, казавшиеся толще мачты. Чудовище пыхтело, сопело и злобно шевелило усами.

— С нами крестная сила! — отшатнулся Фомка.

— Сгинь! Пропади! — тонким голосом выкрикнул Андреев, крестя страшное видение.

— Никак сам водяной, — прошептал Сухан Прокопьев.

— Кому ж и быть, как не ему! — шепотом же ответил Меркурьев.

— Глазища-ти, братцы мои! — воскликнул Нестеров.

— Уф-ф-ф! — шумно вздохнуло чудовище, погружаясь в воду.

Мореходы растерянно смотрели то на воду, то друг на друга.

— Что за шум? — спросил Дежнев, выходя из казенки и оглядывая взволнованную ватагу.

— Во... водяной... — ответил Меркурьев, еле шевеля языком.

— Где же он, водяной?

— В воду ушел!

Тут у самого коча из воды показалась серая блестящая голова. Она была куда меньше прежней, примерно, с тыкву. Круглые стекловидные глаза злобно,

но вместе с тем и с любопытством глядели на мореходов. Седые усы шевелились. Желтоватые клыки блестяли, искривляясь под водой. Чудовище ревело и фыркало, стараясь испугать людей.

— Уж не это ли твой водяной? — насмешливо спросил Дежнев.

— Он! Как есть он!..

— Так это ж морж!

— Да нешто это он? — изумился Прокопьев.

— А то нет? Глянь-ко на глазищи, на усищи, на клыки!

— Да, вся морда та же самая! — Захаров снисходительно усмехнулся.

— Так та же была в сажень! — недоверчиво проговорил Прокопьев.

— Дурень ты! Это вас мгла обманула,¹ — сказал Дежнев.

— Чего в тумане не привидится! — глубокомысленно заметил кочевой мастер Сидоров. Он делал вид, будто животное его не удивило.

— Уф-ф-ф! — снова вздохнул морж, погружаясь в воду.

— Неужто и ты, Фомка, напугался водяного? — сошурив глаза, спросил Дежнев.

— Какого водяного? Что я моржа не видел, что ли? — смущенно пробурчал Фомка, отходя от борта.

Сидорка, почесывая затылок, взялся за весло.

Липуха еще летела, непроглядная, непроницаемая, когда из люка среднего отсека «Лисицы» показалась голова промышленного человека Сергея Осколкова, и он прокричал:

— Течь в отсеке!

Кормщик «Лисицы» Борис Николаев сошел вниз. Там вода стояла по щиколотку.

— Где течь? — спросил он светившего фонарем Осколкова.

В полутемном отсеке закипела работа. Деревянные ведра перебрасывали из рук в руки. Воду выплескивали

¹ Кажущееся увеличение предметов происходит от искривления лучей света, проходящих через слои воздуха разной плотности.

на палубу. Стучали молотки по тупым долотам, заколачивая в щели просмоленный мох.

Мореходы работали много часов, не думая об опасности. А коч тем временем, то качаясь с боку на бок, то ныряя, то взлетая на гребни волн, бежал по океану.

Погодушка стихла, когда Борис Николаев, потный и измученный, поднялся из отсека на мостик. Долго он всматривался вдаль: туман и мгла...

Николаев давно оставил семью в Якутском остроге. Он тосковал по жене и любимой дочери, стоя на мостике коча, думал о них: «Что-то делает жёнка? Утро... Должно быть, по воду пошла... А дочурка Аленушка? Проснулась, верно, глазенки протирает...»

— Впереди «Рыбий зуб»! — радостно вскричал Осколков.

Судно Дежнева неясно виднелось сквозь туманную дымку.

— А ну, ребята, на весла! Поспешим к товарищам! — приказал Николаев.

Красный диск солнца проглядывал сквозь полосы оранжевых облаков. По морю тянулась дорожка багряной ряби.

— Второй коч показался!

— Ребята! Вон и третий!

— Что за наваждение! — удивился Осколков. — Коч будто летит... Ей-богу, он над водой!

Действительно, над более темной, чем небо, поверхностью океана виднелась светло-зеленая полоска неба. По ней, разрывая облака, неслись призрачные кочи. Мореходы с ужасом смотрели на летящие по небу корабли. Они впервые видели мираж.

«Что же это! — думал Борис Николаев. — Что значит эга чертовщина? Живы ли наши товарищи? Не души ли погибших пугают нас?»

Резкий порыв ветра рванул парус. «Лисица» качнулась. Призрачные кочи стали растягиваться, извиваясь змеями, и постепенно слились с зеленоватым фоном неба.¹

— Пропали! — воскликнул, протирая глаза, Осколков.

¹ Движущийся мираж, фата-моргана, возникает при легком ветре, перемешивающем слои воздуха.

— Дьявол над нами тешился!

— Пойдем-ка в ту сторону, где было видение, — решил Николаев. — Не встретим ли мы там наши кочи.

В самом деле, скоро, теперь уж не в облаках, а на море показался «Рыбий зуб», потом «Медведь» и «Бобер». Все четыре судна сблизились.

— Ты ли это, Семен? — не помня себя от радости, прокричал Николаев.

— Вы ли это, ребяташки? — так же взволнованно отозвался Дежнев.

— Ты же нам видением в облаках показался!

— Марево это, ребятки, шутит. Бывает такое в море. Бояться нечего.

— Несчастье с Мезенцем! — объявил Попов. — Глядите!

Он поднял над бортом какой-то обломок.

— Нос «Соболя»!

Дежнев узнал вырезанную на конце бревна голову соболя, и сердце его сжалось.

— Видно, разбился «Соболь», — сокрушенно произнес он. — Нет и «Сохатого»... Но погибли али нет товарищи — неведомо. Пойдем их искать.

Несколько дней Дежнев медленно двигался назад, к западу, упорно осматривая берега. Следов Игнатьева и Пустоозерца нигде не было. Дежнев понял, что продолжать поиски бесполезно.

— Тяжела утрата, — сказал передовщик. — Но ни стоять на месте, ни вернуться не можем! Стоять будем — всем смерть. Вернемся ни с чем — срам будет: товарищи погибли, а мы, живые, дела не сделали. Одна дорога у нас — вперед!

— Вперед! — раздались голоса на кочах.

17. Ледяные ворота

Заморозник — северо-восточный ветер — нагнал такой холод, что мореходы понадевали кухлянки и полушубки. Было ясно. Ватаги оставшихся четырех кочей Дежнева и анкудиновцы, несколько дней назад снова увязавшиеся за ними, — все толпились у бортов кочей, глядя на большие льдины, медленно раскачиваемые зелеными волнами океана. Сверкая белизною, льдины

наступали с севера. Ратники царства ночи, они двигались на отважных мореходов, охватывая их справа и слева, заходя в тыл, отрезая от берега.

С серьезными лицами смотрели дежневцы на льдины. Каждый знал, — силен наступающий враг, близка битва на жизнь и смерть. Едва ли в этот час не почуяли мореходы, что многим из них — вдоволь испытать солевой водицы.

Настороженно они слушали новые звуки, прорывавшиеся сквозь шум волн: издали, с севера, доносился низкий гул, словно гром, глухое ворчание, треск, хруст. Приглушенные вначале, эти звуки росли, и вот тяжелый грохот потряс воздух и прокатился к западу.

— Что это? Гром? — встревоженно спросил Бессон Астафьев.

Дежнев спокойно глянул в его широко открытые глаза:

— Это лед.

Льдины — обломки старого торосистого ледяного поля — встречались все крупнее. Они возвышались вокруг кочей, подобные зубам исполинского чудовища. Океан оскалил зубы. Они лязгали, скрежетали, скрипели. Но мореходы, отталкиваясь от льдин шестами, проскальзывали меж ними.

— Берег в полверсте, — ворчал Афанасий Андреев, — а попробуй-ко, подойди!

Он вопросительно глянул на Дежнева, пытаясь угадать мысли передовщика.

— Будем идти на восток, — сказал Дежнев.

Андреев недоуменно смотрел на него.

— Глянь-ко вперед. На востоке-то небо темнее. Видишь? То знак — там вода.

— Дай бог...

— Уж дядя Семен знает... — убежденно проговорил Иван Зырянин.

Простодушное лицо Зырянина не выражало сомнений. Он греб спокойно и старательно, будто был на рыбалке на реке Унже. Между тем проходы меж льдинами становились теснее.

— Навались, мил человек, навались! — приговаривал Фомка, упираясь в льдину багром.

«Рыбий зуб» обогнул высокую горбатую льдину, и большое, подобное озеру, разводье открылось морехо-

дам. Столпившиеся со всех сторон льдины казались его заснеженными берегами. Их причудливые отражения качались в зеленой воде.

— Пройма! — радостно закричал Захаров.

И точно: впереди, меж двумя огромными льдинами, похожими на ворота, виднелся узкий, слегка извилистый проход. Справа от него, на полверсты до самого берега, простиралось беспорядочное скопление рубца — мелко битого льда. Слева неподвижно высились саженные льдины, удерживавшие напор льда, подошедшего с моря.

— Чудеса! — удивился Бессон Астафьев. — Отчего же лед не забудет проймы?

— Это стамухи, — ответил Дежнев.

— Стамухи?

— Видишь большие льдины, что слева? Стамухами они зовутся. Они держат лед.

— А почему они не... плывут? — спросил Астафьев.

— Они на мели.

— То счастье наше!

— Ура! — закричал Сидорка.

— Погоди орать, — остановил его кочевой мастер, — посмотрим, пройдут ли кочи?

«Медведь» также выбрался из-за льдины.

— Федот! В пройму! — крикнул Дежнев.

Оба передних коча входили в ледяные ворота, когда из-за тороса показалась «Лисица».

Борис Николаев, Осколков и другие мореходы, с шепами в руках, в одних рубахах, потные, стояли у бортов. Они запыхались, отталкиваясь от льдин и продвигаясь меж ними.

— Ерофей! — крикнул Николаев. — Идешь ли? Здесь пройма!

— Про-ле-за-ем! — донеслось с «Бобра» из-за льдин.

Николаев глянул влево. Там стоял треск и скрежет. Лед напирал на стамухи, льдины лезли под льдины, лопались, крошились, громоздились одна на другую. Но стамухи крепко сидели на грунте, и лед стал прорываться к западу. Он двинулся к разводью, где стояла «Лисица».

— Ерофей! — снова крикнул Николаев. — Торопись! Торопись!

— А ну, раз! Еще раз! — слышались выкрики работавших людей.

— Я жду тебя, Ерофей!

— Не жди! До-го-ню! — донесся голос невидимого за льдиной Агафонов.

Ватага «Лисицы» стояла с занесенными веслами. Все глаза были устремлены на Николаева.

Борис Николаев не отрывал глаз от потока льдин, вырывавшегося из-за стамух. Приказа «вперед», готового сорваться, все не было.

— Борис! — предостерегающе произнес Осколков.

— Да ну же, кормщик! — воскликнул кто-то из ватаги.

Николаев молчал.

Наконец нос «Бобра» высунулся из-за льдины.

— Бросай конец! — крикнул Николаев.

С «Бобра» бросили веревку.

— Вперед!

Треск дерева, крики обеих ватаг — и «Бобер» высвободился из ледяной пасти. Но как высвободился! Николаев понял, что дела «Бобра» плохи. Он так низко сидел в воде, что едва двигался.

Обе ватаги гребли что было сил, — и почти ни с места.

Тем временем «Рысь», целехонькая, выскользнула из-за льдины. Анкудиновцы, суетясь, схватились за весла. Двадцать восемь гребцов рванули веслами, и «Рысь», обгоняя «Бобра», а затем и «Лисицу», устремилась к пройме.

Лавина льда приближалась.

— Ерофей! «Бобра» не увести! — крикнул Николаев. — Бросай его!

— Подтянись! — крикнул Агафонов.

Его ватага бросилась на нос и, натягивая конец, подтянула «Бобра» к «Лисице». С веслами в руках люди Агафопова стали перепрыгивать на «Лисицу».

— Руби конец! На весла!

До ледяных ворот — пять-шесть сажен. За кормой «Лисицы» раздался треск: схваченный в ледяные клещи «Бобер» лопнул, будто орех. Две большие льдины, крутясь, как жернова, перетирали его обломки.

До ледяных ворот — три сажени!

В этот миг узкая, длинная льдина вырвалась из лавины и, поворачиваясь, загородила путь «Лисице».

— Правая, табань! — крикнул Николаев, налегая грудью на руль.

Нос «Лисицы» пошел вправо, и коч прижался к льдине левым бортом. Все двадцать человек, кто гребя, кто отталкиваясь от льдин баграми и веслами, делали отчаянные усилия, чтобы обойти льдину.

Николаев оставил бесполезный теперь руль и схватил шест. Переводя дух, он оглянулся. Глаза его расширились, на щеке дрогнул мускул: огромная льдина неудержимо стремилась к кочу. Она была схожа со сказочным единорогом. Наклоненный торос выступал вперед грозным тараном.

— Упрись! — крикнул Николаев и первый уперся шестом в льдину.

Где там! Мгновение — и торос врезался в борт, ломая обшивку коча. Вода хлынула во все отсеки.

— На лед!

Нужно ли было приказывать! Люди прыгали на льдины, карабкались, кто как мог, срывались, падали, проваливались в воду. Крики погибавших терялись среди треска дерева и льда.

Сам не зная как, Николаев тоже очутился на льдине.

«Аленушка, доченька моя, — пронеслось у него в голове, — не увидеть мне тебя...»

— Держись, ребята! Сейчас подойдет Дежнев! — крикнул он и, выхватив пистолет, выстрелил. Звук выстрела слился с грохотом льда.

Попов не знал, какое несчастье происходит сзади, в пятидесяти саженьях. Беспокойно оглядываясь, он не видел ни «Бобра», ни «Лисицы», заслоненных анкудиновской «Рысью». За стамухами стоял такой треск и гром, что ни криков, ни выстрелов не услышать.

Но вот «Рысь» стала обходить «Медведя», и Попов увидел людей, цеплявшихся за торосы, падавших, зывавших о помощи.

— Дежнев! — отчаянно крикнул Попов. — Назад! Не слышит!

Вятчанин, сбив с ног плотника Федорова, бросился

к медному котлу, висевшему на мачте. Резкий звон разнесся по пройме.

Дежнев приказал поворачивать.

— Скорей! Навались! — кричал он гребцам.

— А ну, раз! А ну, жми! — доносилось с «Рыбьего зуба».

Когда «Медведь» и «Рыбий зуб» дошли до первой стамухи, ни одной головы не поднималось меж льдинами, не было видно ни одного тела. Лишь обломок мачты с обрывком паруса чернел на торосе.

— Господи, за что наказуешь? — крестясь, прошептал Афанасий Андреев.

По его старческим щекам текли слезы. Люди поснимали шапки и крестились.

— Вот, Ивашко, из шестидесяти душ лишь двадцать нас осталось, — тихо сказал Ефим Меркурьев Нестерову.

Мореходы повернули кочи. Треск, грохот, стоны льда и ветра неслись со всех сторон. Стамухи качались, выдерживая чудовищный напор. Лица гребцов были суровы.

18. Два океана

Попов заметно похудел за три месяца плавания. Он загорел, и выражение лица его стало тверже. Это уж не купеческий приказчик, а кормщик коча, мореход, землепроходец. Скрытая нравственная сила направляла этого человека. Она светилась в его взгляде, делала каждое движение волевым и точным. Человек уж не плыл по ветру, он смело шел, зная, куда идет. Ему казалось, нет силы, способной его удержать.

— Погляди-ко, — облако над солнцем! — говорил Попов жене, выходя из казенки. — Что твоя жар-птица!

Смуглые щеки Кивили разругались. Не вполне понимая мужа, она чутьем улавливала его мысли. Она отвечала на своем языке, протягивая руки к солнцу:

— Привет тебе, Юрюнг-Айыы!

Покручник Тимофей Месин, стоявший на руле, снял шапку и отер ею лоб. Не в силах удержаться, он откашлялся и проговорил сверху, с мостика:

— Чудно окрест, хозяин! Глянь-ко, льдины-то, будто выкрашенные: то зеленые, то красноватые...

Попов и Кивиль подошли к борту коча. Они увидели «Рыбий зуб», режущий сверкавшие на солнце волны, а за ним — неотступную «Рысь». Последние дни, встревоженный дерзостью анкудиновцев, Дежнев приказал Попову идти впереди. Держась между «Медведем» и «Рысью», Дежнев, в случае нападения Анкудинова, был готов принять удар на себя.

Попов присел на борт и смотрел на горный кряж, тянувшийся вдоль берега. Кивиль нашла себе место на свернутом канате. Некоторое время она молча посматривала то на берег, то на мужа, затем тихо запела по-якутски:

Коль бы знать мне,
Может ли песнь моя
Сердце тронуть твое,
Я без устали пела бы!

Попов слушал ее с удовольствием, хоть слов песни не понимал. Но взгляд его был прикован к отвесному черному обрыву, завершающему горный кряж на востоке. Мрачный утес четко рисовался на фоне зеленоватого моря и ясного неба. Там море кипело, волны разбивались о скалы и пенились.

— Ну и грозен утес! — проговорил Дмитрий Вятчин, подошедший к Попову с группой покручеников. — Что твой нос Эри!

— А что там, на камне, белеет?

— Снег, видно, — ответил Попов. — В камне, думать надо, — трещины. В них снег и летом, должно быть, не протаивает. Но что-то не видно берега за утесом. Не тот ли это нос Необходимый, о коем нам чукчи сказывали?

Дежнев также рассматривал грозный нос. Ватага «Рыбьего зуба» сгрудилась у борта.

— Вот он, Большой Каменный нос, — говорил Дежнев, — Необходимый нос... Не раз чукчи нас им пугали...

— Пугать-то пугивали...

— По эту сторону видна будто речка, — продолжал Дежнев. — И что-то там движется...

— Люди! — вскричал Сухан Прокопьев, указывая на гребень хребта.

На высоте, на фоне побледневшего неба, виднелись фигуры людей, бежавших и махавших руками.

— Внизу тоже люди! — воскликнул Иван Зырянин. — Э! Да у моря становище!

— Сносит на скалы. Фомка! Отвали от носа, — сказал Дежнев своему рулевому.

С утеса, с высоты трехсот с лишним сажен, ниспадал поток. Порывы ветра дробили его. В облаке брызг улыбалась веселая радуга.

— Ну, красота! — восторгался Астафьев.

— Нос-то никак на юг заворачивает, — с удивлением заметил Дежнев.

Он подошел к рулевому и взглянул на матку:

— Мы уж не на восток, а на юго-восток идем. Вишь ты... Из-за носа берега не видно... Неужто?..

Волнение овладело Дежневым.

Морской горизонт расширился с каждой минутой. Свежий ветер гнал волны с белыми гребнями. Легкие облака бежали по светло-голубому небу. Ослепляя, солнце искрилось на волнах и качавшихся на них льдинах.

«Сотня сажен до края носа, — думал Дежнев. — Что-то за ним увидим?»

— Двадцатое сегодня, Михайла? — вдруг спросил он Захарова.

— Сентября двадцатый день, — твердо ответил тот. — Сегодня — три месяца плаванию.

Нестройный крик донесся с «Медведя», уже вышедшего за нос.

— Навались! — крикнул Дежнев.

Несколько мощных взмахов весел — и «Рыбий зуб» также вышел за нос.

Море, ослепительно сверкавшее на солнце море, куда ни взглянешь, — вот что увидел потрясенный Дежнев вместо продолжения горного кряжа. Тихий океан открыл перед Дежневым свои просторы. Редкие льдины, обдаваемые пеной, колыхались на волнах.

Грозные скалы Необходимого носа высились справа. Сзади и слева на востоке — знакомое Студеное море. Его горизонт скрывался в туманной дымке. Спереди — сверкавшие на солнце волны нового, неведомого океана.

— Вот он, край земли Сибирской, — сказал Дежнев.

— Вона! — изумленно проговорил Ефим Меркурьев. — До края света, мол, дошли!

— Дежнев! — радостно кричал Попов с «Медведя». — Семен! Нос обошли!

Так произошло одно из крупнейших географических открытий. Горсточка скромных русских людей совершила подвиг, даже не сознавая его величия. Двадцатого сентября 1648 года русские люди первыми из европейцев прошли проливом, существование которого было волнующей загадкой для европейских картографов и ученых. Дежнев не знал, что многие из них были готовы на любые жертвы, лишь бы достоверно выяснить, отдельный ли континент Америка или она — продолжение Азии.

А они, безвестный казачий десятник Дежнев и купеческий приказчик Попов, качаясь на утлых суденышках в узком проливе между великими материками, лишь случайно не увидели берегов Америки, в тот день скрытых туманом.

**ЧАСТЬ
ВТОРАЯ**

I. „Рысь“

Необычная картина просторов нового океана поразила и анкудиновцев. Лихие люди толпились у бортов «Рыси», дивясь черной громаде Необходимого носа, розоватым и зеленоватым льдинам, качавшимся на волнах.

Анкудинов стоял на носу коча, прислонясь к борту. В раздумье он посматривал то на берег, то на идущий впереди «Рыбий зуб». Вся фигура его выражала нерешительность. Зато на тупом и жестоком лице Ивашки Косого, который высился за атаманом, расставив ноги и заложив руки за спину, не было заметно сомнений. Он смотрел исподлобья на «Рыбий зуб», видно давно решив, что нужно делать.

Анкудинов оглянулся. Его бегающие глаза встретились с тяжелым и осуждающим взглядом Косого. Анкудинов как-то смешался и, к собственной досаде, неожиданно для себя спросил:

— Думаешь, пора?

— А то нешто нет? — вопросом ответил Косой. — Чего ждатель-то?

Анкудинов выпрямился, принимая независимый вид начальника.

— И по мне эдак, — отрывисто бросил он и, не глядя на Косого, отошел от борта.

— Дружина!

Анкудиновцы, за исключением стоявшего за рулем Ивашки Вахова, сомкнулись вокруг атамана.

Анкудинов вскинул подбородок и, глядя выше шалэк столпившихся людей, произнес:

— Я решил — покончим с Дежневым. Погыча-река недалеко, не за этим ли утесом. Пора.

Топот разбегающейся дружины. Лязг оружия. И снова голос Анкудинова:

— Восемь гребцов на весла! Трое — багорщики. По местам! Вам, пяти пищалам, залечь у бортов. Пищали до времени скрывать. Как подойдем да дежневцы всполохнутся, стрелять разом! Ты, Федька, бьешь старого хрыча Фомку. Ты, Митька, бесхвостую цаплю Сидорку. Ты, Евтюшка, валишь Дежнева. Наповал! Смотри, коль промахнешься, голову оторву!

Евтюшка Материк, хмуро смотревший себе под ноги, вдруг резко поднял голову. Его серое лицо со следами цинги побледнело. Этот всегда тихий парень теперь дико смотрел на Анкудинова.

«Ты, Евтюшка, валишь Дежнева... валишь Дежнева! Ты, Евтюшка...» — летели мысли в мозгу Евтюшки.

— Нет! — выкрикнул он.

Анкудинов удивленно поднял брови.

— Что ты сказал? — процедил он, презрительно скривив губы.

— Нет мово согласия убивать Дежнева, вот что сказал! — с необычайной решимостью ответил Материк, повышая голос.

— Твово согласия, говоришь, нет? — насмешливо переспросил Анкудинов, делая медленный шаг к Материку.

— Нету! — отчаянно выкрикнул Материк, оглядываясь, ища поддержки. — Ты что, атаман, затеял? Кого убивать хочешь? Нашего брата казака? Лучшего?

— Бунтуешь, собачья шерсть! — прошипел Анкудинов, и его правая щека задергалась.

— А Дежнев мне луку дал! Увидел — я оцинжал. Пожалел! А я, Евтюшка, валю Дежнева? Нет!

— В воду! — рявкнул Анкудинов.

С десятков разбойников набросились на бунтаря. Сжав зубы, Материк выхватил саблю. Клинок блеснул, описав полукруг, на миг остановил нападающих.

Ивашка Вахов, оставив руль, кинулся на помощь Материку. Он увидел — хотят утопить Евтюшку, его земляка, парня из деревни Хромой Брод, того Евтюшку, который спас его, Вахова, вытащив из воды при нападении на «Соболя».

— Не трожь Евтюшку! Зарублю! — иступленно орал Вахов, размахивая саблей.

Дальнейшее понеслось перед глазами Материка с невероятной скоростью. Он упал, споткнувшись о кадку, брошенную под ноги. Сабля вылетела из его руки и зазвенела на досках палубы. Евтюшку схватили. Красное, искаженное страхом и яростью лицо Ивашки Вахова мелькнуло перед ним. Схваченный, как и Евтюшка, Вахов, точно затравленный зверь, вращал налитыми кровью глазами.

Земляков подняли над бортом. Вахов увидел под собой бегущую свинцовую воду. Он напрягся, сию минуту вырваться.

Руки разбойников разжались. Миг — и вода сомкнулась над головами обоих бунтарей.

— К рулю! — неистово крикнул Анкудинов, заметив, что неуправляемый коч несет на камни-потайники. — За весла!

Несколько человек схватило руль. Сбивая друг друга с ног, люди бросились к веслам.

Поздно! Коч хрустнул от удара. Увлекаемая течением тяжелая льдина ударилась в левый борт, прижав коч к потайнику. Льдина разворачивалась, упершись в коч. Люди прыгали на нее с гибнущего судна. Скользя и падая, они хватались друг за друга и срывались в ледяную воду.

Дежневцы с начала драки на «Рыси» не спускали с нее глаз. «Рысь» шла в пятидесяти саженьях, и все на ней было на виду. Но рев волн, бившихся о скалы, мешал разобрать, в чем там дело.

— Эх! Мне бы туда! — сказал кочевой мастер Сидоров. — Я б им показал! — Плюнув на ладонь, он потрянул огромным кулачищем.

— Ишь ты, рыбий глаз! Вся шайка на двоих!

— Ну, схватили! Громом их разрази!

И вдруг дежневцы увидели, что их недруги стали прыгать с коча на льдину и в воду.

— Напоролись, антихристы! Погибают!

«Рыбий зуб» поспешил к гибнущей «Рыси».

— Сухану и Степану весла не бросать! — приказывал Дежнев. — Ивашке и Бессону подымать людей на борт. Сидорке и Михайле отбирать оружие до ножей. Оружие кидать в средний отсек. Анкудиновцев — в поварню. Фомка, стой с пищалю у мачты.

Работа закипела. Иван Зырянин и Бессон Астафьев бросали концы барахтавшимся в волнах анкудиновцам и втаскивали их на коч. У разбойников уже окоченели пальцы. Ослабевшие не могли удержать веревки и, едва показав из воды плечи, обрывались. Их поднимали петлей.

Михайла Захаров и Сидорка быстро обыскивали спасенных и посылали их на нос. Фомке оставалось покрикивать:

— Полезай в поварню! Лезь, лезь, мил человек, там теплее! Да разденься-ко поживее!

Трясшиеся от холода анкудиновцы охотно повиновались. Сидорка вытащил самого Анкудинова.

— Эге-ге! Гераська, рыбий глаз! Ты, брат, видно, в моржовых атаманах! Ну, не вырываться, обобщем за раз! Ножичек подай. Пистолетик подай.

Дрожа, Анкудинов свирепо озираясь. Вид у него был жалкий.

Подошел черед и сухим анкудиновцам, что плыли на льдине. Некоторые из них сохранили сабли и пищали. Этих тут же поставили на весла.

— Разворот! — приказал Дежнев. — Поищем и тех сердешных, что лиходеи в море бросили.

Евтюшку Материка и Ивашку Вахова также нашли. Один из них держался за деревянное ведро, другой — за весло. Оба они окоченели. Их с трудом подняли петлями.

— Суханко! — подозвал Дежнев Прокопьева. — Займись этими ребятами. Одень-ко их во что ни на есть сухое. А там приведешь их ко мне.

Вскоре одетые в кухлянки и унты Евтюшка Материк и Ивашка Вахов снова предстали перед кормщиком.

— Спасибо тебе, приказный! Жизнью тебе обязаны! — говорили они Дежневу. — А бросили нас в воду за то, что убивать тебя отказались. Хотели они тебя загубить. И Холмогорца тоже...

— Куда послать их? — спросил Прокопьев. — К анкудиновцам?

Материк и Вахов перепугались.

— Смилуйся, приказный! Коли спас, теперь не губи! Порешат нас там анкудиновцы!

— Ладно. Не бойтесь. Поживете с моей вагагой.

Хорошие вы, вижу, ребята. Как к лиходеям-то попали? Ну-ко, рассказывайте!

— Бежали мы из Якутского острогу от воеводиных батогов. С голоду помирали... Куда подашься? — признался Вахов.

— Тошно нам было у них, — говорил Евтюшка. — Только и думы было — убежать, да некуда.

— Вот что, ребята, говорите прямо: будете верно служить, коль приму вас в свою ватагу?

— Будем! Будем! Испытай нас, приказный!

— Беру вас обоих. Сухан, дай им сабли. Дай место в среднем отсеке да накорми.

Дежнев вышел из казенки. Коч миновал восточный край Необходимого носа, и его юго-восточный склон, тоже мрачный и обрывистый, открылся перед Дежневым. Слева, на востоке, виднелся остров.

2. Большой Каменный нос

— Всех ли спасли? — спросил Попов, когда «Медведь» приблизился к «Рыбьему зубу».

— Всех! — отозвался Дежнев.

— Где они?

— В поварне, а кто посуше, — на веслах.

— Радость-то какая, Семен! — сиял Попов. — Землю Сибирскую обошли!

— Обошли, дружище! — улыбнулся Дежнев. — А высок нос-от!

— Саженой триста, а то и четыреста, пожалуй, будет.¹

— И смотри ты, сколько людей здесь, на носу, живет! Видно, место это зверем морским и рыбой богато.

— Может, и корги моржовые недалече!

— Не на том ли вон острове?

— Сходить бы нам на него...

— Сходим, пожалуй. Да прежде, Федот, потолковать

¹ Большой Каменный нос, или Чукотский нос, в XVIII и XIX веках назывался Восточным мысом. В 1898 году по предложению Норденшельда он был переименован в мыс Дежнева. Его высота 850 метров.

мне с тобой нужно. Давай-ко подойдем к берегу, где потише место.

Дежнев подвел кочи к отошедшему от скал и выдавшемуся в море низменному берегу, где широкий ручей, напрыгавшийся по уступам глубокого ущелья, спокойно, как бы отдыхая, вливался в море. Стали на якоря. Спустили карбасы.

— Всех анкудиновцев с весел — в поварню! — приказал Дежнев. — Михайла, тебя оставляю старшим. Анкудиновцев запереть. Стражу удвоить. Глядеть в оба! Со мной идут на берег Фомка, Сидорка и Суханко. Взять пишали!

Сопровождавшие Попова покрученики — Филипп Александров и Терентий Назаров — отошли по берегу один вправо, другой влево. Фомка и Сидорка зашагали вдоль ручья к ущелью.

Дежнев с Поповым, удалясь от карбасов на полсотню шагов, остановились на открытом месте. Солнце поблескивало на куюках¹ и шлемах кормщиков.

Попов вопросительно смотрел на Дежнева.

— Как видно, Федот, — начал Дежнев, — Герасим опасней, чем я думал. Ведь он, злодей, на Исаю Игнатьева нападал!

— Как дознался? — вскинул голову Попов.

— Двое его парней ко мне перешли. Открылись. Тут, у носа, он хотел было и нас с тобой порешить.

— Ишь, волки!

— Буду я Гераську и его людишек держать под стражей, доколе не воротимся на Колыму. Оттоль отошлем их в Якутский острог.

— Намучаемся мы с ними! — Попов с досадой махнул рукой. — Довольно ли у нас хлеба и рыбы прохарчить их? Не посадить ли их где-либо на берегу, аль на острове?

— Нельзя. Думал я о том. Без оружия их высадишь — всем голодная смерть. Не могу грех на душу принять. Сыскались же на «Рыси» хорошие парни — Материк с Ваховым. Случаем попали они к лиходеям.

— Как говорится, черт попутал, — усмехнулся Попов.

¹ Куюк — кожаный панцирь, покрытый спереди железными пластинками.

— Может статься, еще такие найдутся и верной службой вины свои искупят. Нельзя обречь их на смерть, не разобравшись.

— Твоя правда, Семен.

Дежнев положил руку на плечо Попову:

— И ты, Федот, так не сделал бы, как сказал. Сердцем ты мягок. Бывает, суровое слово молвишь, а в сердце совсем другое.

Попов слегка покраснел.

— Это хорошо! Но сейчас-то суровость надобна. Высадить их с оружием тоже нельзя: разбойничать станут. Начнут чукчей грабить. Не допущу! — Дежнев сдвинул брови.

— Нельзя пустить их разбойничать...

— Что остается? Таскать их с собой под стражей.

— Будем таскать, — вздохнул Попов.

— Я могу держать их лишь в одном отсеке, в поварне. Там они у меня в такой тесноте, что и лечь им всем нет места. Не хотелось бы, а придется половину людей передать тебе.

— Приказывай.

— Да сладишь ли ты с ними, Федотушко? То нам, служилым людям, пленных стеречь за обычай. Ты ж к этому не привычен... Как бы беды они у тебя не натворили!

— Поостерегусь, Семен.

— Убери из поварни оружие и припасы. Прикажи наладить у выхода крепкий замок. Назначь начальника стражи. Твой полукормщик Лука Олимпиев, человек строгий, думаю, будет гож.

— Другого не подобрать.

— Стражу держи денно и ночью. За нерадение крепко взыскивай. Наверх анкудиновцев выпускай по одному, по двое, да лишь днем. Коли кто забунтует, закуй в железа. Все ли запомнил?

— Запомнил, Семен.

— Готовься ж принимать гостей.

Дежнев свистнул, собирая стражу. Оба кормщика вернулись на свои кочи.

— Пленных наверх! — приказал Дежнев.

Скоро двадцать восемь анкудиновцев, кто в кафтанам, а кто и без рубах (их одежда еще не высохла), были выстроены на носу коча. Они хмуро озирались.

Дежнев долго приглядывался к каждому анкудиновцу. Наконец он заговорил:

— Ну, молодцы-удальцы, ночные дельцы, видно, за недобром пойдешь, на худо набредешь. Знаю я, что вы супротив меня замышляли.

Дежнев заметил злобный взгляд, брошенный Ивашкой Косым на Материка с Ваховым, стоявших в группе дежневцев.

— Сделав худо, не жди добра. Буду держать вас под стражей. Придет время — ответите за злодеяния. Половину из вас переведу на «Медведя». Накрепко запомните, что скажу: кто покусится бунтовать, кто дерзнет хоть пальцем тронуть моих людей, меж них и Материка с Ваховым, того буду казнить смертью! Ты особливо запомни это, Косой. Я знаю твою волчью повадку.

Анкудиновцы молчали, опасливо поглядывая на Дежнева. Крепкая фигура передовщика была исполнена такой суровости, решимости и силы, что каждый из лихих людей смекнул: идти поперек — проститься с жизнью. Анкудиновцы прятали глаза, избегая встретить взгляд приказного.

Дежнев решал, кого ему оставить у себя. По его знаку такие отходили вправо. Он выбирал себе самых опасных разбойников. Лицо Косого, смотревшего исподлобья, насторожило Дежнева. «Закоренелый душегуб... Этого нельзя отсылать Попову».

— Отойди вправо! — приказал Дежнев.

Косой с ненавистью глянул на него и не шевельнулся. Дежнев сделал шаг вперед — и в тот же миг Косой, пораженный тяжелым кулаком, рухнул на палубу.

— Спустить в поварню! — приказал Дежнев.

В дальнейшем по первому слову Дежнева анкудиновцы поспешно отходили в указанную сторону. Взгляд Дежнева остановился на Герасиме Анкудинове. «Что с ним делать? — рассуждал Дежнев. — Оставить его вместе с Косым нельзя. Вдвоем они — сила. Косой, хоть и не атаман, но дюже опасен. Пусть он будет при мне. Гераську же — Федоту».

Всех оставленных на «Рыбьем зубе» анкудиновцев заперли в поварне. Началась переправа пятнадцати душ на «Медведя».

— Помни, Герасим, — сказал Анкудинову Дежнев, —

ты уже не атаман. Приказывать и не думай. Затеешь худое, — веревка!

Анкудинов молча прыгнул в карбас. Пятко Неронов, опасливо озираясь, спустился за ним.

— Шевелись, волчье ухо! — сурово крикнул на Анкудинова Лука Олимпиев, справлявший службу начальника стражи.

Бывший атаман поднялся на борт «Медведя» и нехотя пошел к новой темнице.

Тем временем Сухан Прокопьев хлопотал на берегу, запасая пресную воду. Степан Сидоров, Евтюшка Материк и Ивашка Вахов черпали деревянными ведрами воду из ручья и носили ее к карбасу.

Водоносы работали весело и охотно, чувствуя под ногами твердую землю вместо качающейся палубы коча.

— Како! — вдруг слышали мореходы.

Из-за скал вышел молодой чукча и, раскачиваясь, подчеркнуто небрежной походкой направился к русским. И отличный мех его одежды, и подзор кухлянки, искусно набранный из разноцветных шкурок, — все говорило, что чукча был щеголем. На его бритой голове были оставлены две круговые каемки волос вместо одной.

Высокие сары¹ из кожи нерпы — на ногах, шапка из оленьего выпорotka — за плечами. Костяной нож, болтавшийся на поясе, и расшитый кисет с огнивом, трuтом и кремнем, висевший на шее, завершали наряд чукчи. Самым же примечательным в облике молодого человека было выражение его лица — самодовольное, добродушно-веселое, в то же время снисходительное и дерзкое.

— Мельги-таньги?² Э? — свысока обратился он к Степану Сидорову.

Кочевому мастеру не понравился тон вопроса, и, выпрямившись, он сухо ответил:

— Ну, здравствуй, коли пришел.

«Видно, и досюда о нас, русских, слух дошел», — подумал Сидоров, отлично знавший, кого чукчи называли мельги-таньгами.

— Сказывайте, — продолжал чукча.

— Нечего, — ответил за Сидорова подошедший Сухан Прокопьев, хитро оглядывая собеседников.

— Что слышали?

— Ничего не слышали, — тотчас ответил Прокопьев, знакомый с манерой чукчей завязывать беседы.

— Что видели?

— Ничего не видели.

После такого обмена уставными фразами чукчи обычно приступали к деловой беседе.

— Мури-Юкко, — важно произнес чукча, выпятив грудь и указывая на себя. — Есть ли кто-либо среди мельги-таньги, кто мог бы меня осилить?

— Да мне тебя на раз, — ответил Сидоров, смерив чукчу и плюнув на ладонь.

Юкко улыбнулся и, заметив саблю, висевшую на поясе Вахова, издал радостное восклицание:

— Кха-кха!

Схватив саблю, Юкко бесцеремонно вытянул клинок из ножен.

— Ну, пошто схватил? — обиделся было Вахов, но, заметив подмигивание Прокопьева, покладисто прибавил:

— А не то гляди. Ладно уж...

¹ Сары — род обуви.

² Мельги-таньги — «огненные чужеземцы». Так чукчи называли русских.

Постепенно около мореходов собралось человек тридцать чукчей. Меж ними были женщины в меховых штанах. Из-за матерей выбежали ребятишки, живые, круглолицые, большеротые, похожие на медвежат.

Евтюшка Материк с удивлением смотрел на татуированных чукчанок. Мореходы дружелюбно объяснялись с чукчами, кто как мог. Состоялись кое-какие мены. Материк променял нож на костяной топор.

Афанасий Андреев поспешно выслал на берег Бесона Астафьева, и тот разложил перед чукчами свои товары: гвозди, сковороды, котелки, ножи, бусы. Чукчанки побежали в стойбище за «рыбьим зубом». Торговля налаживалась.

Щеголь-чукча Юкко, посмеиваясь, похаживал от одного морехода к другому и развязно ощупывал их одежду и оружие. Подойдя к карбасу вслед за водоносами, Юкко увидел в нем пищаль Сидорова. Для Юкко воскликнуть «ап! ап!» и схватить пищаль было недолгим делом. Сидоров тотчас же сердито вырвал оружие из его рук, памятуя строгий приказ Дежнева не давать пищалей в руки иноземцев.

На лице самоуверенного чукчи попеременно выразились удивление, обида, гнев, упорство и дерзость. Он ухватился за пищаль и начал тянуть ее к себе.

Двое силачей схватились. Юкко был крепок, но и Сидоров был силен, а кулачный бой сызмальства стал его любимой забавой. На помощь Юкко бежали другие чукчи.

Заметив драку, Дежнев тотчас же крикнул:

— Подать знак: на кочи!

Котельный бой разнесся по берегу. Водоносы и торговые люди отошли на кочи. Чукчи исчезли за скалами.

Нужно было бы очень пристально всматриваться в хаос каменных глыб, чтобы увидеть две согнутые фигуры, прятавшиеся между скалами. То ползком, то короткими перебежками, они незаметно продвигались все ближе к кочам.

Внезапно оглянувшись, Иван Зырянин заметил движение меж камнями и длинный лук, поднимавшийся из-за камня. Зырянин бросился на колени. Положив тяжелый ствол пищали на борт, он прицелился в руку

лучника. Коч качался, и цель убегала. Рука, поднимавшая лук, остановилась. Вторая рука, невидимая за камнем, натягивала тетиву.

Попов стоял на коче спиной к берегу. Выстрел пищали заставил его вздрогнуть. Никто не слышал свиста стрелы, заглушенного грохотом эха. Пораженный в спину, Попов рухнул, словно срубленная береза. Оперенная стрела, дрожа, торчала в его спине.

Прогревели пищали Захарова и Сидорова. Тучи птиц взлетели в воздух. Чукчи бежали к ущелью, перепрыгивая через камни и прячась за скалами.

Фомка не стал стрелять с качавшегося коча. С пищалью в руке он спрыгнул в карбас, из которого еще не успели подняться Материк с Прокопьевым. Сидорка бросился за ним.

— Гребите! — крикнул Фомка, схватив кормовое весло.

Едва карбас врезался в гальку, Фомка с Сидоркой выпрыгнули из него, разбрызгивая воду.

Вытащив карбас на берег, Материк с Прокопьевым повернулись, чтобы следовать за ними, а их уж и след пропал.

Дмитрий Вятчанин бросился к Попову и попытался вытащить стрелу из его тела. Попов содрогнулся: ивовое древко стрелы оказалось в руке у Вятчанина, зазубренный же костяной наконечник остался в ране. Вятчанин растерянно оглянулся.

Кивиль оттолкнула Вятчанина и, выхватив кинжал, разрежала ремни куяка и кафтан раненого. Вставив конец кинжала в рану у зубцов наконечника стрелы, она выдернула наконечник и прильнула губами к ране, высасывая кровь.

Старый Удима опустился на колени рядом с Кивилью.

— Хорошо, — сказал он покрученикам. — Кивиль знает дело. Не бойся рвать раны. Больше крови — скорей заживет. Сосать хорошо. Так делают якуты-воины. Бывает яд.

Попов пришел в себя. Его рана не была опасной. Пройдя меж ремнями куяка, защищавшего лишь грудь, стрела впилась в левую лопатку. Кость помешала стреле поразить сердце.

Скоро перевязанный Попов лежал в казенке, блед-

ный от потери крови. Кивиль сидела на полу, спрятав лицо в одежде раненого.

Тем временем Фомка с Сидоркой перебежали от камня к камню. Чукчи останавливались и стреляли из луков. Фомка же с Сидоркой, мимо которых свистели стрелы, берегли заряды.

— Вот я тебе покажусь, непутевый, стреляй! — бормотал себе под нос Фомка, высовываясь из-за камня.

Что-то мелькнуло впереди. Фомка прыжком перескочил к новому укрытию.

— У, р-рыбий глаз! Чуть ухо не оторвал, — бормотал Сидорка.

Еще в дозоре во время совещания Дежнева с Поповым Фомка далеко проследил тропу ущелья. Он знал: за поворотом — водопад, а тропа круто поднимается вверх справа.

Чукчи скрылись за скалой. Фомке с Сидоркой предстояло пробежать до этой скалы сажен пятьдесят.

— Ну, Сидорка, мил человек, помогай бог, а бежать надо что есть духу. Промедлим — убийцы избегут по тропе, доспешат до укрытия, а там — поминай как звали.

— А коль они не бегут, а за углом сторожат? — беспокойно оглянулся Сидорка.

— Я и говорю: помогай бог, — ответил Фомка.

Он оглядел курившийся фитиль пищали, поправил порох на полке и бросился вперед. Сидорка, перепрыгивая через камни, следовал за ним. Бежать приходилось по подъему. Нагромождение камней заставляло друзей метаться из стороны в сторону. Сердце Фомки стучало. Он задышался.

Пошатываясь, он оперся о скалу, скрывавшую водопад. Сидорка был рядом. Еще раз осмотрев пищали, они выбежали из-за скалы.

Слева шумел и пенился водопад. Справа по красноватой базальтовой стене вилась узкая крутая тропинка. На ней — никого.

— Убегли! — разочарованно проговорил Фомка, останавливаясь.

— Прыткие черти, громом их разрази!

Гулкий звук оборвавшегося камня донесся из глубины ущелья. Сидорка побежал вверх по тропе. Фомка, не успевший отдышаться, остался внизу.

У поворота тропы Сидорка выглянул из-за камня. Ущелье открылось перед ним до самой верхней террасы. В глубине ущелья он увидел чукотских воинов, спускавшихся прыжками. В их руках были копья и высокие прямоугольные щиты, облицованные костяными пластинками. Сидорка разглядел и их костяные панцири.

— Чукчи идут! — крикнул он.

— Много ли?

— Много.

— Беги вниз! Скорей к приказному!

Друзья побежали к кочам.

Едва охотники поднялись на коч, копья чукотских воинов замелькали у выхода из ущелья.

«Как быть? — думал Дежнев. — Пресной воды не взяли. Остаться — биться с чукчами».

Дежнев оглянулся. Ватаги обеих кочей ждали его слова. В море чернел высокий остров. Дежнев круто повернулся в сторону «Медведя».

— Эй! Вятчанин! — крикнул он. — Как твой хозяин?

— Ничего, отходит, — ответил Вятчанин.

— Лука! Будешь старшим! Катай якоря! Плыть к острову!

Заскрипели ворота. Захлопали поднимаемые паруса. Подбежавшим к берегу чукчам не с кем было сражаться. Кочи ушли.

— Еще подумают — мы испугались! — недовольно проговорил Иван Зырянин, занося весло.

— Лишь бы ты сам, мил человек, знал, что не боишься, — ответил Фомка.

— Здоровую трепку мы б им задали, — с сожалением вздохнул Степан Сидоров.

— Пустое мелете, — сурово произнес Дежнев. И тут же, несколько смягчившись, добавил: — А ну, подумаем, ребята, хоть малость. Впервые мы здесь. Худое сделаем — вражду посеем. А где черт не сеял, там он и не пожнет. Кто знает, сколько раз нам идти этим путем!

— Да мы так, по глупости болтали, дядя Семен, — виновато ответил Зырянин. — Обидно показалось, что чукчи в драку лезут, а мы уходим...

— Так-то вот, милый. К добру, брат, всегда гребись, а от худа шестом суйся.

Дежнев поднялся на мостик.

Начальник стражи Михайла Захаров подошел к творилу поварни и отпер замок. Отбросив творило, он крикнул:

— Эй! Выходи двое на проминку!

Двое анкудиновцев торопливо вылезли из поварни.

— Ходить будете здесь, на носу, до мачты, — сказал Захаров. — Вам следить за ними неоплошно, — прибавил он, обращаясь к стоявшим на страже Евтюшке Материку и Бессону Астафьеву.

Один из анкудиновцев, лохматый мужик с медно-красной морщинистой шеей, зевнул и, повернувшись к стражникам спиной, стал озиаться. Второй пленник, Калинко Куропот, человек лет за сорок, подошел к Евтюшке Материку и слегка дернул его за полу кафтана.

— Испить бы, — произнес он, подмигивая Евтюшке, — горько в глотке-то после морской водицы. Нагло-тался...

Евтюшка вопросительно взглянул на Михайлу Захарова.

— Дай воду, — нарочито сурово сказал Захаров. От него не укрылось подмигивание Куропота.

Евтюшка подтолкнул Куропота за парус, где стояла бочка с водой, и подал ему ковш. Куропот прошептал:

— Евтюшка, это ж я тебе и Ивашке весло, а потом и ведро в море скинул. Слышь, это я их скинул!

«Ты?» — чуть было не вскрикнул Евтюшка, но Куропот закрыл ему рот.

— Тише, дурень! — прошептал он ему в самое ухо. — Наши услышат — убьют меня. А я с вами...

Услышав шаги сотоварища, Куропот отпрянул от Материка и торопливо принялся пить.

Дежнев беспокойно оглядывался на коч Попова.

«Федот мой поздорову ли? — думал он. — Что, бишь, ответил мне Вятчанин? Отходит-де... Как это — «отходит»? Лучше ему? Или он хотел сказать — умирает, мол? Отчего это я понял тогда, что лучше ему? А вдруг умирает? Может быть, умер уже...»

Лоб Дежнева покрылся холодным потом.

— Бессонко! — почти крикнул он Астафьеву. — Бессон, что Вятчанин давеча ответил мне про Федота? Тоже не знаешь? Эй! Сидорка! Роняй парус!

— Не худое ли что? — беспокойно спросил Афанасий Андреев, подходя к Дежневу.

— Обождем «Медведя». Про Федота узнаю. Жив ли он, сердешный! Сердце болит... — ответил Дежнев.

Впервые Андреев услышал, что голос передовщика дрогнул.

3. Киты

— Так лучше ему, Федоту-то? — нетерпеливо кричал Дежнев Луке Олимпиеву, когда «Медведь» приблизился к «Рыбьему зубу».

— Лучше! Коль не было яду, здрав будет!

— Ты меня утешил. Уте-шил, го-во-рю! Не отставай! — прокричал Дежнев и, обернувшись к Афанасию Андрееву, облегченно вздохнул. — Хоть отлегло от сердца.

— Дядя Семен! — вдруг вскричал Иван Нестеров. — Глянь-ко, что там за чудо!

— Чудо?

— Вон! Вода из моря вверх бьет. Батюшки! Зверь всплывает!

— Кит, — сказал Дежнев.

— Кит?!

— А ты, ростовский лапшеед, небось, думал: вот чудо-корыто плывет да в небо плюет! — прицепился Сидорка, безжалостно глядя на свою оробевшую жертву.

Когда смех затих, Сидорка продолжал с невинной миной:

— Где же ему, Ивашке, было кита видеть? В их ростовском государстве моря-то нету! Было у них одно озеро, да и то, сказывают, сгорело. Ростовцы, вишь ты, соломой его подожгли!

Смех поднялся пуще прежнего. Нестеров растерянно улыбался.

Солнечные лучи прорвали облака и протянулись к морю. Волны, только что казавшиеся свинцовыми, позеленели и заиграли веселыми отсветами. Тут мореходы увидели, как в полусотне сажений всплыла черная чудовищно огромная глыба. То был полярный кит, называемый гренландским.

Усатый полярный кит не хищник. У этого гиганта, весящего в двадцать пять раз больше слона, нет зубов. Однако бо́льшая часть мореходов не была уверена в ми-

ролюбии сказочной рыбы-кит и посматривала на нее с некоторым опасением.

Волны, выплясывая вокруг кита, то показывали мореходам, то вновь скрывали черную нижнюю губу чудовища, выдававшуюся вперед. Пасть кита, длиною до трети его тела, была закрыта.

Вдруг два высоких фонтана с шумом вырвались из носовых отверстий животного. Сверкавшие на солнце струи увенчивались радужными шапками брызг. Фонтаны красовались недолго. Не успел Сидорка произнести «чтоб тебя громом разразило», что на этот раз выражало восхищение, как они сгинули.

— Нету! — изумился Нестеров.

— Принять вправо! — крикнул Дежнев, чтобы избежать столкновения с китом.

Чудесные фонтаны снова взлетели ввысь и опять пропали. Кит дышал. Казалось, он не замечал ни кочей, ни людей.

Выпустив восьмую пару фонтанов, кит шумно втянул воздух, и его голова погрузилась. Черная спина колесом мелькнула над водой. Гигантский двухлопастный хвост взметнулся над волнами и тотчас скрылся. Кит нырнул.

— Ну как, лапшеед, то-то ты, чай, страху набрался? — пытался продолжать шутки Сидорка.

— Посмотрел бы я, Сидорка, на твою храбрость, коль бы этому дяде вздумалось вынырнуть под «Рыбий зубом», — прищутив глаз, проговорил кочевой мастер Сидоров. — Он бы наш коч, как лягушку, из воды вышиб.

— Силища, — задумчиво проговорил Дежнев. — Кажись, такому чудищу и бояться некого... А вон чукчи из его костей хаты делают.

— Да тут целое стадо! — закричал Иван Зырянин. — Гляньте-ко! Справа вода вверх хлещет, слева — тоже! Нас, видно, не боятся.

Мореходы обоих кочей наблюдали за черными головами китов и их фонтанами.

Вдруг ближайший к кочу кит, в пасть которого могла бы войти лодка с гребцами и мачтой, великан, казавшийся неодолимым, издал жалкий свистящий звук и бросился наутек.

Стадо всполошилось. Вспенивая хвостами волны, киты мчались к острову.

— Чего же они испугались? — удивился Афанасий Андреев.

— Неужто есть такой зверь, чтобы кит его испугался? — изумленно спросил Меркурьев.

— Вон он! — крикнул Сидоров, указывая на что-то пальцем.

— Где? Что?

Вслед за убежавшими китами, рассекая волны, стремительно несло несколько узких черных треугольников. Они казались косыми парусами. Неведомая, видимо, мощная сила несла их со скоростью полета ястреба.

Мореходы переглянулись.

— Что это?

— Косатки,¹ — ответил Сидоров.

Он знал этих страшных хищников. Случалось, они разбойничали и в Белом море.

— Косатки?

— Морские убийцы. Зубы — во! Сорок восемь зубочков! Острые, словно серпы. Ты не смотри, что косатка меньше кита. Сейчас увидишь, как косатки начнут его трепать.

— Да где ж они, эти разбойники?

— Видишь, над водой бегут черные клинья. То их спинные плавники. Не дай бог упасть сейчас за борт.

Стая хищников налетела на заднего великана. Море закипело. Среди волн мелькали мощные хвосты, черные головы, изогнутые спины, оскаленные пасти. На десятки сажен вода окрасилась кровью.

Борьба была слишком неравной. Беззубый кит мог отбиваться лишь хвостом. Косатки вырывали из его тела куски и пожирали их. Одна из косаток вцепилась в нижнюю челюсть кита. Другие вырывали из пасти его язык. Язык кита, видимо лакомый кусочек, был вмиг растерзан.²

— Конец, — проговорил Дежнев.

— Ух ты, страсти какие! — бормотал Ефим Меркурьев, утирая пот.

¹ Косатка — морское млекопитающее семейства дельфиновых, подотряд зубатых китов.

² Язык крупного кита весит около трех тонн.

— Чисто волки, эти косатки, громом их разрази!

— Экого великана загрызли! — сокрушенно покачал головой Фомка.

Скоро терзавшие тушу кита косатки остались далеко сзади. Приближался остров — неприступная каменная крепость, созданная природой. Ревели и пенились буруны.

Дежнев осматривался, выискивая проход меж бурунами.

— Кит спереди! — оповестил Михайла Захаров.

— Лежит, словно дохлый. Не дышит.

— Должно быть, с перепугу. Затаился.

Кит действительно не дышал, боясь выдать себя косаткам. Он напряженно слушал наводящие ужас звуки, передававшиеся через воду: свистящие — дыхание косаток, глухие — удары их хвостов. Испуганный кит не замечал новых врагов, внезапно и неслышно для него появившихся из-за скал острова.

Сначала мореходы заметили одну маленькую, одноместную лодочку. Она ловко прошмыгнула меж бурунами. За ней появилась вторая, третья. И вот уж до десятка маленьких лодочек, подгоняемых взмахами однолопастных весел, заплесали на волнах. То были каяки эскимосов, народа, до той поры не встречавшегося с русскими.

Каяк — замечательное изобретение эскимоса. Его остов делают из легких ивовых веток и обтягивают тюленьими шкурами. Посреди каяка — круглое отверстие для одного человека. Вокруг отверстия — обруч. На этом обруче севший в каяк эскимос затягивает шнурок нижнего края своей кожаной рубахи, называемой анораком. Пусть теперь волны обрушиваются на смелого охотника! Каяка им не утопить.

Дежневцы с изумлением наблюдали за эскимосами, словно сросшимися с каяками.

— Ну и ловки! Громом их... — восхитился Сидорка.

— Утки! Ей-богу, утки! — слышалось вокруг.

Эскимосы также очень удивились, увидев кочи. Они оживленно перекликались, показывая на русских. Видно, и к кочам хотелось подойти, и кита нельзя было упустить.

Наконец приняв решение, эскимосы развернулись и, обойдя кита с обеих сторон, напали на морского вели-

кана. Несколько эскимосов подняли гарпуны и метнули их в кита, целясь в область грудного плавника.

Кит вздрогнул. Взметнулся гигантский хвост. Один из каяков, подброшенный в воздух, опрокинулся. Но это мало смутило эскимоса, оказавшегося в воде вниз головой. Два-три движения веслом — и каяк на боку! Еще один взмах весла — и эскимос снова плывет как ни в чем не бывало.

— Здрóрово! — воскликнул Зырянин.

Кит между тем вырвался вперед. Несколько надутых воздухом бурдюков, привязанных ремнями к наконечникам гарпунов, прыгая по волнам, неслись за ним.

Рассыпавшиеся после первых бросков эскимосы подхватили из воды древки своих гарпунов, отделившиеся от костяных наконечников, и снова бросились за китом. То один, то другой эскимос подлетал к киту почти вплотную и бросал в него гарпун или копье.

Дежневу захотелось узнать, чем кончится эта охота пигмеев на великана, и он приказал плыть за эскимосами.

Кит, видно, был серьезно ранен, его движения становились вялыми. Вдруг он резко изменил направление, может быть, услышав шум косаток. Он плыл теперь прямо к кочам, ослепленный лучами заходящего солнца. Эскимосы неслись за ним.

Один из эскимосов намного опередил своих земляков. Его весло мелькало с обеих сторон каяка. Каяк птицей летел по гребням волн, разбрызгивая пену. Вот он поравнялся с головой кита, устремился прямой к ней.

Человек выхватил копье из-под ремня, натянутого поперек каяка, высоко поднял его и всадил в тело кита у самого плавника. Тотчас охотник со страшной силой был выброшен из воды вместе с каяком. Сломанный каяк и эскимос исчезли в волнах. Кит бился в агонии. Гигант ослабевал и скоро затих.

— Где же этот чукча? — Бессон Астафьев высматривал исчезнувшего эскимоса.

— Неужто утонул? — с искренним сожалением проговорил Дежнев.

— Да нет же! Вон он! — раздался голос Захарова.

Черноволосая голова эскимоса, успевшего освободиться от разбитого каяка, поднялась над волной.

— Гляди! Он смеется!

— Эй! Держи конец! — крикнул Сидорка.

Моток веревки, разматываясь, просвистел в воздухе. Эскимос поймал его и тотчас же был втянут на палубу коча.

4. Зубатые люди

Отряхнувшись, словно вылезшая из воды выдра, эскимос выпрямился и смело глянул на русских.

— Уна-ну-на, — спокойно произнес он.

Его слова означали: «вот я здесь», но русские его не поняли. Они с интересом рассматривали гостя. Приплюснутый нос и большой рот не слишком украшали его широкое лицо, с которого даже соленая вода не смогла смыть слоя грязи. Жидкие черные волосы беспорядочно свисали до плеч. На его левой щеке виднелась татуировка — три синих кружка. На верхней губе — редкие черные усы; несколько волосинок — вместо бороды.

Толстая нижняя губа эскимоса была оттянута двухдюймовыми клыками, вставленными в прорезанные в ней отверстия. От этого зубы были оскалены и лицо имело свирепое выражение.

— Ишь ты, зубатая шельма!

В этом восклицании Сидорки удивление смешивалось с некоторым опасением, что от выловленного «чукчи» вряд ли можно ожидать чего-либо хорошего. Но Дежневу понравилось открытое и смелое выражение лица эскимоса. Маленькие черные глазки островитянина светились умом. Окруженный невиданными чужеземцами, он не чувствовал робости и держал себя без всякой приниженности или заискивания.

— Киту-мисина? ¹ — спросил эскимос.

— Гостем будешь, — ответил Дежнев, приветливо похлопав его по плечу. — Что вы на него уставились без толку? Угостить надо гостя! Живей несите еды, что получше.

Затем, обернувшись к эскимосу и ткнув себя пальцем в грудь, Дежнев продолжал:

— Я — Семен. Се-мен. Понял? А ты — Киту-мисина?

¹ Киту-мисина? — У кого я? (эскимосское).

— Кан!¹ Облуток, Облуток!

— Ты — Облуток?

— А-а!² — радостно закивал эскимос.

— Смышленный парень!

Эскимос едва притронулся к предложенной ему сушеной рыбе и сухарям. Надетые Дежневым на его шею бусы, казалось, обрадовали его.

Каяки эскимосов сгруппировались подле «Рыбьего зуба». Эскимосы что-то кричали Облутoku, видимо, звали его. Облуток отвечал, что ему не делают зла. Снова — переброска словами, среди которых повторялись слова «арвик» и «имаклик».

Смеркалось. Бледная заря потухала. Внезапно все каяки устремились к туше кита, колыхавшейся неподалеку.

— Никак чукчи надумали тянуть кита, — заметил Астафьев.

И в самом деле, два десятка эскимосов, привязав к каякам ремни от воткнутых в тушу гарпунов, тщательно пытались тянуть тушу.

— Облуток! — позвал Дежнев. — Хочешь, милый человек, мы пригоним вам кита? Смекаешь? Я — Семен, — Дежнев ткнул себя в грудь, — кит, — Дежнев показал на тушу.

— Арвик, — поправил эскимос.

— Нехай будет арвик. Остров, — Дежнев перевел палец с кита на остров.

— Имаклик,³ — снова поправил Облуток.

— Добро. Я — арвик — остров, то бишь, Имаклик. Сmekнул?

— Гет! Гет!⁴ — вскричал эскимос. Его лицо сияло радостью.

«Рыбий зуб» подошел к туше кита, и Облуток закричал своим товарищам, что пришли хорошие люди и хотят пригнать кита.

Дежневцы зачалили тушу, подняли парус. Туша медленно поплыла к острову.

¹ Кан! — Нет!

² А-а! — Да!

³ Имаклик — эскимосское название одного из островов Диомиды, позже названного островом Ратманова.

⁴ Гет! — эскимосское выражение одобрения.

Вокруг коча по гребням волн чайками носились каяки эскимосов. Крики ликования не смолкали.

— Ёхо! Ага! Ага! — слышалось со всех сторон.

Ночь уж спускалась на море, когда шумная флотилия подошла к северной части острова. Его бесформенная черная громада была чуть освещена затухающей зарей.

Со скал сбегали женщины, высматривавшие в море мужей, дети, ожидавшие отцов. Крики радости, пронзительный визг детей оглашали берег.

К кочу подошло несколько каяков. Эскимосы что-то кричали. Облуток сказал Дежневу:

— Семен, пришедший с моря, я иду.

Дежнев его не понял. Но эскимос и не ждал ответа. Он шагнул к борту и прыгнул в воду.

Измученный Дежнев нагнулся над водой.

— Облуток! — крикнул он.

Облуток доплыл до ближайшего каяка. Схватив каяк за нос, он вскочил на него верхом. Владелец каяка, балансируя веслом, сохранял равновесие. Затем Облуток повернулся лицом вперед и уселся верхом на каяке перед его владельцем. Сломанный китом каяк Облутока был привязан сзади.

Облуток взял в руки весло, переданное ему владельцем каяка.

— Ёхо! Ёхо! — хором закричали сидевшие в каяках эскимосы, отгоняя злых духов.

— Ёхо! Ёхо! — отозвались женщины и дети с берега.

Гребя в такт этим крикам, Облуток несколько раз обошел тушу кита. Так он открыл «праздник кита», на котором ему, «Нанесшему смертельный удар», принадлежала первая роль.

Кочи бросили якоря в нескольких саженях от берега. Из сгустившейся тьмы вынырнул каяк, на котором оказался один Облуток. Он подошел к «Рыбьему зубу», и эскимос жестами пригласил Дежнева на берег.

— Что ж, сойду, пожалуй. Не след им думать, будто мы их боимся, — проговорил Дежнев.

Андреев с сомнением покачал головой:

— Ночь. Темень. До утра бы погодить...

— Так-то оно так. Да, видно, не зря он зовет. Что-то есть. Навряд ли худое он задумал. Кому из вас охота сойти на берег?

— Мне! Мне! — закричали чуть ли не все мореходы.

— Пойдут трое: Сидорка, Ефимко да Ивашко. Прочим — с коча ни шага.

Дежнев, сопровождаемый Емельяновым, Меркурьевым и Зыряниным, подошел на карбасе к берегу. Позвякивая саблями, четверо мореходов вышли на галюку, освещая путь фонарем.

Облуток с радостным выражением лица стоял у самой воды. Из-за его плеча выглядывала молодая женщина с синей татуировкой на лице. Ее широкая рубаха с откинутым назад капюшоном, штаны и сапоги — все было сшито из мягких тюленьих шкур. меховой хвост, также из тюленьих шкурок, спускался до земли из-под капюшона. Несколько ниток ожерелий, искусно сделанных из раковин и моржовой кости, украшали ее грудь и шею. Меж ними Дежнев заметил и голубые бусы, подаренные им Облутоку.

— Жёнка, стало быть, — проговорил Сидорка, вскинув рыжие брови.

Облуток взял Дежнева за руку и повел его к кострам, неровно пылавшим у китовой туши. Начавшийся отлив оставил ее на отмели. Блики пламени двигались по трехсаженной морде. Казалось, блестящее черное чудовище живо и двигается.

Человек до пятидесяти эскимосов толпилось у костра. Их глаза обратились на Дежнева и его спутников. Эскимосы рассматривали невиданные русские лица, доспехи и оружие пришельцев.

Древний старец, над оттянутой нижней губой которого виднелись лишь два желтых обломанных зуба, шагнул навстречу Дежневу.

— Агля-танки (я привел их), — проговорил Облуток.

— Га (хорошо), — ответил старик, утвердительно встряхнув седыми космами.

— Пришли хорошие люди, — поспешно прибавил Облуток.

— Начни, — помолчав, прошамкал старик.

Оставив Дежнева и его спутников, Облуток поднял над головой гарпун и воскликнул:

— Ёхо!

Шаманы загремели бубнами. Женщины подбросили

в костры морскую траву, и пламя зашумело, взлетев на сажень.

Начались обряды праздника кита.

«Нанесший последний удар» — Облуток — гордо зашагал вокруг кита. Один за другим все мужчины племени, приплясывая, двинулись за ним. Они разом взмахивали копьями и выкрикивали: «Ехо! Ехо!» Красное пламя костров освещало их темные татуированные лица.

— Сидорка! — едва слышно прошептал Ефим Меркуров.

— Э!

— Щипни-ко меня, Сидорка! Сплю я али нет. Ай! Больно! Видно, не сплю... Сидорка, уж не в ад ли к нечистому мы попали?

Дежнев и Зырянин засмеялись.

— Каких только людей нет на свете! — в раздумье произнес Зырянин. — Вот повстречали и зубатых.

— Зубатые чукчи, — молвил Дежнев. — Про таких у нас и не слыхано.

Процессия воинов обошла кита. Женщины с веселыми криками кинулись к своим мужьям и взяли их за руки. Под звуки бубнов и радостные возгласы началась вторая, теперь уж общая для всех членов племени процессия.

Обход кита был закончен. Жена Облутка Навалук одна подошла к морде кита и произнесла положенные заклинания. Она просила кита простить их, если ему было сделано что-либо неприятное, и в будущем приглашать к их берегу почаще других китов, его родственников.

Затем она вынула из ножен острый костяной нож и отрезала по кусочку от концов плавников кита, от его носа и обеих губ. До носа и верхней губы она едва дотянулась. Потом с помощью Облутка она отрезала несколько кусочков китового уса. Обряд требовал вырезать и глаза кита. Чтобы Навалук могла добраться до них, несколько молодых эскимосов подставили свои спины. По живой лестнице на голову кита забрался Облуток, а затем втянул туда и жену.

Навалук быстро вырезала глаза кита. Она разложила их вместе с прежде отрезанными кусочками на тюленьей шкуре, разостланной в некотором отдалении

от туши. Эти кусочки должны были условно изображать целого кита.

Теперь Облуток на время получил возможность заняться гостями. Он улыбнулся им, подбежал к киту, несколькими взмахами ножа срезал с его брюха большие куски кожи с салом и вручил их Дежневу и его спутникам. Приняв куски, мореходы переглядывались, явно не зная, что с ними делать.

— Ешь! Хорошая еда, — проговорил Облуток, но увидел, что гости его не поняли. Тогда он стал показывать русским, что сало надо есть.

Он сунул в рот кусок китовой кожи и, чавкая и похлопывая себя по животу, начал есть со всеми признаками удовольствия.

— Попробуем, пожалуй, — нерешительно проговорил Дежнев.

— Да чтоб я пропал, коли возьму в рот эту гадость! — вскричал Зырянин, отбрасывая сало.

— Э, ребята, вкусно! — воскликнул вдруг Дежнев, решившийся наконец попробовать эскимосское лакомство.

— Ну-ко, и я! — соблазнился Сидорка. — О! Вот так кожа! Ешьте, черти! Век вы такого не отведали!

Все племя с радостными криками набросилось на тушу морского чудовища. Ее резали костяными ножами, тут же поедали, кто сколько мог, и набивали салом бурдюки. Вымазанные с ног до головы кровью и жиром дети визжали и кувыркались. Одного только не было в этой суматохе — ссор. Эскимосы добродушны и миролюбивы.

Убитый кит у эскимосов, как и у чукчей, — общественное достояние. Не только все жители становища, где жил Нанесший последний удар, но и любой человек из соседних селений может прийти и взять еды сколько хочет. Коли Нанесший последний удар заезжается, может случиться, что ему ничего хорошего и не останется. Поэтому Облуток предоставил гостям смаковать предложенное лакомство, а сам принял деятельное участие в разделке туши.

Дежнев и его спутники вдоволь налюбовались удивительным зрелищем. Утомленные, они удалились на коч и заснули непробудным сном.

5. Становище эскимосов

Утром Дежнев навестил Попова. Раненому как будто стало лучше. С интересом Попов расспрашивало «зубатых людях», как прозвали русские эскимосов, об их празднике.

Простившись с другом, Дежнев сошел на берег осмотреть эскимосский поселок. С ним были Бессон Астафьев, Афанасий Андреев и несколько других мореходов с обоих кочей.

По узкой крутой тропинке, змеившейся между черными скалами, русские взобрались на небольшое плато, где и оказалось селение.

Эскимосы встретили их дружелюбными приветствиями. Ребятишки, сосавшие раздробленные тюленьи кости, вмиг окружили мореходов. Теперь, при дневном свете, дежневцы могли лучше рассмотреть жителей острова.

После ночной разделки кита никто из них не позаботился ни умыться, ни вычистить одежду. Трудно было определить цвет их кожи. Сейчас она выглядела грязно-бурой. У многих эскимосов глаза были воспалены и слезились, — действие дыма, наполнявшего их жилища. Однако в живых, смысленных лицах этих людей было что-то привлекательное. Ловкость, сила, смелость и честность эскимосов были тотчас же замечены Дежневым.

Облуток, подойдя к мореходам, каждому из них показывал новое синее пятно, четвертое, только что татуированное на его щеке. Он старался, чтобы его поняли. То, показывая на остов кита, он изображал метание гарпуна, то тыкал пальцем себе в грудь, а затем в новую татуировку.

— Да ведь он четвертого кита убил! — догадался Степан Сидоров.

— Верно! Рыбий глаз!

— Молодец, Облуток, — приветливо говорил Дежнев.

— Э! Ребята, а вон у того, у старика, кружочков, наверно, с десяток!

— Это — охотник!

Мореходы оглядели селение. Четыре жилища, сделанные из китовых ребер и челюстей, — вот и весь поселок. Над двумя хижинами поднимался дымок.

Видимо, гостей ждали, чтобы при них продолжить праздник.

Облуток подвел Дежнева к норе, вырытой шагах в пятнадцати от ближайшего жилища. Эта нора, достаточно широкая, чтоб в нее пролезть на четвереньках, была подземным ходом, которым зимой эскимосы проникали в свое жилище.

Здесь, около подземного хода, на разостланной тюленьей шкуре лежали глаза кита и несколько других кусочков, отрезанных от китовой туши женою Облутока.

Волосатый шаман загрохотал бубном. Растрепанная старуха с красными слезящимися глазами «дала пить» воображаемому киту, лежавшему на тюленьей шкуре, то есть попросту плеснула водой.

Навалук выступила из толпы, поклонилась «киту» и поднесла ему в жертву лакомое блюдо — тюлений желудок, начиненный жиром.

Теперь «кита» нужно перенести в жилище. Проще было бы внести его через летний вход — лаз, сделанный в крыше. Но для большей торжественности Облуток понес его туда подземным ходом. Навалук, а за ней и другие эскимосы полезли за ним.

Из почтения к «киту» разговоров не было. Только

бубен гудел, и под его звуки человек тридцать эскимосов, один за другим, исчезали в подземном коридоре. Изумление мореходов возрастало.

Дежнев спустился в жилище через верхний лаз. Он попал в землянку длиною в четыре и шириною в две сажени.¹ Нижняя часть жилища на глубину роста человека была вырыта в земле. Моржовые черепа, вставленные в стены меж камнями, скалили зубы, на которых висели гарпуны, копыя, луки и сети.

Надстройка, возвышавшаяся над землей, служила крышей. Плоская средняя часть крыши лежала на китовых челюстях, опиравшихся на несколько деревянных столбов, врытых в землю среди жилища. Наклонные боковые части крыши были составлены из китовых ребер, а снаружи выложены дерном.

Дневной свет едва проникал в жилище сквозь маленькие оконца, затянутые тюленьими кишками, заменявшими стекла. Даже днем здесь горели два-три глиняных жировых светильника на высоких подставках. Но сегодня, ради торжества, каждая семья зажгла свой светильник. По числу их было видно, что в этом жилище ютилось восемь семейств. Вдоль стен располагались земляные нары, устланные китовым усом и сухим тальником. На нарах валялись одеяла из звериных шкур.

В жилище набилось столько народа, что едва можно было протиснуться. Дежнев попал к обрядовой пляске, открытой Облутоком, который теперь назывался «Пролагателем дороги».

Колотя по бубну, Облуток вышел на середину жилища. Перед ним встала улыбавшаяся Навалук. В такт бубна оба запели семейный напев. Началась пляска. Не двигаясь с места, мужчина и женщина сгибались и разгибались, качали головами, всплескивали руками.

Мало-помалу все эскимосы присоединились к пению. Оглушительные звуки наполнили жилище. Добрый десяток бубнов грохотал, не умолкая. Дежневу показалось, что общего мотива нет, а каждый поет, что ему вздумается. Скоро он почти перестал различать фигуры пляшущих: от дыма слезились глаза.

Дежнев поспешил на свежий воздух.

¹ Около 32 квадратных метров.

Попов еще не оправился от раны, и Дежнев оставался на острове три дня, чтобы дать ему время отлежаться. Передовщик и не предполагал, насколько печальны будут последствия этой задержки.

Накануне отплытия гостей эскимосы устроили в их честь праздник подбрасывания на моржовой шкуре. Большая часть мореходов отправилась на этот праздник. На кочах остались лишь запертые в поварнях анкудиновцы, Попов, лежавший в казенке, да немногочисленная стража.

Праздник начался жертвоприношением всем «направлениям»: женщины покропили китовой кровью юг, запад, север и восток. Один из шаманов нарисовал желтой глиной на лицах детей знаки, якобы защищавшие их от злых духов: эскимосы, как и чукчи, боялись злых духов и постоянно приносили жертвы, чтобы их умиротворить.

Человек двадцать мужчин и женщин взялись за края моржовой шкуры и подняли ее над землей. Молодая девушка Ноашак первой вскочила на шкуру и тотчас же сильным толчком была подброшена вверх сажени на две. Три раза ее подбрасывали, и все три раза она, падая на скользкую шкуру, удерживалась на ногах. Наградой ей были громкие приветствия, на которые мореходы также не скупились.

Многие молодые эскимосы, юноши и девушки, показывали свое искусство вслед за Ноашак. Как оказалось, девушки превзошли мужчин. Предельный восторг охватил зрителей, когда двух девушек, Ноашак и Мамаюк, одновременно подбрасывали на одной шкуре.

— Пять! Шесть! Семь! — считал прыжки Бессон Астафьев.

Вдруг со стороны кочей послышался крик. Тотчас же грянул выстрел, повторенный эхом.

Дежневцы разом вскочили и, рискуя сломать шеи, помчались вниз по крутой тропинке к кочам.

6. Буря

Опрометью сбежав к берегу, мореходы увидели Сухана Прокопьева, барахтавшегося в воде у борта «Рыбьего зуба». Одежда и сабля тянули его на дно. Он

издавал странные звуки: «ы! ы! х!» Видно, дела бравого казака были не из блестящих.

С высокого берега «Рыбий зуб» — как на ладони. Два сцепившихся тела катались, извиваясь, по палубе.

— Кто это?

— Что за драка?

На мгновение мелькнуло красное лицо с оскаленными зубами.

— Зырянин!

Нога Зырянина описала полукруг, пытаясь найти опору. На него навалился всем телом Косой, старавшийся завладеть кинжалом, торчавшим у Зырянина за поясом. Опрокинутый навзничь Зырянин ухитрился, поджав ногу, упереться ею в живот Косому. Он отбросил противника и получил желанное мгновение, чтобы вскочить. Косой не дал ему выхватить оружие. Он, как рысь, прыгнул на Зырянина и схватил его за горло и за руку.

Прижатый к борту Зырянин повис над водой.

— Братцы! — отчаянно вскрикнул Ефим Меркурьев, увидев, что Зырянин летит в воду.

Падая, Зырянин так крепко вцепился в Косого, что тот не смог вырваться.

В воде Косой освободил горло Зырянина. Полузадушенный Зырянин рванулся всем телом вверх и выплыл, судорожно глотая воздух. Тотчас же его схватил за ворот подоспевший в карбасе Захаров.

Сидорка с Фомкой вытащили Сухана Прокопьева, а Дежнев выволок Косого за волосы на корму карбаса.

— Заснул, рыбий глаз? — спросил Сидорка Сухана.

— «Заснул!» — передразнил Прокопьев. — Только и дел было, чтоб спать!

— Сказывай, — приказал Дежнев Прокопьеву.

— Хошь гневайся, приказный, хошь нет, а дело было так: Косой попросился из поварни поразмяться. Я его выпустил. Нагнулся творило запереть, а он, собака, сгреб меня сзади да в воду. Весь и сказ, — мрачно заключил Прокопьев.

Зырянин тем временем отдышался.

— Задушил меня было, дьявол! Коль бы не эта его подлость, не одолеть бы ему, — смущенно оправдывался он.

— Хоть ты не выпустил его, падая, и то — дело, — проговорил Дежнев.

— Коли бы он его выпустил, анкудиновцы, громом их разрази, встретили бы нас пулями да топорами, — шепнул Сидорка Прокопьеву.

Дежнев поднялся на коч. Связанного Косого вели за ним.

— Двадцать батогов, — приказал Дежнев Сидорову, показывая на Косого. — Заковать в железа!

...Поутру следующего дня солнце тусклым оранжевым пятном поднялось над морем. Серые, украшенные беляками волны рядами бежали к острову.

— Сыматься! — приказал Дежнев.

Попову было лучше, и он сидел на мостике «Медведя», наблюдая за последними приготовлениями. Кивиль стояла на носу, глядя на бесчисленных чаек, летевших с моря к острову. Сотни чаек бегали по берегу с вытянутыми шейками и шумели необычайно. То они вопили, словно обиженные дети, то хохотали, то стонали...

Эскимосы вертелись на каяках у кочей. Они громко переговаривались между собой, показывая на чаек. То и дело глаза и руки эскимосов обращались в сторону кочей.

Облуток подвел каяк к «Рыбьему зубу» и что-то долго говорил Дежневу.

— В толк не возьму, что он лопочет, — сказал наконец Дежнев, напрасно пытавшийся понять Облутока.

— Что-то, видно, недоброе они сместили, — в раздумье проговорил Афанасий Андреев.

— Пустое поверье, должно быть, — заметил Бессон Астафьев.

Фомка, насупившись, с сомнением покачивал головой.

— Ветер попутен, — сказал Дежнев. — Дни — считанные. Ждать несподручно. Спасибо, Облуток, добрый человек, только мы уходим. Чему быть, того не миновать. Прощай, милый человек! И женке своей передай: прощения, мол, просим! Дружина! Катай якоря!

Огорченный Облуток замахал руками.

— Весла на воду! С богом! Федот! Держись ближе!

— Будьте благополучны! — прокричал Попов.

Кочи вышли за буруны.

Эскимосы проводили русских в море, выкрикивая: «Ехо! Ехо!» Они старались хоть злых духов отогнать от уходящих в море друзей.

Засвежело. Ключья облаков неслись со стороны Большого Каменного носа. Эскимосы отстали и повернули к своему острову.

— Ого! — воскликнул Степан Сидоров. — Дельфины разыгрались!

Бессон Астафьев огляделся. И справа, и слева от коча он увидел меж волнами черные спины дельфинов, изогнутые, вращавшиеся, словно колеса. Промелькнув, они исчезали в волнах.

— Жирные, что твои свиньи, — любовался животными Астафьев.

— Сколько их! Гоняются друг за дружкой, словно собаки!

— Радуются. Всякая тварь жизни радуется. — Фомка улыбался одними глазами. — Им здесь раздолье.

— Не к добру это, — сурово сказал Сидоров. — Беломорские-от рыбаки сметили: дельфины в косяки сбились да играют — быть буре.

— Вот и Облуток со своими чайками, — начал было Меркурьев, но осекся, заметив насмешливый взгляд Сидорки.

Сиверко меж тем становился все резче. Он налетал, бешеный, стихал, снова нападал. Огромный ровдужный¹ парус надувался пузырем и гудел, колеблясь. Мачта гнулась и скрипела.

Дежнев оглядывал волны, поднимавшиеся всё выше, и опускавшиеся к ним облака. Голубых просветов неба не осталось. Чаек не было видно. Только маленькие коричневые качурки, штормовые ласточки, кружились вокруг кочей, издавая детские вопли.

— Спускай парус! — прокричал Дежнев, услышавший треск мачты. — Всех анкудиновцев на весла!

Анкудиновцы, задышавшиеся в душной поварне, охотно выбежали на свежий воздух и схватили весла. Они искоса поглядывали на Косого. Гремя цепью, он греб, мрачный, как туча.

«Медведь», также без паруса, нырял в волнах в три-

¹ Ровдуга — мягкая оленья шкура.

дцати саженьях. Дежнев намеревался что-то отмахать Попову, но грозный нараставший гул, пронесшийся над морем, помешал ему.

— Что это? — спросил встревоженный Бессон Астафьев.

Дежнев не успел ответить: ветер, срывая гребни волн, неистово налетел на коч. Мачта издала вопль и, сломанная, рухнула. Коч накренился, черпая воду, люди повалились друг на друга.

— Руби! — раздался голос Дежнева.

Михайла Захаров, едва держась над бортом, выхватил кинжал и ударил по снасти. Мачта скользнула за борт. Коч выпрямился.

— Расковать Косого! — сквозь рев бури прогремел голос Дежнева.

Океан закипел, мгновенно преображенный. Белая пена хлопотала вокруг. Ливень хлынул из туч, мчавшихся над самой головой. Сквозь мглу Дежнев увидел «Медведя», обгонявшего «Рыбий зуб». Мачта «Медведя» была цела и, сгибаемая ветром, заменяла парус. Попов, без шапки стоявший возле рулевых, что-то кричал.

— Прости! — почудилось Дежневу, но, может быть, слово было не то.

«Медведь» ушел вперед. «Рыбий зуб» взметнулся носом вверх, как вздыбленный конь. Волна, ударившая в нос коча, вскинула стену брызг. Когда они рассеялись, «Медведя» не было видно. Бесновавшиеся волны да обгонявшие коч тучи — вот все, что могли видеть мореходы.

Ветер усиливался. Волны, ревя, сшибались, выбрасывая фонтаны брызг. Качка стала невыносимой. Коч бросало, словно щепку.

Дежнев делал все возможное, чтобы «держаться на гребень» — направлять коч поперек волн. Это было трудно: волны, сталкиваясь, меняли направление. Пятеро рулевых едва удерживали рычаг руля и быстро выбивались из сил. Их сменяли переменщики, стоявшие наготове.

Степан Сидоров, в мокром кожане и надвинутой на брови шапке, дольше всех выдерживал у руля. Его железные пальцы мертвой хваткой сжимали руль. Вытянув шею, он вертел головой вправо и влево, следя за

волнами, и выкрикивал подручным отрывистые приказания, приправленные крепкими словечками.

— Левее! Спишь, тресковая печень!

Подручными Сидорова были Фомка, Сидорка, Зырянин и Меркурьев. Фомка пыхтел. Он посматривал из-под седых бровей то на волны, то на Сидорова.

— Так-то, мил человек, — бормотал он себе под нос, — ладненько! Выдюжили!

Сидорка перестал скоморошничать и, не спуская глаз с Сидорова, наваливался на рычаг.

— Гролом ее разрази! — ворчал Сидорка, окатываемый волной.

Ефим Меркурьев еле держался на ногах.

— Сменяйся, моченая требуха! — метнул грозный взгляд на Меркурьева кочевой мастер.

Бледный, с провалившимися глазами, тот, шатаясь, подался в сторону. На место Меркурьева подскочил Сухан Прокопьев. Икавший Меркурьев прижал к животу руки и не мог сделать шага. Едва он выпустил руль, как рухнул на накренившийся мостик и покатился.

— Держи его! — по-петушиному выкрикнул Сидорка.

Рука Михайлы Захарова схватила Меркурьева за волосы.

Иван Зырянин, пятый рулевой, возбужденный, даже как будто счастливый, работал за двоих.

Волны росли и казались горами. Они возносили коч на свои вершины и сразу же низвергали его в водяные ушелья.

Бессон Астафьев стоял подле рулевых, готовый сменить обессиленного. Он крепко держался за березовые поручни. Его восхищало грозное величие океана. Коч взлетал на гребень вала, и океан ширился перед тревожным взором Астафьева, показывая бесчисленные ряды волн. «Несметные рати наступают», — думал Астафьев.

Михайла Захаров дернул Астафьева за руку:

— Переменщики, на руль!

И вот Астафьев держит рычаг руля. «Хорошо и радостно править кораблем в бурю!» — думал он, следя за Захаровым.

Рулевые без помощи гребцов не могли бы поворачивать лишенный паруса коч, и Дежнев пользовался веслами, ставя коч поперек налетающих волн.

Каждым веслом гребли трое. Работали стоя, напрягая все свои силы. Коч бросало, и гребцам нужно было не только грести, но и держаться, чтобы не вылететь за борт.

Анкудиновский писарь Родька Григорьев, бледный и испуганный, свалился, ударив головой своего соседа, Косого. Косой греснул Родьку по шее. Родька опасливо скосил глаза на водяную гору, двигавшуюся за бортом.

— Не зевай! — послышался сердитый возглас второго соседа, Калинки Куропота, — и второй удар кулака едва не выбросил Родьку за борт.

Косой греб молча, озираясь и следя за Дежневым. Он был подавлен бурей и усердно выполнял приказанья кормщика. Лишь в ненавистном Дежневе он видел надежду на спасение.

Афанасий Андреев, измученный морской болезнью, валялся в среднем отсеке. Там буря казалась еще страшнее. Там все гудело; было слышно, как корпус коча стонал и трещал под тяжелыми ударами.

Но вот в отсек ввалился икавший Ефим Меркурьев и тут же упал у лестницы. В темноте он нащупал Афанасьева и, не зная, кто это был, прижался к нему лицом.

Ночь приближалась. Дежнев и старший рулевой Захаров тщетно всматривались во тьму.

— Как править, дядя Семен? Гребней не вижу! — воскликнул Захаров, отчаявшись.

В тот же миг огромная волна ударила в правый борт. Коч повалился на левый бок. Гребцы, оглушенные потоками воды, вцепились в весла. Все поняли: влево — смерть, вправо — жизнь. Волна ударила слева: жизнь! Коч тяжело перевалился, выправился. Весло Косого зарылось в воде и сломалось, как соломинка. Правый борт был проломлен, волны хлестали через пролом на палубу.

— Как править? — снова выкрикнул Захаров.

— На полдень! — прокричал Дежнев.

Кормщик не видел своей ватаги, борющейся с морем.

Во тьме коч взлетел на гребень.

«Сейчас умрем, или смерть лишь пугает?» — думал Бессон Астафьев.

Как кончилась эта ночь? Как люди выдержали до утра? Как случилось, что их не потопили ни ветер, ни волны? Навряд ли кто-либо из мореходов смог бы это объяснить. Однако утро настало, а исхлестанный коч без мачты и паруса так же несли к югу, как и вчера, бросаемый и настигаемый волнами, гулявшими взад-вперед по его палубе.

Обрывки черных туч мчались над расходившимся океаном.

Днем люди немного опомнились. Они поели, заделали проломленный борт. Кое-кто подремал. Усталыми глазами мореходы высматривали землю и пропавшего «Медведя». Ни земли, ни «Медведя».

Настала вторая ночь — и дежневцы потеряли оба карбаса, коч лишился руля. Теперь кочем управляли с помощью длинного весла — правила.

И на третий день коч трепали волны. Люди снова чинили проломленные борта.

Буря начала утихать. Ветер еще дул, волны еще метались по просторам океана, но это уже не был тот безудержный разгул стихии, что накануне. Теперь у мореходов появилась новая забота — вычерпывать воду. Буря расшатала коч, и течь появилась во всех отсеках.

Афанасий Андреев еле живой выбрался из полуза-топленного отсека на палубу. Потухшими глазами он глядел в одну точку, ко всему безразличный.

Истекал пятый день плавания. Дежнев тяжело поднялся из среднего отсека, где вода была выше колен, и решительно подошел к Андрееву.

— Афанасий, буду бросать твой товар за борт, — проговорил он.

Андреев глянул на него и безнадежно махнул рукой:

— Бог с ним, Семен, с товаром! За часть ли, что погибла с «Сободем», мне перед Гусельниковым ответ держать, за весь ли товар, — всё едино. Кандалов мне, старому дурню, не миновать. Не простит мне хозяин такого убытка.

— Товар бросим, чтоб жизнь сохранить. А живы будем, вместе ответим, Афанасий... Как-нибудь выкрутимся... — прибавил Дежнев, стараясь утешить Андреева.

Как он сам «выкрутится», кормщику было далеко не ясно. Попов ссудил его на подъем деньгами и товарами, но и то, и другое принадлежало не Попову, а его хозяину — купцу Усову.

«Как буду платить?» — спрашивал себя Дежнев и не находил ответа.

— Вода прибывает, дядя Семен, — вполголоса сообщил подошедший Михайла Захаров. Его похудевшее лицо было строго, губы сжаты.

— Что делать, дядя Семен? Не найти нам трещин за товаром, — возбужденно доложил Иван Зырянин.

Он был мокрый по самые плечи. Пот каплями стекал по его испачканному лицу.

— Бросай, Семен! Скорее бросай! — воскликнул Андреев, поднимаясь.

Дежнева поразила худоба его пальцев и их желтизна.

«Рука-то что у покойника», — подумал он и, обернувшись к ожидавшему приказаний Прокопьеву, взъерошенная голова которого высунулась из люка, крикнул:

— Валяй, Суханко! Бросай! Пару мешков сухой муки сбереги.

Мешки за мешками, тюки за тюками — и в воду полетело полтора ста пудов ржаной муки, ящики с топорами, кожи, медные котлы и пуговицы, несколько пудов восковых свечей, четыреста пятьдесят сажен неводных сетей, неводная пряжа...

Михайла Захаров подошел и к своему кованому

коробу. Он с грустью поглядел на короб, хранивший его имущество. Замок зазвенел, издавая мелодичный звук. Захаров поднял крышку. Короб был туго набит всяким добром. Хозяйственный соликамец хранил здесь соболиную казну — плоды таежного промысла. Сверху лежала новая соболя шуба, припасенная в подарок старухе матери. Под ней — его собственная новая соболя шуба с мешицей — капюшоном. Вот и поношенная пупчатая шубенка,¹ крытая вишневым сукном. А вот — плотный холщовый мешок, набитый зельем — порохом. Не меньше десяти фунтов зелья взял с собой Захаров, собираясь в поход. Вот и пистолет — «пищаленко доброе».

«Десять соболей за него отдано», — вспомнил Захаров, поглаживая гладкий ствол любимой вещицы.

Захаров неспешно перебирал свои сокровища, чувствуя, как тяжело ему будет расстаться с ними. На дне короба лежало самое дорогое, заветное: белая льняная рубаха и льняная же наволочка. Материнские руки сшили их ненаглядному сыночку и вышили золотцем. Захаров вынул рубаху и наволочку, заботливо свернул их и сунул за пазуху. Затем он достал мешок с порохом и пистолет, а все остальное торопливо запихал в короб.

— Ты что? — спросил Дежнев, увидев на плече у Захарова зеленый сундучок. — Никак и свой коробец хочешь выбросить?

Захаров остановился.

— Свое добришко сберегите, — громко обратился Дежнев ко всем мореходам, — но лишь столько, чтобы унести было можно.

Захаров облегченно вздохнул.

Наступил вечер шестого дня плавания. В поисках трещин мореходы обследовали каждый шов в опустевших отсеках. Ведра летали из рук в руки, вода рекой лилась за борт, но в отсеках не убывала.

«Птицы летят на ночевку, — думал Дежнев, поглядывая на чаек, быстро летевших на большой высоте к западу. — Там должна быть земля, — Дежнев глядел на вечернюю зарю, бросавшую красные пятна по морю. — Как далеко до нее? Догребем ли? Продержится ли коч?»

¹ Пупчатая шубенка — сделанная из «пупков» — брюшных частей соболиных шкур.

— А у нас в деревне, Евтюшка, земля черная-черная! — говорил Иван Зырянин, передавая ведро Материку.

Лицо бывшего разбойника выразило напряженнейшее внимание. Его глаза заморгали. Он торопливо передал ведро стоявшему за ним в цепи Ивашке Нестерову и, обернувшись к Зырянину, быстро заговорил:

— Земля! А у нас, Хромой Брод — наша деревня, а у нас какая земля! Ляжешь на нее — что тебе на полатях! Вольно! Тёпло!

— А наша земля, в Ростове-ти, ну что пирог-ти, так бы и съел! — перебил его Нестеров.

— А у нас-ти, в Ростове, чесноку-ти, луку-ти, да навозу-ти, да все коневий! — передразнил его Сидорка.

Смех вспыхнул, но мало веселья звучало в этом смехе.

— Сказывают, вы, ростовчане, сову в озере крестили, — продолжал Сидорка.

— Ну, ну! Пошто на человека напал? — замахал обеими руками Фомка.

— А что он, рыбий глаз, заладил: «земля, земля!» А не хочет ли он, лапшеед, рассолу?¹

Опешивший Нестеров схватился за ведро. Люди работали молча. Каждый думал свою думу...

— Земля! — отчаянно крикнул рулевой Калинко Куропот.

— Земля!

Ведра, громыхая, полетели под ноги. Толкая и сбивая друг друга с ног, люди бросились из отсека.

— Где?

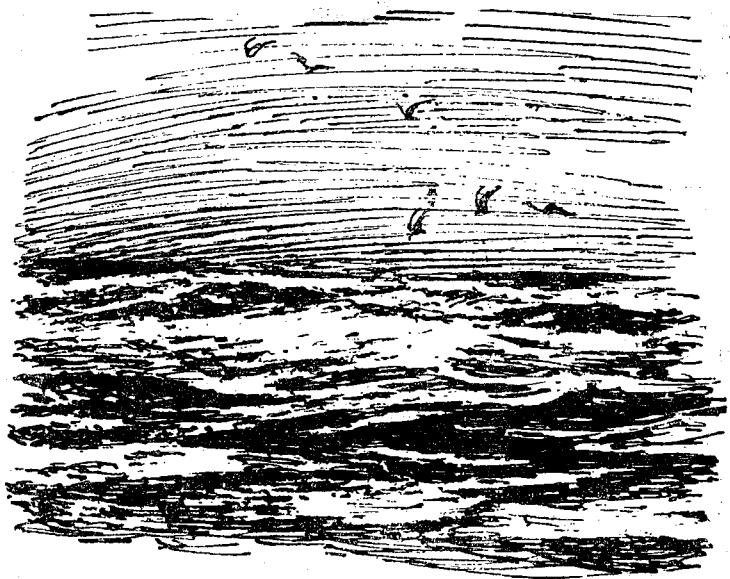
— Вон! Вон она, земля-то! Вон она, матушка!

Не на западе, как ожидал Дежнев, а на юго-западе в дымке тумана люди увидели выглянувшую из-за морского горизонта снеговую горную вершину, розовую в отблесках зари.

— Не в море, знать, нам погибнуть, — сказал Афанасий Андреев. Слезы лились по его щекам.

— Лапшеед! Дай я тебя поцелую, рыбий глаз! — кричал Сидорка, сжимая в объятиях отбивавшегося Не-

¹ Рассол — морская вода.

стерова, более напуганного бурными выражениями его дружеских чувств, чем ранее — насмешками.

Дежнев подошел к матке. Калинко Куропот, не дожидаясь его приказаний, направил коч к горе.

— Прими на закат! — сказал Дежнев. — Так. Нас может ночью снести. Приметь по матке, где кряж. Недолго будешь его видеть.

В самом деле, вскоре заря потускнела, и вершина горы исчезла во мгле.

Ночь настала черная, непроглядная. Одиноким фонарь скудно освещал матку. Дежнев сам правил веслом, заменявшим руль, и вел судно во тьму. При слабом свете фонаря он едва видел шумно дышавших гребцов.

У бортов, исчезая и появляясь, мелькали темные головы людей, отливавших воду.

К полуночи вызвездило. Волны становились меньше. Они лишь плескались у бортов и глухо хлюпали, ударяясь в нос коча.

7. Земля

Забрезжил рассвет. Сначала он нерешительно боролся с тьмой. Но вот под серым пятном, появившимся на востоке, проступила желтая полоса. Светлея, она поднималась все выше.

— В толк не возьму, — недоумевал рулевой Зырянин, — что это за темень у правого края зари? Глянь-ко, дядя Семен, здесь зарю словно ножом сверху вниз срезают.

— Левее — свет, правее — тьма... — Бессон Астафьев развел руками.

— Туча, должно быть, — предположил Дежнев.

— Опять непогода? Этого не хватало, господи помилуй! — прошептал Ефим Меркурьев.

Но яркая оранжевая полоса вспыхнула над горизонтом, и высоко над морем, где, казалось, надвигалась туча, сверкнул желтый свет, отраженный снегом. Левый край огромной черной глыбы, нависшей над морем, резко выделился на посветлевшем небе.

— Гора! Братцы, камень! Гора! — крикнул Зырянин.

Дикая крутая скала поднималась из океана в какой-нибудь сотне сажен, украшенная тремя снежными вершинами. То был Олюторский мыс, оконечность Олюторского полуострова, выдавшегося в море на восемьдесят верст. Буря занесла дежневцев на восемьсот с лишним верст дальше их цели — устья Анадыря.

Дежнев высматривал удобное место для высадки. А коварная волна незаметно подобралась к кочу. Раз! И она вплеснула в коч с десятков ведер.

— Эй! Не зевать! — крикнул Дежнев, принимая правило из рук Зырянина.

Измученные люди снова замахали веслами и ведрами. Но наполненное водою судно еле двигалось, а вода в нем прибывала, несмотря на откачку.

— Сбрасывай, ребята, кафтаны, сымай сапоги! — крикнул Дежнев, видя, что судно вот-вот потонет.

Коч был почти у самого берега, когда вода ворвалась в казенку.

— Тонем!

Дежнев и Астафьев сбежали с мостика. Гребцы бросились на носовую часть палубы. Люди торопливо сбрасывали одежду, как вдруг коч заколыхался.

Под днищем слышался скрип. Мореходы переглянулись.

— Мель, голубушка! — радостно воскликнул Фомка.

— А ну, проведаяю-ко я, что за глубина, — изрек Сидорка и спрыгнул в воду.

Вода доходила до шеи.

— Лишь тебе одному тут и идти, цапля, — недовольно сказал Сухан Прокопьев.

— Прыгай и ты, рыбий глаз, пузыри пускать! — любезно пригласил его Сидорка. — Фомка, подай мне одежонку, пищаль да рогатину. Счастливо оставаться!

Подняв одежду и оружие над головой, Сидорка подвигался вброд к берегу.

— Камней под ногами прорва, чтоб ими водяной подавился!

— Ломай настил, ломай борта! Связывай плот! — приказывал Дежнев.

Часу не прошло, как все двадцать шесть мореходов выбрались на берег, переправив на плоту оставшиеся сухими мешок муки, бочонок пороха, куль вяленой рыбы, несколько рыболовных сетей, припрятанных хозяйственным Захаровым, оружие, плотничий инструмент, меховую одежду — все имущество, оставшееся у мореходов.

На узкой бережине,¹ служившей подножием утесу, мореходы сушились у костра.

Дежнев рассматривал шершавые стены отвесного утеса, поднимавшегося за бережиной.

— Отлив дал нам пристать на эту бережину, — сказал Дежнев Захарову и Зырянину. — Скоро снова будет прилив. Надо выйти отсель на гору до полной воды. Проведайте-ко бережину один справа, другой слева. Ищите выход на гору.

Зырянин и Захаров ушли на поиск. Ефим Меркурьев замесил тесто и испек лепешки на всю братию, выказав изрядное искусство. Нестеров размочил и поджарил вяленую рыбу.

Зырянин и Захаров вернулись к горячим лепешкам. Захаров сообщил, что к востоку прохода нет. Там отвесные скалы выступали прямо в море. Зырянин был удачливее.

¹ Бережина — затопляемая приливом часть суши.

— В ста саженьях — трещина в камне. Русло ручья. Там можно подняться, — сказал он.

Прилив начинался. Скоро море должно было затопить берег, давший первый приют мореходам. Дежнев стал готовиться к выступлению.

Бочонок с порохом вскрыли и порох разделили на тринадцать частей. Он был роздан тринадцати дежневцам, считая и Материка с Ваховым. Все они были вооружены пищальми, саблями, ножами, топорами, а некоторые — и рогатинами.

Из анкудиновцев только Калинко Куропот и Родька Григорьев получили пищали, но без пуль и пороха. Остальные одиннадцать анкудиновцев должны были нести снесь, медные котлы, несколько оставшихся от плота досок, плотничий инструмент, лопаты, зимнюю одежду и весла, предназначенные на шесты для пологов.

Косой хмуро держался в стороне и молча взвалил на спину ношу.

Бросив последний взгляд на место, где под водой исчез «Рыбий зуб», Дежнев тронулся в путь. За ним гуськом двинулись остальные мореходы, соблюдая назначенный порядок.

Цепочка людей поднималась по крутой и узкой трещине; ниже мчался шумный поток; то и дело приходилось задевать плечами шершавые базальтовые стены. Мореходы вышли из трещины высоко на горе и остановились на площадке, покрытой снегом.

Дежнев вынул из сумки круглую костяную коробочку, осторожно снял с нее резную крышку. Стальная стрелка матки, волнуясь, дрожала в ней, насаженная на иголку. Дежнев оглядывал горизонт, новую неведомую землю.

На востоке серый океан туманной дымкой сливался с небом. Три главы горы, на которой стояли мореходы, заслоняли южный и западный горизонты. Снежные махлаи, нахлобученные на эти главы, спускали свои уши на спину горы, где стояли дерзкие пришельцы из далекой Московии.

К северу тянулась покрытая снегами горная цепь — Олюторские горы, — постепенно отодвигаясь от берега верст на десять — пятнадцать. Вдали виднелись вершины, временами прятавшиеся в облаках. Рез-

кий ветер уносил облака, и вершины снова тускло блестя.

Бессон Астафьев, закинув пищаль за спину, тихонько перебирал струны убереженных им гуслей и вполголоса напевал. В задумчивости он сделал несколько шагов, вдруг оступился и неловко упал. Перевязь лопнула, и гусли покатались со звоном по уступам скал, разлетаясь в щепы.

Все ахнули. Астафьев поднялся, бледный и грустный. Он долго глядел вниз:

— Последний раз сыграл.

Дежнев повернулся к северо-востоку. Высокий обрывистый берег тянулся в этом направлении. Местами он выступал в море крутыми каменными мысами, о которые разбивались волны. «Костливый», — говорили о таких берегах поморы. Берег был виден верст на пять, на шесть.

Афанасий Андреев присел на камень отдышаться.

— Куда идти? Вот о чем дума, — вдруг обернулся Дежнев к Афанасию Андрееву.

Тот молча глядел на него усталыми, глубоко сидящими в орбитах глазами.

— Зубатые чукчи нам сказывали: от того Большого

Каменного носу до Анадыря-реки — три дня ходу.¹
Какое нынче число, Михайла?

— Октября первый день, дядя Семен, — ответил Захаров.

— Неделю, стало быть, нас несло по морю. Последние два дня мы шли тихо. Сбросим их. Пусть пять дней нас несло.

— Да как несло!

— Быстрее обычного ходу, думаю, вдвое.

— Верст триста в сутки, не меньше, — прикинул Захаров.

— За столько дней, — продолжал Дежнев, — и с таким добрым ходом «Рыбий зуб» отнесло много дальше Анадыря-реки. А коли так...

— Путь наш — к северу! — сообразил Зырянин.

— Верно, сынок! — сказал Дежнев. — А коль знаем, куда идти, мешкать нечего.

Обернувшись к ватаге, Дежнев приказал:

— Зимнюю одёжку разобрать. Надеть, кому стужено.

Двинувшийся было Дежнев вдруг остановился.

— Михайла, — сказал он Захарову, — возьми-ко двоих людей да сложи-ко здесь для Федота гурий.² И стрелу выруби на камне, чтоб на полночь показывала. Дежнев, мол, туда пошел. Да и дальше в заметных местах ставь такие же знаки.

Ватага поднялась, взваливая ноши на спины. Позвякивая оружием, люди гуськом шагали за Дежневым.

Михайла Захаров, не забывший своей оплошности под Шелагским носом, шел в нескольких шагах за Косым и следил за каждым его движением. Ни с кем ни слова, Косой угрюмо озирает горы.

Убедившись, что берегом не пройти, Дежнев повел ватагу вёрхом. Обходя доли с крутыми спусками, чтобы избежать лишние подъемы, Дежнев незаметно отклонился к западу от берега верст на двадцать.

— Нет тебе, Фомка, тут никакого зверья, — сказал Сидорка, тщетно высматривавший на горных склонах что-либо живое.

¹ От мыса Дежнева до Анадырского устья — около 720 километров.

² Гурий — приметный знак в виде кучи камней.

— Мертво, — согласился Фомка, насупившись.

— Коли дальше так будет, придется кушаки затянуть потуже. Э, Фомка! Глянь-ко, что там чернеет! И пар будто идет...

— Не медвежья ли берлога?

— Глянем!

Оба друга исчезли за сугробом. Скоро ватага услышала их возбужденные голоса. Голова Сидорки показалась из-за снежного заструга. Сидорка звал посмотреть на какое-то чудо.

«Чудом» оказалась круглая яма шириною до двух саженей, наполненная ключевой водой, имевшей серный запах. К великому удивлению всей ватаги, вода, несмотря на мороз, оказалась горячей. Это был Олюторский горячий ключ — самый северный в цепи горячих ключей, тянущейся от южной Камчатки до Олюторского полуострова.

— А верно, что чудо! — сказал Дежнев, погрузив руку в источник. — Горячая!

Сидорка показывал свое «чудо», как ярмарочный балаганщик.

— Эй вы, русские мужички, мезенские сажееды, архангельские шанежники, курские кошкодавы, и ты, ростовский лапшеед! — тараторил Сидорка. — Глядите на чудо! Разевайте рты шире варежки! Кругом-те — снег! Окрест-те — мороз! А тут-те — баня! Без стен, без дверей, без дров, без котлов — банька! Выходи, черные рожи! Раздевайтесь, грязные спины! Мыться!

— Сам мойся, журавель!

— Должно, черт тебя поставил тут своим банщиком!

— Трусите, вологодские толоконники! Бойтесь, устюжские рожечники! Рыбий глаз буду, коль сам я не испробую эту баньку!

— Водяной тебя за ногу утащит!

— Сваришься, долговязый, в чертовой бане!

Сидорка мигом разделся и бултыхнулся в воду ногами вперед. Глубина оказалась ему по грудь.

— Уф! Хорошо! Фрр! Знато! Давно так не мылся! А вы, немытые, чешите спины! — приговаривал балагур, растирая тело и прячась от холодного ветра в воду по самую шею.

— А ну-ко и я! — Фомка стал раздеваться.

Видя, что с Фомкой и Сидоркой дурного не приклю-

чилось, многие землепроходцы также полезли в горячую воду. Они выскакивали из ключа красные и, пробежав босиком по снегу до раскинутого вблизи полога, быстро вытирались и одевались.

— Тут и бельишко постирать сподручно, — сообразил давно почесывавшийся Ефим Меркурьев.

Смеркалось. Дежневу не хотелось в первый день мучить ватагу длинным переходом. Он велел раскинуть все четыре полога и готовить ужин. Добрая половина принесенных досок ушла в костер.

Перед сном Сухан Прокопьев назначил ночную стражу. Михайла Захаров и Зырянин вызвались пойти в первую смену.

«Что будем жечь, когда спалим последнюю доску? — думал Дежнев, ложась спать. — Чем буду кормить людей, когда выйдет мука, когда выйдет рыба? А муки у нас — на день, много — на два. А рыбы, должно быть, — дня на три...»

Лагерь измученных землепроходцев спал, похрапывая и посвистывая на разные лады. Вечерняя заря погасла, и морозная ночь зажгла над лагерем бесчисленные свечи. Ветер, свистя, проносился по горным вершинам и нес искристые поземки. Снег поскрипывал под ногами стражи, шагавшей между пологами дежневцев и анкудиновцев.

Выстрел грохнул во тьме, разбудив лагерь. Дежневцы выскочили из-под пологов с саблями и бердышами.

Захаров с Зыряниным наклонились над телом, распостертым возле полога Дежнева.

— Кто?

— Косой.

— Что было? — спросил Дежнев.

— Еще днем приметил я, дядя Семен, что Косой опять что-то замыслил, — рассказывал Захаров. — На страже я велел Ивашке одному ходить вокруг пологов, а сам сел за сугроб и ждал. Вижу, выполз кто-то из-под полога анкудиновцев. Выждал он, пока Ивашка повернулся спиной, и пополз к твоему пологу. Смотрю, в руке — нож. Видно, он его украл при высадке. Я выстрелил...

— Мертв.

— Волку — волчья смерть!

Дежневцы не скрывали удовлетворения. Словно гора свалилась с их плеч со смертью Косого. Дежнев знал,

что теперь остальные анкудиновцы не опасны, но обратился к ним притворно грозно:

— Ну, воровское племя, говори, кто с Косым супротив меня зло умыслил?!

Анкудиновцы повалились в ноги:

— Помилуй, приказный! Никто из нас с места не сдвинулся, хоть Косой и грозил смертью!

— Смилуйся! Служить будем верой и правдой!

Дежнев отвернулся.

— Оттащить мертвеца в сторону от пологов, — приказал он Прокопьеву. — Стражу сменить. Молодец, Михайла! Когда будет чем наградить, награжу тебя!

— Нешто я для награды, дядя Семен, — сказал покрасневший Захаров.

— Ладно... Отдыхать!

Утром спалили половину оставшихся досок, чтобы растопить снег, испечь лепешки и поджарить рыбу.

— Надо добыть дичину, — сказал Дежнев Афанасию Андрееву.

— Думаешь, найдут? — с сомнением покачал головой Андреев.

— Вышлю охотников, чтобы шли стороной. Ребята! Есть ли охотники промыслить дичину на хребте, скажем, или где сами разумеете? Четверых pošлю: Фомку с Сидоркой да Ивашку с Михайлой. Возьмите матки, еды на день и шагайте.

— Где искать тебя, дядя Семен? — спросил Захаров.

— Видишь высокую гору? К ней мы пойдем. У той горы нас и сыщете.

Охотники договорились меж собой и ушли на лыжах. Фомка с Сидоркой решили пройти гребнем хребта и порыскать по западному склону. Захарову с Зыряниным достались восточные склоны. Пройдя версты две вместе, охотники разделились. Захаров с Зыряниным повернули на север, а Фомка с Сидоркой продолжали идти на запад.

Чем ближе охотники подходили к подножию Олюторского хребта, тем более вытягивались их лица.

— Высота тут, пожалуй, с версту, коли не больше? Ась? — спросил Фомка.

— Высоко, — неопределенно ответил Сидорка, не

любивший, когда кто-либо до него делал веское замечание. — Как лезть-то на этот камень, громом его разрази!

Хребет поражал недоступностью. Нижняя часть склона была почти отвесной. Глинистые сланцы,¹ из которых состояла гора, отличались яркостью красок. Желтые, бурые и красные слои сланцев были когда-то подняты и изломаны чудовищной мощью вулканических сил. То они ниспадали отвесно, то круто наклонялись. Местами они были в складках, подобных волнам. В трещинах белели прожилки снега.

Друзья долго шли вдоль хребта, пока не наткнулись на отрог, гребень которого помог им наконец забраться на верхний край недоступного обрыва.

Выше обрыва склон казался более пологим; однако он весь был изрезан чашеобразными углублениями — «карами» и «цирками». Глубина каров была две-три сажени, а ширина такова, что в каждом из них мог разместиться крестьянский двор. Лишь тонкие отвесные стены разделяли смежные кары.

— Вот так гора! — удивился Сидорка. — Что пчелиные соты!

— Чудно́ место, мил человек, чудно́!..

— Кто ж тут поработал, громом его разрази?

— Тише, Сидорка! Не тако место, чтобы худыми словами бросаться, — сурово оборвал Фомка.

Каждому, кто смотрит на каровую лестницу, кажется, что перед глазами развалины города. Между тем кары и цирки — это результат разрыхления грунта, когда-то лежавшего под небольшими ледниками.

На снегу, наметенном в кары, и буро-красных их стенах охотники не заметили следов жизни. Окажись Фомка с Сидоркой на Луне, едва ли они смогли бы найти более безжизненную картину.

— Ни следочка...

— Мертво, — согласился Фомка. — Однако посмотрим-ко, что там выше.

Сказать это было легче, чем выполнить. Пройти через кары — нечего было и думать, — так отвесны и высоки их стены. Закинув лыжи и пищаля за спины, охотники полезли вверх по гребням узких стен, разделяв-

¹ Сланцы — различные горные породы слоистого строения.

ших кары. Они ползли на четвереньках, цеплялись за выступы скал, скользили, падали. Наконец поднялись на хребет. Морозный ветер свистел в ушах. Гора дымилась поземками.

— Мертво!

— Что ж, посмотрим в долах по ту сторону.

Осторожно спускаясь крутым склоном, охотники обходили многочисленные «бараньи лбы» — закругленные скалы, обтертые когда-то сползавшим ледником. Преодолев ползком крутую часть спуска, друзья вышли к пологому склону.

Вдруг шедший впереди Сидорка издал пронзительный вопль и скрылся. Изумленный и испуганный Фомка остановился, тараща глаза. Перед ним был гладкий заснеженный склон — ни ям, ни трещин.

— Сидорка! Где ты?

— А! — раздался сдавленный голос Сидорки откуда-то снизу. — В яме! Стой! Провалишься — оба пропадем!

Сидорка провалился в кар, занесенный до краев рыхлым снегом. Снег сомкнулся над его головой.

Шевеля губами и не двигаясь, Фомка соображал, что делать. Задышавшийся в снегу Сидорка жалобно взывал о помощи. Фомка положил пицаль на снег, вынул из котомки длинную веревку и привязал к ней топор. Затем он осторожно продвинулся к самому краю кара.

— Сидорка, мил человек, я брошу веревку. Раскинь руки, хватай ее!

Фомка швырнул топор дальше в снег. Топор провалился, таща веревку. Затем Фомка стал выбирать веревку, подтаскивая топор к Сидорке. Сидорке удалось поймать веревку, и скоро он, бледный, стоял рядом с Фомкой.

— Рыбий глаз! — ударил он себя по лбу. — Как я провалился! Здесь волчья яма!

— Тут, браток, этих волчьих ям — без счета. Пути нам тут нету.

— А дичина?

— Солнышко низко. Время к своим подаваться.

— «Время подаваться», — передразнил Сидорка. — А по мне, так давно время поест. Слышь, в животе бурчит?

Сидорка развязал тощую котомку, и друзья разде-

лили пресную лепешку и рыбу. И снова они полезли на перевал.

Фомка пыхтел, пот струился по его спине. Сидорка шагал за ним на своих ходулях. Спотыкаясь, он то и дело поминал «рыбий глаз».

Фомка остановился, высморкался и проворчал, разводя руками:

— А я слушаю, слушаю: кто свищет? Ан, это у меня в носу...

Сидорка прыснул со смеху:

— Уморил, Фомка, рыбий глаз!

— Ну-ну, загоготал! — проворчал Фомка и, отдуваясь, двинулся дальше.

Перевал остался далеко и ночь скрыла окрестные горы, когда Фомка с Сидоркой увидели вдали костер Дежнева. Совсем без сил дотащились они до лагеря.

Захаров с Зыряниным уже спали под пологом. Они тоже вернулись ни с чем.

«Что ж теперь делать?» — думал Дежнев.

3. У коряков

Пробедствовав полторы недели вдали от моря, Дежнев решил снова выйти на морское побережье.

Отряд представлял собою жалкое зрелище. Щеки людей ввалились, у глаз — темные круги. Афанасий Андреев, Ивашко Вахов и Родька Григорьев поморозили ноги и едва ковыляли в развалившихся торбасах, опираясь на рогатины. Цинга одолевала людей.

Некоторые анкудиновцы, сытыми проявлявшие дерзость и отвагу, теперь пали духом и постоянно отставали. При выступлениях с привалов дежневцам приходилось поднимать их силой. Степан Сидоров и Сухан Прокопьев всегда шли сзади отряда, никому не позволяя отставать.

Море уже близко. Слышался рокот взбегающих на берег волн и шуршание гальки.

Люди ускорили шаги. Кое-как спустившись с кручи, они в изнеможении валились на гальку. Пока тела предавались отдыху, алчные глаза бегло оглядывали бережину, высматривая что-нибудь съедобное.

Несколько тюленей соскользнуло с камней в воду. Они быстро отплыли в море, без байдары их не добыть.

— Ах ты, рыбий глаз! — вскричал вдруг Сидорка и, мгновенно вскочив, прыжком настиг темно-зеленого краба, пытавшегося скрыться меж камнями. — На, Фомка, жарь, — прибавил он, передавая добычу ослабевшему другу.

Увидев удачу Сидорки, многие заставили себя поднаться и разбрелись по берегу, собирая ракушки и ловя крабов. Запылал костер. К нему потянулись те, кто едва мог двигаться.

С крабами в руках Дежнев подошел к Афанасию Андрееву, лежавшему у костра:

— На-ко, Афанасий, поджарь да подкрепись...

С видимым усилием Андреев открыл провалившиеся глаза и чуть приподнялся.

— Смерть, видно, подходит, Семен, — проговорил он тихо.

— А ты крепись, надейся, Афанасий! — строго сказал Дежнев и, умертвив крабов кинжалом, положил их возле Андреева.

Ночь приближалась, хмурая, сырая. Океан, ворча, возился во тьме. Береговой утес защищал землепроходцев от ветра, но дымные костры плохо их согревали.

Крупные хлопья снега шипели в огне и заносили сидевших у костров людей.

— Вишь, Фомка, певец-то наш Бессонка поел ракушек и повеселел! — подмигнул Сидорка.

— Верно, Сидорка, — мрачно отозвался Астафьев, кутаясь в кухлянку. — Мне так весело, как вяленой треске на веревке.

— Ты шутишь, Бессон, — сказал Дежнев, — то добрый знак.

— А вяленая тресочка нынче была бы в самый раз! — вздохнул Сухан Прокопьев, потирая живот. — От этих поганных слизняков настоящей сытости нету, только обман.

— Тресочку надо уметь сготовить, брат! Тебе и не снилось, как она вкусна, коль ее сготовят беломорские рыбаки! — внушительно сказал Степан Сидоров.

— Что ваши рыбаки, сажееды! — вскричал, вскакивая, Родька Григорьев. — Вот теща мово брательника, дьячиха из Спасска-Рязанского, так та, братцы мои,

меня такой рыбкой потчевала, что я ее, рыбку-то эту, всю с костями слопал! Не в воде, в масле теща ее вари-вала!

— Рыбий глаз! Еще одно слово про жратву — и я заткну тебе глотку крабьими кишками! — вспылил Сидорка. — От ваших рассказней в животе такая резь, словно бы проглотил пряжку от пояса!

Родька обиженно отвернулся и, кутаясь в лохмотья, подошел к огню. Все замолчали и, кряхтя, забирались под пологи. Над притихшим лагерьем — свист ветра да шум океана...

...Наступил семнадцатый день с высадки на Олюторском мысе. Этим серым ветреным утром Афанасий Андреев и Ивашко Вахов не смогли подняться на ноги. Дежнев приказал изготовить для них носилки из шестов от пологов.

Больных укладывали на носилки, когда раздались радостные крики:

— Байдара! Люди!

— Чукчи!

Дежнев, вздрогнув, оглянулся. Саженьях в пятидесяти от берега из-за утеса легко выбежала большая кожаная байдара. Шестеро одетых в меха гребцов бесшумно и ловко гребли однолопастными веслами без уключин. На носу стоял охотник с гарпуном. Старый кормщик стоя правил веслом.

— Эй! Эй! Сюда! — закричали землепроходцы, махая шапками и руками. Сидящие у костров порывисто вскочили и побежали к берегу.

Гребцы в байдаре разом прекратили греблю. Все восемь незнакомцев изумленно рассматривали русских.

— Эо! — воскликнул рулевой.

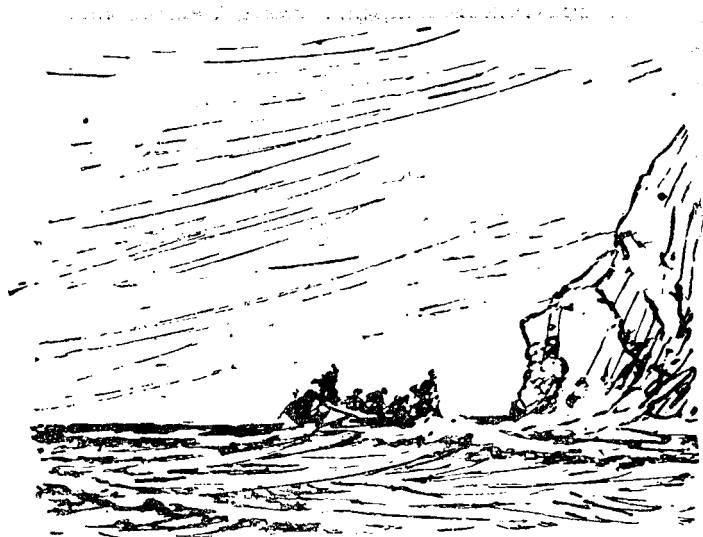
— Плывите сюда! — крикнул Дежнев. — Не вороги мы, не бойтесь! Суханко, крикни им по-чукотски, что, мол, друзья мы!

После коротких переговоров кормщик сказал:

— Ток, пошли!

Байдара зашуршала, приставая к берегу. Люди выскочили из байдары, подняли ее на руки и вынесли на сушу.

Все восемь мужчин были среднего роста, если не сказать небольшого, но зато хорошо сложенные, крепкие люди. Выражение их широких темно-желтых лиц

отличалось добродушием, а узкие глаза глядели живо и смело. Блестящие черные волосы у одних спускались до плеч прямыми прядями, у других, более длинные, они были заплетены в косы. Затылки у всех были выбриты.

— Здравствуй! — дружелюбно сказал Дежнев, протягивая руку кормщику, старику с лицом обветренным и морщинистым. Дежнев знал, кормщик байдарной артели — старший.

— Амто, здравствуй! — ответил тот.

Его язык был непонятен, и русские попытались говорить по-чукотски. К удовольствию обеих сторон, они стали понимать друг друга.

— Как зовут твой народ?

— Коряки. Олутортзес.¹

— Где ты живешь?

— Ильпи, близко.

— Нет ли у вас еды? Мы голодны.

Коряки разом бросились к байдаре и вытащили из нее трех тюленей. Как ни торопились коряки накормить чужеземцев, они не забыли положенных обрядов, необ-

¹ Олутортзес — название одного из корякских племен.

ходимых для умилоствления духов убитых животных. Тюленей положили в ряд на гальку. Старый кормщик Эвенкав помахал рукой над мордой каждого из них, приговаривая:

— Дыши, дыши, о хозяин! Мы не сделаем тебе зла!

Молодой коряк с толстыми черными косами, как у девушки, принес пригоршню морской воды и опрыскал ею носы тюленей.

— Пей, пей, о хозяин! Будь нашим гостем!

Затем старик воткнул в пасти тюленей по кусочку рыбы, пробормотав над каждым:

— Ешь, ешь, о гость наш! Я все готов для тебя сделать!

Затем «гостей», то есть убитых тюленей, пригласили раздеться и быстро сняли с них шкуры.

Коряки срезали с туш большие куски сала и, улыбаясь, предложили их русским. С удивлением они рассматривали медные котлы, подвешенные землепроходцами над кострами на деревянных треногах.

— Идите к нам!

— Мы не знаем пути.

— Я покажу дорогу, — вызвался охотник с копьем, по имени Эгги.

— Они не могут идти, — сказал Дежнев, показывая на Андреева, Вахова и Родьку Григорьева.

— Мы возьмем их в байдару, — отвечал кормщик.

Коряки заторопились, снова подняли байдару и спустили ее на воду. Затем они на руках перенесли в нее Андреева, Вахова и Григорьева. Двое коряков, Эгги и Наталхут, юноша с косами, остались с русскими.

Утолив голод, землепроходцы поднялись. Коряки вывели их с прибрежной полосы в глубь гористой местности, обогнув глубокую бухту.

На половине пути дежневцы встретили несколько нарт, запряженных собаками. Коряки выехали навстречу отряду. Слабых и больных увезли на нартах.

Наконец последняя группа пешеходов достигла замерзшей речки Ильпи, на берегу которой расположилось корякское селение.

Жилище оседлого коряка-зверолова, к которому подошла ватага Дежнева, имело вид земляного холма, полузасыпанного снегом. Остов жилища состоял из изогнутых жердей, нижние концы которых были врыты в

землю, а верхние — привязаны к деревянному кольцу, установленному посреди крыши. Снаружи остов юрты был обложен землей и дерном.

— Ни окон, ни дверей, — почесал затылок Сидорка.

Лаз оказался сверху. Он заменял и дверь, и трубу для выхода дыма. Вокруг лаза на крыше установлен высокий, в рост человека, воронкообразный плетень, мешавший ветру загонять дым в жилище. Плетень со всех сторон поддерживали длинные жерди, врытые в землю.

Пока дежневцы разглядывали удивительное жилище, на плетне — отражателе ветра — показалось несколько женщин и детей. Они быстро сбежали вниз по наклонному бревну с зарубками и окружили русских, бесцеремонно их разглядывая.

— Где наши люди, те, кого увезли в байдаре? — спросил Дежнев проводника Эгги.

— Здесь. Они гости Эвенкава.

Сам Эвенкав, кормщик байдары, уже вышел на встречу гостям.

— Идем ко мне, — сказал он, беря Дежнева за руку.

— Обожди. Реку Погычу знаешь?

— Пахача? Знаю.

— Куда к ней идти?

Эвенкав без колебания показал на юго-запад. Дежнев переглянулся с Михайлой Захаровым. Еще бы! Значит, вот уж две недели, как они уходят от Погычи!

— Анадырь-реку знаешь? — в тревоге продолжал спрашивать Дежнев.

— Знаю Анадырь, знаю.

— А к ней куда идти?

Эвенкав повернулся к северу и вытянул руку. Лицо Дежнева просияло.

— А мы-то с тобой, Михайла, думали, мол, Анадырь и Погыча — одна и та же река! — сказал Дежнев Захарову. — Выходит, нет! Разные реки!

— Идем мы, дядя Семен, правильно, — радостно оозвался Захаров.

Один за другим, под музыку собачьего лая, дежневцы забрались по бревну с зарубками на крышу, а с нее, обхватив другое такое же бревно, сползли в юрту. Радужные хозяева принимали внизу гостей на руки.

Юрта Эвенкава была хуже освещена, чем жилища эскимосов. Дневной свет едва проникал в нее. Света от

очага, где горела морская трава, да одного жирового светильника было явно недостаточно.

Андреева, Вахова и Григорьева Дежнев нашел сытыми и обогретыми. Они лежали вокруг очага на шкурах и посторонились, чтобы дать место у огня прибывшим товарищам.

Татуированные женщины, суетясь, принялись наско-ро выскабливать деревянное корыто, чтобы подать в нем мясо. Они опрокинули в корыто большой глиняный горшок, и пар от сваренного мяса наполнил юрту.

Старый Эвенкав вытащил из корыта большой кусок тюленьего мяса и некоторое время перебрасывал его с руки на руку, чтобы остудить. Затем он стал откусывать от мяса куски и угощать гостей из своего рта. Это был обряд наивысшей учтивости.

Брезгливый Михайла Захаров, взяв предложенный ему кусок, сделал вид, что подносит его ко рту, а сам незаметно выбросил мясо в угол. Зырянин последовал его примеру, но неосторожно. Хозяин заметил его проделку и недовольно насупился.

Дежнев кое-как уладил недоразумение, сказав, что, по обычаю русских, так должны потчевать гостей лишь молодые девушки. Хозяин улыбнулся, позвал свою дочь Чачуч, миловидную девушку, и угощение продолжалось.

Над головой вокруг лаза собрались собаки, с вождением приносивавшиеся к запаху пищи. Они жалобно скулили и подвывали.

Временами наверху слышался окрик, возня, собаки отпрыгивали от лаза, и сверху по бревну соскальзывала черная фигура: новый гость жаловал к хозяину.

— Ты хвастал, Сидорка, что мастак объезжать собачьи упряжки, — сказал повеселевший Бессон Астафьев.

— Ну? — насторожился Сидорка.

— Куда тебе до коряков! Вот этот Онта вез меня без остола и вожжей. Лишь крикнет: «Чёх! Чёх!» — собаки миглом сворачивают вправо. Крикнет: «Хак! Хак!» — собаки мчатся прямо. А коли он захочет повернуть влево...

Сидорке не суждено было услышать, что надо крикнуть собакам для такого поворота. Что-то тяжелое и мягкое обрушилось на его голову. Сидорка опрокинулся, попав головой в корыто с мясом. Туда же свалилась и белая собака, сорвавшаяся с края лаза.

Хохот гостей, визг испуганной и ошпаренной собаки и проклятия Сидорки наполнили юрту. Онта схватил собаку за загривок, поднял по бревну до края лаза и выбросил ее на крышу. Гости заметили, что провинившееся животное не получило ни одного удара. Коряки любят животных и бьют их очень редко. Онта со смехом спустился, вытащил из корыта кусок мяса и, обобрав собачью шерсть, отправил его в рот, аппетитно чавкая.

Отдохнув несколько дней в Ильпи, Дежнев двинулся дальше на реку Укэлайт. Метели на целую неделю задержали путешественников в корякском селении, расположенном на берегу глубоко врезанной в материк бухты.¹

Прибрежные коряки-зверобои направили Дежнева к родственным им корякам-оленеводам, кочевавшим с огромными стадами оленей по необозримым пространствам от Камчатки до Анадыря.

Коряки-кочевники, не менее гостеприимные, чем их оседлые родичи-звероловы, помогли Дежневу добраться до перевала через Корякский хребет, с которого он увидел покрытую снегами Анадырскую низменность.

Девятого декабря 1648 года, через десять недель после гибели «Рыбьего зуба» у Олюторского мыса, Дежнев достиг устья Анадыря. Отряд прошел более двух тысяч километров по горам и заснеженной тундре.

В лохмотьях, изнуренные цингой, обмороженные, натерпевшиеся в пути от голода и холода, двадцать пять человек стояли темной кучкой на одном из холмов правого берега и молча обзоредали реку, два с половиной года бывшую их мечтой, их знаменем, их надеждой.

Река оказалась широкой: до другого берега — верст пять, а то, пожалуй, и все шесть. Скованная льдом, она была завалена снегом. Горный хребет² ненадолго показался в туманной дымке и скрылся за завесой из снежной пыли, поднятой ветром.

На холмах, тянувшихся вдоль правого берега Анадыря, смущенные землепроходцы не заметили ни одного деревца. Лишь редкий жалкий тальник щетинился у реки.

¹ Теперь эта бухта носит имя Дежнева.

² Хребет Золотой.

9. Анадырская трагедия

Дыхание Ледовитого океана пронеслось над Чукотским полуостровом и достигло Анадыря. Река скрылась с глаз землепроходцев в туче взвихренного ветром снега. Острые ледяные иглы хлестали по лицам, заставляя людей жмуриться. Ледяной северо-восточный ветер проникал сквозь дырявые меховые одежды и пробирал до костей. Тесно сомкнувшись, люди нехотя отступили. Они спустились за холм, сбросили свои ноши и принялись разгребать снег, чтобы установить пологи.

«Мочи нет... Лечь бы на снег...» — думал Ефим Меркурьев, едва двигаясь. Но минуты, когда, казалось, он делал последние усилия, шли да шли, а он все работал, глядя на Зырянина, Захарова, Сидорку.

Глубокий снег раскидан, под ним зачернела земля. Зырянин с Захаровым вбивают колья, натягивают пологи. Из снежной мути выступили Нестеров и Прокопьев, срубившие где-то несколько жердей тальника.

Затрещал костер. Снег зашипел в котлах, превращаясь в воду. Люди стали согреваться. Жизнь снова взяла верх над смертью.

На другой день Дежнев перевел ватагу через реку на ее левый, северный берег. Здесь горы близко подступили к Анадырю. Поднявшись на береговую террасу, возвышавшуюся над рекой на несколько сажен, Дежнев остановился под высоким обрывом.

— Тут выроем землянку, — сказал он. — Гора заслонит нас от ветра.

— А чем крыть ее? — спросил Астафьев.

— Поищем под снегом плавник. Реки выносят сверху много леса.

Астафьев с сомнением покачал головой, поглядев на прибрежные сугробы.

— А что будем есть?

— Станем рыбачить. Вырубим проруби, наладим подледную сеть.

— А черная смерть?¹

— Под снегом есть морошка. Наши поморы издревле лечились ею от цинги.

¹ Черная смерть — цинга.

Старик Андреев слушал молча, опершись на рогатину и понуриив голову...

Фомка с Сидоркой пошли высматривать зверя. Нескольким человек пешнями и топорами вырубали на реке проруби. Остальные копали землянку.

Фомка с Сидоркой вернулись ни с чем. Они нашли лишь волчьи следы. Утром подледную сеть вытянули пустую. Молча поели оленину, полученную от коряков.

Астафьев упорно смотрел в одну точку, напряженно думая. Вдруг он поднял голову и решительно обернулся к Дежневу.

— Есть у нас две оленьи туши, — начал он, — мы съедем их за три дня, пусть — за пять. А дальше?

— Рыбы наловить не можем, — подхватил один из анкудиновцев.

— Коли останемся здесь, сдохнем не с голоду, так от цинги. Нет, приказный, надо идти вверх, искать людей.

— Бог мне судья, коль я неправ, — заговорил молчавший до того Афанасий Андреев, — только и я, Семен, решил искать людей. Жаль мне Бессона. Пропадет он здесь. Цинга его сгубит.

— Все равно — смерть, дядя Семен! — возбужденно доказывал Бессон Астафьев. — Здесь — верная. В пути — может быть...

Дежнев долго молчал, обдумывал.

— Я — приказный и могу задержать вас, — начал он тихо. — Но я не сделаю этого. Потому не сделаю, что сам не ведаю, сможем ли мы здесь прокормиться. Моего совета вам уходить нет. Запрета — тоже. Я остаюсь.

Желавших идти набралось девять человек. Семеро из них — анкудиновцы.

— Добра не будет для тебя, Афанасий, с такой ватагой, — сказал Дежнев Андрееву. — Ладно. Уважу я тебя. Дам тебе троих из моих людей. Самых лучших. На них полагайся.

Дежнев закрыл глаза, размышляя.

— Фома! Сидорка! Ивашко! Хотите ли проводить ватагу Афанасия?

— Как прикажешь.

— Добро. Идите. Эту службу я вам зачту за две. Без вас они пропадут зaráз. Тут надобны и волчий зуб,

и лисий хвост. Вы и зверя промыслите, и следы кочевий сыщете. А найдете людей, — следить, чтобы им от анкудиновцев не было никакого насильяства. И в том вы мне ответите.

Взяв половину оленины и лучшие лыжи, двенадцать человек двинулись вверх по Анадырю. Со смятенными чувствами покинули они стоянку. Астафьев и Андреев простились с Дежневым со слезами.

На второй день пути река круто повернула к югу, затем уклонилась к юго-западу. Горы северного берега отодвинулись и сменились однообразной, слегка волнистой низменностью. К южному берегу приблизился хребет,¹ который виднелся и от лагеря Дежнева; теперь его отделяла только река.

Наступал вечер; путники готовились к ночлегу, подыскав удобное место среди редкого тальника. Вдруг надрывный протяжный вой пронесся над замерзшей тундрой. Все переглянулись:

— Волки...

С этой ночи стаи волков, по десяти, двадцати и более зверей, постоянно тревожили путников. Сначала их только отпугивали кострами и выстрелами. Но когда не стало оленины, первый же убитый волк был отбит у набросившейся на него стаи, освежеван и съеден. Пока было мясо, делали по двадцати пяти — тридцати верст за день. Но запасы пришли к концу, силы пали, и люди стали проходить в день лишь десять — пятнадцать верст.

На исходе девятого дня обессиленная ватага добралась до места, прозванного позже Утесчиками. Здесь строг горного хребта Полпола вплотную подошел к правому берегу реки и тянется вдоль него верст на пятнадцать. Круто обрываясь к реке, он образует высокие глинисто-сланцевые мысы.

Заночевать под Утесчиками не удалось: не было топлива. Пришлось перейти на левый, низменный берег, чтобы расположиться там среди тальника.

Остатки волчьего мяса съели еще накануне. На ужин и на завтрак был лишь кипяток.

Серым морозным и ветреным утром мрачное шествие возобновилось.

¹ Хребет Рарыткин.

— Ох, мочи нет! — вздохнул, останавливаясь, Афанасий Андреев.

Он грузно опустился на снег и откинулся на спину, с закрытыми глазами, хрипло дыша. Последние два перехода старик едва тащился в хвосте отряда. За ним шел лишь Иван Зырянин, которого Фомка, возглавлявший теперь ватагу, поставил замыкающим.

Бессон Астафьев, шедший в нескольких шагах впереди Андреева, оглянулся. Увидев, что старик лежит, он вернулся и сел подле него.

— Кажись, доехали, — сказал он, глядя на Андреева.

Фомка вернул ватагу, и она столпилась вокруг оставших.

— Только вышли и снова стали, — недовольно проговорил один из анкудиновцев.

— Эдак мы и вовсе не доберемся, — угрюмо добавил другой.

— Рыбий глаз! А куда ты думаешь добратся без еды? — набросился на него Сидорка. — Головой ли вы думали, уходя от приказного?

— Ведь лучше хотели сделать...

— Да уж куда как лучше сделали! Не чаем none, где и час часовать.

— Эх, неладно получилось!..

Средь людей, почувавших обреченность, воцарилось молчание.

Андреев открыл глаза, обвел отряд мутным взором и тихо заговорил:

— Ребятушки, грех на мне. Мне, старому, лучше надо было умом раскинуть и не уходить от Дежнева.

Слезы побежали по щекам Бессона Астафьева. Он бросился к ногам старика.

— Нет! — с отчаянием вскричал он. — Это я... Это из-за меня ты, дяденька Афанасий, на погибель пошел!

Андреев положил руку ему на голову:

— Не тужи, Бессон. Долго я прожил и много людских ошибок видывал. И до нас люди ошибались и после нас будут то же делать. Коль я умру, беда невелика: пожил я довольно. Твоей молодой жизни жалко. И этих людей, коих наше неразумие от товарищей увело, их жалко.

Слушая разговор, Фомка молчал, опершись на

рогатину, и только сопел. Потом он откашлялся и решительно начал речь:

— Добро, милые люди. Вы понимаете, что ошиблись. А коль человек понял ошибку, да, упорства ради, все ложным путем идет, не подобен ли он ведмедю, что на рогатину прет и сам себя на нее насаживает? Так ведь то зверь неразумный! Человек же должен так: понял ошибку — исправь ее!

— Как же исправить, дядя Фома? — поднял голову Астафьев. — Скажи!

— Вернуться.

— Вернитесь, — сказал Андреев. — Меня же бросьте. Не дойти мне...

— Не будет того, чтобы мы кого-либо бросили! Не сможешь идти, понесем тебя.

Так на десятый день пути ватага Андреева повернула обратно. Не прошли и сотни шагов, как Сидорка наткнулся на волчий след. Видно, зверь шел по пятам ватаги. Теперь он отступил.

— Фомка, попридержи ватагу, покуда я обойду серого, — сказал Сидорка. — Я овражком пойду. Там ветер на меня будет.

Сидорка скрылся. Скоро прогремел его выстрел. Ватажники радовались волчьему мясу, как дети. Его разделили на мелкие доли и ели трое суток.

Движение назад было все медленнее. Волки исчезли. Должно быть, они отошли к югу в поисках оленей. Кое-кто из ватажников отморозил ноги. Эти люди елековыляли. Андреева приходилось нести.

На двадцатый день скитаний ватага добралась до места, куда, уйдя от Дежнева, она дошла за три дня. Теперь на этот же переход потребовалось бы дней шесть.

— Дальше не пойду. Зароюсь здесь в снег и умру...

— И старика нести не буду, и сам не сдвинусь...

С такими словами двое анкудиновцев повалились на снег, не пройдя и пяти верст. Сидорка и Зырянин, несшие Андреева на носилках, сделанных из двух рогатин, опустили ношу.

— Что мелете, дырявые головы? — сердился Фомка. — Шевелите мозгами! Не пойдете, — смерть будет!

— Пусть — смерть...

Анкудиновцы принялись рыть в снегу ямы, чтобы укрыться от ветра.

— Заночуем здесь. Ужо будет видно...

— Какое «заночуем»? До ночи времени много. Давно ли день-то начался? — продолжал уговаривать Фомка. — Ночевать нам тут нечего. Идемте-ко, ребята, к стану.

Бессон Астафьев, бессильно опустив руки и голову, молча сидел подле лежавшего на спине Андреева. Вдруг Андреев пошевелился и открыл глаза:

— Фома, и ты, Сидорка, и ты, Ивашко, Бессонушко, вы в силах идти. Идите передом к Дежневу. Просите его о помощи.

— Пусть бы прислал он что-нибудь поесть, чтоб нам к стану добрести, — сказал один из анкудиновцев.

— И постеленко спальное... И одежонку какую...

— Тут уж недалеко. Вы добредете, — настаивал Андреев. — Мы обождем... Иди, иди, Бессонушко!

Он глядел на Астафьева. Как парень изменился! Изможденный, бледный человек с горестными складками у рта, разве это тот жизнерадостный весельчак, гусяр и певец, полгода назад распевавший удалые песни?

— Как я пойду? — глухо отозвался Бессон. — Не могу я идти. Я с тобой, дядя Афанасий, останусь.

Фомка, Сидорка и Зырянин помогли остававшимся вырыть в снегу глубокую нору, поставили в ней полог и засыпали его снегом, чтобы было теплее, нарубили тальник, развели костер. Это все, что они могли сделать.

Три человека закинули пищали за спины, привязали лыжи, последний раз оглянулись на оставляемых товарищей и двинулись на восток. Временами они срубали верхушки тальника, чтобы приметить место, останавливались передохнуть и шли снова. Ночевали они в снежной норе, подобной той, что сделали для Андреева. У них не было полога, но снежные стены защищали от ветра, а угли костра согревали, пока не затухли.

Все трое, продрогнув, проснулись до рассвета. От их очага не осталось и помину. Кое-как Фомка высек огонь и развел костер. Напившись кипятку, тронулись дальше.

Несчастье пришло неожиданно. Несмотря на терзавший их голод, друзья шагали, исполненные надежды. Но около полудня, сбегая на лед с берега, Зырянин оступился, сломал лыжи и вывихнул ногу. Он зажмурился от боли и свалился в снег.

— Эх, рыбий глаз! Дай-ко я гляну, что у тебя.

— А! Не тронь! Сил нет терпеть.

— Однако ж, Ивашко, мил человек, терпи. Надо выправить. — Фомка опустился возле Зырянина на колени.

Фомка с Сидоркой долго бились над Зыряниным, измучили его, а ноги не выправили. Зырянин не мог встать. Его потащили волоком. Четырехдневный голод давал себя знать. Промаявшись до ночи, одолели версты две, не больше.

Началась пурга. В нескольких шагах ничего не было видно. Фомка с Сидоркой едва нащупали берег. Под его защитой они зарылись в снеговую нору, прижавшись друг к другу.

— Долго ли будет эта пурга, однако? — досадовал Фомка.

— Когда мы шли к Анадырю, мело трое суток, — сказал Зырянин.

— И по пять, и по семь суток пурга бывает, — поежился Сидорка.

Все трое помолчали.

— Что ж мы легли, милые люди? — опять заговорил Фомка. — Четверо суток не ели. Коль будем пургу пережидать, конец ведь нам!

— А как идти, чтоб с пути не сбиться? — приподнялся Сидорка.

— Будем пробираться у берега. Тут недалече. За полсуток добредем.

— Иди, дядя Фома, иди, Сидорка, — тихо проговорил Зырянин, — я уж тут подожду помощи.

Фомка с Сидоркой долго не соглашались оставить Ивана, хоть им становилось все яснее, что невозможно двигаться в пургу, таща больного без нарт. А Зырянин настаивал.

— Туда — полсуток, столько же — обратно, — говорил он, — вы воротитесь через сутки. Я продержусь. Огонька бы лишь вздуть...

— Эх! Пойду поищу тальник.

Глубже нахлобучив шапку, Сидорка подался к выходу из норы.

— Обожди. Дай-ко свою веревку.

Один конец веревки Фомка привязал к поясу Сидорки, другой намотал на руку.

Сидорка зажмурился — ледяные иглы хлестали ему в лицо — и полез на четвереньках на берег. Он долго ползал взад-вперед по косогору, пока, наконец, несколько кустов тальника не попались ему под руку.

Углубив снежную нору, Фомка с Сидоркой развели костер и вскипятили воду.

— Так-то, Ивашко, мил человек! — сказал Фомка, вытерев рукавом губы. — Якуты говорят: сытому и жир невкусен, а голодному и вода сладка.

Воткнув хворостину над снежным убежищем Зырянина, Фомка и Сидорка связались веревкой, надели лыжи и простились с товарищем. Глаза Зырянина смотрели на них с надеждой и тревогой. На всю жизнь запомнились Фомке и Сидорке эти глаза, это лицо, освещенное трепещущим пламенем.

Согнувшись, чтобы легче было бороться с ветром, облепленные с ног до головы снегом, Фомка и Сидорка с трудом продвигались по реке. Ни тот, ни другой не могли потом сказать, сколько времени они шли. Сознание долга и воля к жизни заставляли их упорно преследовать ноги и преодолевать пургу шаг за шагом...

Как смогли они найти землянку Дежнева, удаленную от берега на десятки сажен? Помогло ли им чутье охотников? Дым ли очага привел их к жилью? Как бы то ни было, друзья добрались до стоянки Дежнева.

Пока ватага Андреева бесплодно блуждала в поисках людей, Дежнев обжился вблизи устья Анадыря. Все тринадцать человек жили в одной землянке, покрытой найденным под снегом плавником. В этом жилище, напоминавшем эскимосское, были земляные нары и очаг, топившийся по-черному. Днем плоские льдины, вставленные в маленькие окна, пропускали немного света. Ночью землянку освещали очаг и сальник.

В эту ночь Дежнев проснулся от холода и встал подбросить в очаг топливо. Огонь разгорелся и осветил нары, на которых спали землепроходцы. Пурга выла у дымового отверстия. Временами ветер врвался через него в землянку. Тогда снег кружился над нарами и шипел на углях очага.

Вдруг Дежнев заметил: чья-то рука показалась из-за старого мехового одеяла, закрывавшего вход. Рука ша-

рила, стараясь отцепить одеяло. Дежнев поднялся и отдернул его. Метель ворвалась, закружилась над спавшими.

Две заиндевелые фигуры не вошли, ввалились в землянку и тотчас потянулись к огню.

— Фомка! Сидорка!

На нарах зашевелились, вскочили.

— Где Андреев?

— Где остальные люди?

Фомка с Сидоркой молчали, сунув руки в огонь и жадно озираясь вокруг. Сидорка высмотрел, что было нужно. Он попытался сорвать висевший под потолком кусок мяса. Дежнев удержал его:

— Сколько дней не ели-то?

— Пятый, — еле выдавил Сидорка.

— Обожди! Не накидывайся на сырое! Сейчас дадим вам похлебки.

— Отколь у вас мясо?

— Нерп¹ добыли.

Разогрели нерпичью похлебку. Фомка с Сидоркой поели и тогда смогли рассказать о несчастьях, постигших ватагу Андреева.

Услышав, что в нескольких часах ходьбы оставлен Зырянин, а в трех днях пути — остальные девять человек, погибавшие от голода и холода, Дежнев нахмурился.

— Беды не по лесу ходят, а по людям, — молвил он. — Мешкать нечего. Идем выручать товарищей!

Двое нарт, которые дежневцы успели смастерить, были нагружены мясом, меховыми одеялами и топливом. Только больные, Ефим Меркурьев да анкудиновцы Тришка и Родька, остались в землянке.

Двенадцать человек связались друг с другом кушаками. Сытые и обогревшиеся Фомка и Сидорка зашагали во главе ватаги тем путем, какой они только что преодолели со столь большим напряжением.

Пурга нанесла высокие снежные заструги и так изменила местность, что Фомка с Сидоркой не могли ее узнать. С отчаянием они бродили взад-вперед вдоль берега, звали Зырянина, раскапывали сугробы, искали срубленные вершины тальника.

¹ Нерпа — вид тюленя.

— Ива-ан!
— Ого-го!
— Иваш-ко!

Голоса терялись
в вое пурги.

Для продолжения
поисков Зырянина
Дежнев оставил се-
бе троих: Сидорку,
Евтюшку Материка
и Захарова. Осталь-
ные, во главе с Фом-
кой, пошли отыски-
вать Андреева.

Более недели бро-
дил Фомка с товарищами по местам, казалось бы, от-
меченным им и Сидоркой. Андреева, Астафьева и семе-
рых анкудиновцев нигде не было. Погребла ли их пурга?
Наткнулись ли на них местные жители и увезли в свои
зимовья? Никто не знает. Вернее — первое, так как че-
рез полгода Дежнев нашел в этих местах племя анау-
лов, но никаких следов людей Андреева он у них не об-
наружил.

Когда отряд Фомки вернулся в зимовье, Дежнев
уже был там. Зырянина тоже не нашли.

10. Широким шагом

Стадухин знал, что Студеное море не каждый год
пропускает с Яны на Индигирку. Пропустит ли оно бу-
дущим летом?

Не желая, чтобы Дежнев опередил его, нетерпели-
вый Стадухин решил, не дожидаясь лета, идти нартами
на Индигирку, а с нее — на Колыму.

Дорогой ценой, отдавая по пяти соболей за каждую
собаку и по соболу за нарты, он купил собачьи упряж-
ки и в феврале 1648 года вышел на Индигирку с частью
беглых казаков.

Перед уходом Стадухин поручил свой коч Василию
Бугру.

— Лишь пройдет ледоход да откроется море, идти

тебе, Василий, со всеми твоими людьми на Колыму, — приказал он Бугру.

Сын боярский Василий Власьев скупил всех оставшихся на Яне собак и в марте тоже двинулся на Колыму, намереваясь выйти к Средне-Колымскому зимовью. Он предпочел путь длиннее, но безопаснее.

Стадухин за семь недель дошел до Индигирки, построил на ней коч и значительно раньше Бугра и Власьева пришел в Нижне-Колымский острожек.

Но как ни торопился Стадухин, а прибыл он на Колыму после ухода с нее Дежнева. Опоздал лишь на месяц. Стадухин был взбешен. Он тотчас же погнался бы за Дежневым по морю, но наскоро сшитый коч потек. Пока возились с кочем, наступил август. Начались заморозки. В море появились льды. Стало поздно думать о морском поиске.

Однажды в ветреный день, когда рассеялись туманы, а над головой курлыкали отлетавшие журавли, Стадухин стоял у причалов, приглядываясь к двум кочам, подходившим с моря. В одном из них он признал свой коч, порученный Бугру. Торговый человек Михайла Леонтьев, стоявший рядом со Стадухиным, радостно всполошился:

— Батюшки-светы! Никак мой коч идет!

Никогда не отличавшийся полнотой, Леонтьев совсем извелся, больше года дожидаясь прихода с Лены своего коча, груженного хлебом и другими товарами. Но радость купца скоро сменилась тревогой. Он не видел на коче ни своего приказчика Максима Усольца, ни его покручеников. С коча сошли Василий Бугор, Артемий Солдат, Павел Кокоулин. На втором коче подошли Ерофей Киселев, одноглазый Шалам Иванов и другие беглые казаки.

— Доброго тебе здоровья, приказный! — приветствовал Бугор Стадухина. — Дошли благополучно. Шли, как ты и приказал, с великим поспешением.

— «С поспешением!» — насмешливо повторил Стадухин, не скрывавший одолевавшей его досады. — Ледастав на носу, а ты еле доволокся! Раделец мне тоже!

— Где мои люди?! — истошно возопил Леонтьев. — Где мои товары?!

Бугор удивленно посмотрел на щуплого старика.

— Не Михайла ли ты Леонтьев? — степенно спросил Бугор.

— Он и есть! — нетерпеливо ответил купец.

— Так знай, добрый человек, многие твои люди богу души отдали.

— Вы убили их, разбойники!

— Эх, что сказал! Да как твой язык повернулся возвести на нас такую напраслину? — возмутился Бугор.

— Дворняжка попусту лает, да и то дурная, — сказал Кокоулин, сплевывая.

— Да коч-то у вас мой! — вскричал Леонтьев.

— Твой коч простоял зиму в заморозе в море у Хромой речки. Мы взяли его, когда шли мимо, июля двадцатого числа, — ответил Бугор.

— И ни души на нем не было, — прибавил Артемий Солдат.

— Как мне знать, что не вы их порешили? — не унимался Леонтьев.

— А вот как: читай-ко эту грамотку, — сказал Бугор, достав из-за пазухи исписанный листок. — Мы нашли ее в коробе на твоём коче.

Леонтьев развернул бумагу дрожащими пальцами.

— «По-кру-ченики при-казчика Мак-сима Усольца, — начал читать Леонтьев прерывающимся голосом, — Андрюшка Колоб, да Елфимко Мокрошуб, да Власко Козица, оцинжав и неминуемую смерть ожидая, оставляем коч...» Ах, нехристи! — закричал Леонтьев, прервав чтение. — Оставляют коч! А товары?

— Дай-ко я прочту. Так мы скорее разберемся, — сказал Стадухин, взяв грамотку у Леонтьева.

— «...оставляем коч, хлебный запас и товары на волю божью, — читал Стадухин. — Поволокемся одними нартами на Индигирку-реку. А Максим Усолец, сам-семь,¹ ушел на нартах для рыбной ловли в Хромую речку и не вернулся; погиб ли, не ведаем. А из покручников, что остались здесь, в заморозе, на коче у товаров, из семи человек умерло четверо. Добрые люди, кто найдет товары, дотянуть бы вам их к зимовью. А хозяин им Михайла Леонтьев».

— Ну? Где же наша вина? — спросил Бугор, глядя

¹ Сам-семь — группа из семи человек.

в глаза Леонтьеву. — Не в том ли, что коч тебе дотянули?

— И не такие уж худые люди твои покрученики, как ты сказал, — проговорил Стадухин, отдавая бумагу торговому человеку.

Но Леонтьев не успокоился, пока не вынудил Бугра и его товарищей выдать ему долговые кабалы за хлебные запасы. Беглые казаки обязались уплатить Леонтьеву после возвращения с Анадыря шесть сороков двадцать четыре соболя. Свой коч Леонтьев отобрал.

Стадухин обосновался в старом зимовье, что стояло ниже острога на Русской протоке. Хлебные запасы Леонтьева помогли дружине перезимовать.

Весной 1649 года ледоход наделал немало бед. Лед затер и раздавил один из кочей Стадухина.

— Ледоход кончается, — сказал казакам Стадухин в своей землянке.

Коптивший сальник чуть освещал Бугра, Казанца, Киселева и других казаков, сидевших на лавках и нарах вокруг Стадухина.

— Чтобы и нынче не опоздать, — продолжал Стадухин, — нужно выйти в море дня через два.

— Мы готовы, — ответил Бугор. — Хоть завтра.

— «Хоть завтра!» А на чем пойдете? — спросил Стадухин, уничтожающе смерив взглядом Бугра. — Поиск будет дальний. Пойдем в места новые, неизвестные. В такой поход нельзя идти на одном коче. Второй коч надобен.

— Купим коч у торговых людишек, — предложил Ерофей Киселев, мужик хитрый и изворотливый.

— Умен ты, Ерофейка, как погляжу! — Стадухин говорил с нескрываемым раздражением. — Пока ты на печке дрых, я уж не единожды пытался купить коч. Ничем не продают.

— Не продают? — С нарт поднялся высокий, костлявый мужчина и подошел к Стадухину. Сальник осветил глубокие складки его лица, маленькие прищуренные глазки и сильно развитую нижнюю челюсть, заросшую жесткой бородой. Это был Юрий Селиверстов.

— Не продают? — повторил он с выражением грубого презрения. — Плевать! Заберем коч силой! Дешевле будет.

Вокруг захохотали.

Стадухин колебался. Ему не хотелось отвечать за кражу коча. Но необходимость спешить и страх, что Дежнев опередит, решили дело. Стадухин согласился.

Оставалось выбрать, чей же коч похитить.

— У этого ошипанного гусака Михалки Леонтьева коч не из важных. Мы его знаем, — сказал Бугор.

— У Кирилки Коткина коч много лучше, — заметил Ерофей Киселев.

— Парус у него знатный, новый, — поддержал Ерофея Иван Казанец. — Вот будет рожа у этого пройдохи Коткина!

На смуглом рябом лице Казанца мелькнула озорная улыбка.

Сказано — сделано. У беглых казаков был опыт кражи кочей.

Через два дня тридцать человек стадухинцев вышли в море на двух кочах. Бугор был поставлен кормщиком коча Коткина.

— Не везет нам с краденными кочами! — сказал старик Пуляев своему приятелю, одноглазому Шаламу Иванову. — На первом, шукинском, погиб Иван Редкин. Колупаевский коч отобрал Власьев. Что-то будет с этим, с коткинским!

— Ох, грехи! — ответил Шалам, неодобрительно оглядывая коч. — Не украли — взяли, а ворами стали.

Семь суток шли кочи Стадухина, не спуская парусов. Миновали остров Айон. Остался сзади и мрачный утес — нос Эрри. За носом встретилось множество больших плавучих льдин.

Бугру не повезло. Льды сжали его коч. Услышав треск ломавшегося дерева, люди поняли, что коч гибнет.

— Выноси оружие! Муку! На лед! — кричал Бугор.

В суматохе крушения работали быстро, с отчаянным упорством. Пока льдины размалывали остатки коча, Бугор, придя в себя, оглядел ватагу. Все пятнадцать человек были на льду. Но мало что удалось спасти из хлебных запасов.

В отдалении на большом разводье разворачивался коч Стадухина. Скоро он подошел к льдине, где ютились потерпевшие крушение, и принял их на борт.

Стадухин, обозленный потерей коча, изругал Бугра

как мог, но ему некогда было долго предаваться гневу. Теснимый льдами, он отошел назад, в сторону носа Эрри.

Осматривая берег и горный кряж, тянувшийся вдоль него, Стадухин увидел чуть заметный дымок. Кликнув Ивана Казанца и Ивана Баранова, Стадухин показал им дым.

— Идите и приведите языка. Буду ждать три дня.

Казанец переглянулся с Барановым, и они молча пошли сражаться.

На исходе третьих суток разведчики привели двоих связанных коряков. У Казанца была рассечена щека, а зипун пропитан кровью.

— Наша взяла, хоть и рыло в крови, — проговорил он, сбрасывая зипун.

Старый казак Иван Пуляев занялся ранами Казанца. Ему предстояло лечить и раненного в бедро Баранова.

Коряки смотрели гордо и старались не выказывать страха.

Стадухин приказал развязать их.

— Далеко ли Анадырь-река? — спросил Стадухин.

— Не слыхал о такой, — ответил старый коряк, желтое лицо которого было изрезано морщинами.

— Какая река? — спросил молодой коряк с белыми, блестящими зубами. — Вот камень-утес, — коряк показал на горный кряж, — конца ему не знаем.

— Об Анадыре-реке спрос. Где Погыча-река? — добивался Стадухин.

— Не слыхали, не ведаем, — ответили коряки, разводя руками.

Стадухин видел, что они не лгали.

— Прошлый год здесь прошли кочи. Такие, как этот. Семь кочей, — Стадухин отсчитал семь пальцев. — Видели их?

— Видели, — ответили коряки.

— Где они?

— Две больших байдары, как твоя, разбило море. Близко отсель разбило.

— Где люди?

Пленные долго молчали, переглядываясь. Однако, осмелев или утешась сказать неправду, ответили:

— Наши люди побили их здесь, на земле. Не всех. Остальные жили у моря. Куда ушли, не знаем.

К великому удивлению коряков, Стадухин не убил их после этого признания. Он стал допрашивать их об остальных кочах.

— Куда ушли те пять кочей?

— Туда, — старый коряк махнул рукой на восток.

— Что слышно о них от оленных людей? Оленные люди приходят оттоль.

— Не слыхали...

Отпустив не нужных ему больше коряков, Стадухин стал думать, что делать. Большая часть хлебных и рыбных запасов погибла с кочем Бугра. До Анадыря, видимо, далеко. Льды заступили путь. Кто знает, пропустят ли они коч этим летом!

После долгого раздумья Стадухин встал, хмурый, но по-прежнему твердый.

— Решил я вернуться, чтоб вы напрасной смертью не погибли, — сказал он своим людям.

Седьмого сентября под проливным дождем Михайла Стадухин добрался обратно на Колыму.

Что ни день, то новые хлопоты и огорчения одолевали беспокойного Стадухина. Целовальник Кирилла Коткин с торговыми и промышленными людьми, совладельцами угнанного коча, потребовали возмещения убытков. Трудно было ублажить этих крикливых людей, угрожающих судом.

Стадухин все же кое-как уgomонил их. Одним он выдал заемные кабалы — расписки с обязательством уплаты после возвращения с Анадыря (Стадухин и не думал отказываться от похода на эту реку). Других он принял к себе в дружину, как имевших пай и право участия в дележе будущей добычи — «рыбьего зуба». Главная же досада была от другого. Пока Стадухин бесплодно терял время в морском поиске, казаки Семен Мотора и Никита Семенов вывели у юкагиров о сухом пути с Колымы на Анадырь.

Семен Мотора набрал до сорока охочих людей, чтобы идти на Анадырь через горы. В его отряд перебежали от Стадухина некоторые казаки — Артемий Солдат, Шалам Иванов, Павел Кокоулин. Мало того, Мотора получил наказную память от приказного Василия Власьева!

Когда Стадухин узнал об этом, его лицо покрылось красными пятнами. Тут было от чего взбеситься. Не хва-

тало еще, что Дежнев, возможно, уж на Анадыре. Какой-то Мотора, которого Стадухин считал болваном, будет приказным на Анадыре, обогнав его, Стадухина, знатного землепроходца, имеющего наказ от самого воеводы. Не в дураках ли он, Стадухин? Все войско будет над ним смеяться, животы надорвут!

Была минута такого гнева, что Стадухин стал задыхаться и выкрикивал бессвязные ругательства. Несколько успокоясь, он пришел к Моторе и показал ему наказ воеводы.

— Ты видишь, я приказный на Анадыре! — сказал он, тыча пальцем в бумагу. — Куда же ты лезешь со своим рылом!

Круглоголовый, слегка лысеющий украинец выслушал Стадухина, прибывая подметку.

— А на що мне, батько, твоя грамотка! Из нее чобыты не зробишь. — Хитро прищурясь, Мотора посмотрел на Стадухина.

— Дубина! Тебе ж толкуют — я хозяин на Анадыре! Лишь под моей рукой быть тебе на этой реке.

— Який ж ты хозяин, коль Анадыря и не бачив? — Мотора глядел на Стадухина снизу вверх. Мелкие морщинки лучами разбегались вокруг глаз. — А я так гадаю, чи не Дежнев уже там хозяйнует? Що ж ты хочеш со своей грамоткой? Зимой прошлое лето кликать? — Мотора невозмутимо оглядывал сапог, точно любуясь своей работой.

— Дежнев! Такой же он самозванец, как и ты! — крикнул Стадухин, не в силах более сдерживаться.

Он кричал, ругался, грозил. Все напрасно. Чем больше он кипел, тем спокойнее отвечал упрямый Мотора. Стадухин плюнул, пообещал разгромить Мотору в пути и пошел к приказному Василию Власьеву. Однако сын боярский не забыл дерзости Стадухина на Яне и наотрез отказался отменить свою наказную память, выданную Моторе.

Половина зимы прошла в ссорах между стадухинцами и моторовцами. Доходило до драк.

Перед уходом с Колымы Стадухин наказал Юрию Селиверстову дожидаться лета в Нижне-Колымском остроге и с первым же кочем отправиться в Якутский острог с его, Стадухина, отпиской и образцами моржовой кости.

В конце февраля отряд Моторы, состоявший из сорока человек, и несколько более многочисленный отряд Стадухина двинулись вверх по Малому Анюю, притоку Колымы. Враждуя меж собой дорогой, мешая друг другу, они тем не менее упорно продвигались по неизвестной и малодоступной горной местности.

II. Сборщики ясака

После гибели Андреева, Астафьева, Зырянина и семерых анкудиновцев Дежнев и его спутники пережили суровую зиму.

Вскоре от обмороживания умерли еще трое бывших анкудиновцев.

Двенадцать человек дождались весны. Построив из плавника карбасы, они поднялись вверх по Анадырю до места, где в наши дни стоит село Марково. Там русские встретили одно из юкагирских племен — анаулов. Дежнев привел анаулов в подданство русскому государству и обложил их ясаком. Он построил зимовье вблизи стойбища анаулов.

Летом дежневцы заготовили белую и красную рыбу, охотились на оленей. Вторая зима на Анадыре прошла несравненно легче первой.

Какова же была радость новых анадырцев, когда в апреле 1650 года, выйдя из избушки, они услышали русскую речь и увидели большой отряд казаков и промышленных людей, подходивший с верховьев Анадыря! Это был отряд Моторы.

— За нами, батьку Семен, еще гости до тебя жалуют, — сказал Мотора после первых приветствий, — твой дружок Михайла Стадухин.

— Идет?

— Ну и досаждал же он нам дорогой! — рассказывал Мотора. — Видно, повитухой его ведьма была, а черт в люльке качал...

— Он отымал у отстававших и собак, и нарты, — перебил Мотору торговый человек Анисим Костромин. Подвижное и выразительное лицо этого еще не старого человека горело возмущением.

— Оружие отымал! — тряхнув кулаком, воскликнул

есаул¹ Федот Ветошка. Отнять оружие! Есаул считал это тяжелейшим преступлением Стадухина.

— Михайла мешал нам и ясак собирать, — продолжал рассказывать Мотора.

— А было с кого? — спросил Дежнев.

— Этого аманата,² Чекчоем его зовут, мы взяли в верховье Анюя, — показал Ветошка на молодого юкагира, стоявшего поодаль под присмотром двоих казаков.

Аманат озираясь, присматриваясь к новым лицам. Гремя железными наручниками, он поправил черные волосы, спускавшиеся ему на глаза из-под шапки.

— Юкагир он ходынского племени, — пояснил Мотора. — Отец его — мужик с достатком. Да родных братьев у него четверо. И иных родичей много.

Дежнев подошел к Чекчою и дружелюбно потрепал его по плечу.

— Не трусь, парень! — сказал он. — Тебе у нас худо не будет. А железа мы с тебя скоро сымем.

Чекчой нерешительно улыбнулся.

— Там же на перевале, — продолжал Ветошка, — послал он, Чекчой, своего младшего брата Кеоту к старшим братьям и велел им быть к нам в стан с ясаком. Его братья пришли. Да не одни — со многими родичами. Дали они нам девять соболей ясаку.

— Тут Стадухин, як бешеный, учинил стрельбу! — вскричал Мотора.

— Ходынцы испугались да и убегли. А мы чаяли больше с их взять. Было их немало: человек с полста, — пояснил Ветошка.

— А много ли у Стадухина людей? — спросил Дежнев.

— Душ пятьдесят. Васька Бугор и многие беглые у него.

— А ты Расскажи-ко, Мотора, как Стадухин тебя в полон взял, — усмехаясь, сказал Никита Семенов, степенный, неречистый казак, похожий на крестьянина.

Мотора мотнул круглой головой:

— И то було. Это уж на Анадыре-реке. Отошел я от стану. Стадухинцы мене тут и сгреблы!

¹ Есаул — помощник атамана, адъютант.

² Аманат — заложник.

— Где бы муха ни летала, а квакушке в рот попала, — промолвил Сидорка самым невинным тоном.

Мотора покосился на него и, сделав вид, что не слышал, продолжал:

— И як же, ты думаешь, он, бисов внук, зробив? В колодки мене посадив!

— Что ж хотел от тебя Стадухин?

— Признай, говорит, мене приказным — отпущу. И вымучив он у мене письмо. Подписал я, господи прости: на Анадыре, мол, мне особо не быть, а служить под началом у него, Михайлы.

— Пошел, знать, по шерсть, а воротился стриженный! — лукаво прищурился Сидорка.

— Ан нет! — возразил Мотора. — Как приволокся я до своего стана, тут же на вымученное письмо плюнул. Нехай он, пупырь, из него блохоловку склеит!

— Любит властвовать он, Михайла, — проговорил Дежнев, задумавшись.

— Он, как сова, все на верхушки садится, — сказал Ветошка.

К зимовью подтягивалась последняя упряжка моторовцев. Беглые казаки Артемий Солдат и Василий Вилюй помогали собакам вытаскивать нарты из сугробов. На нартах лежал человек, укрытый меховыми одеялами.

— Кто это? — спросил Дежнев.

— Шалам Иванов, — ответил Мотора.

— Что с ним?

— Ранен в грудь. Не чаем, выживет ли.

— Кем ранен?

— Ходынцами. Когда мы брали в аманаты этого Чекчоя.

Дежнев подошел к нартам. Взглянув на бескровное, желтое лицо раненого, Дежнев подумал, что он умер.

— Шалам! — позвал Дежнев.

Единственный глаз старика медленно открылся.

— Здравствуй, Шалам!

— Ты, Семен? Вот и свиделись.

— Плохо тебе?

— Конец чую, — едва слышно ответил старый казак, закрывая глаз.

Сколько новостей привезли моторовцы! Правда, их новости не отличались свежестью. Из Москвы до Якутского острога они доходили за два года. Для колымчан

свежими новостями были события трехлетней давности. Что же касается дежневцев, потерявших связь с внешним миром с 1648 года, они понятия не имели о происходившем на Руси лет пять назад.

Дежневцы узнали, что уже пять лет, как умер царь Михаил Федорович, и на престол взошел его шестнадцатилетний сын Алексей. Торговый человек Анисим Костромин рассказал о дерзком набеге на Московское государство, учиненном четыре года назад крымскими татарами. Потрясенные слушатели не успели переварить эти новости, а уж Семен Мотора заговорил о подвигах Богдана Хмельницкого...

Михайла Захаров обрадовался, увидев среди моторовцев своего земляка — соликамца Дружину Алексеева. Земляки мало знали друг друга в Соликамске. Тогда Захаров был еще мальчишкой, Алексеев же, старше его лет на десять, уже состоял при отцовском деле — торговле иконами и старыми книгами. Но теперь земляки не могли вдосталь наговориться. Они вспоминали каждую улочку, каждое деревцо, каждого знакомого. Захаров пытался расспрашивать Алексеева и про свою мать, забывая, что тот давно из Соликамска.

Радость от прибытия отряда Моторы омрачилась появлением Стадухина. О нем возвестил анаул Каллик, прибежавший сломя голову. Низенький, коротконогий, с большим животом, он казался на бегу катящимся шаром. Желтое опухшее лицо Каллика всегда выглядело хитрым, но сейчас оно выражало страх.

— Ох, беда! — кричал он, тяжело дыша и протягивая руки к Дежневу. — Я отдал тебе в аманаты сына Колупая. Я дал тебе ясак. Гляди, — пришли новые люди. Новый ясак давай! Обижают анаулов!

Дежнев и Мотора поспешили к анаульскому острожку, стоявшему в двух верстах. Оттуда слышались выстрелы, крики. Как оказалось, анаулы заперлись в острожке, а стадухинцы обстреливали его из пищалей. Из-за невысокого тына, окружавшего несколько юрт многочисленных семей Каллика и Обыя, летели стрелы.

Анаулы перестали стрелять, увидев Дежнева. Широко шагая, Дежнев подошел к Стадухину, делавшему вид, что не замечает соперника.

— Здравствуй, Михайла!

Стадухин молча смерил взглядом Дежнева.

— Негораздо ты делаешь, Михайла, — продолжал Дежнев, — что побиваешь ясачных людей.

— Какие же они ясачные? — зло глянул Стадухин, круто обернувшись.

— Ясачные.

— А коль так, вызови их из острожка! И ясак с них возьми. А я погляжу.

Дежнев направился к острожку. Стадухин вразвалку шел следом, похлопывая по сапогу плетью. Михайла Захаров, Сидорка, Фомка и другие землепроходцы не отставали от своих приказных.

— Эй, Обый! — крикнул Дежнев. — Отвори острожек. Выходи без страха.

— Зачем? — спросил из-за тына Обый.

— Дай государев ясак.

— И я, и Каллик уж дали ясак!

— Потерпи, Обый. Я зачту тебе этот ясак за другой год. Так нужно.

В острожке слышались возня и приглушенные голоса. Скоро из-за тына показалась рука, подавшая Дежневу связку собольих шкурок.

Стадухин шагнул к Дежневу и вырвал у него соболей.

— Ты что? Опомнись!

— Я покажу «что»! Я здесь приказный! Вот тебе, самозванец! Вот!

Не помня себя от гнева, Стадухин дважды хлестнул соболями по лицу Дежнева.

Дежнев рванулся к обидчику, сжав рукоять сабли. Рука Стадухина также метнулась к оружию. Но Василий Бугор и Пуляев схватили за локти Стадухина. Михайла Захаров с Сидоркой повисли на Дежневе. Фомка бросился меж противниками.

— Побойтесь бога! — закричал он.

Казаки и промышленные люди сбегались со всех сторон. Противников развели.

— Ты неправ, — сказал Василий Бугор Стадухину. — Ты худо поступил.

— Мое дело! Не суйся! — гаркнул разъяренный Стадухин.

— Хоть дело и твое, а я в него сунусь. Я не служу больше у тебя! Ухожу к Дежневу, — решительно заявил Бугор.

— Я тоже пойду к Дежневу, — сказал Иван Казанец, забрасывая пищаль за спину. — За неправду стоять не буду!

Прихрамывая — он вывихнул в пути ногу — Казанец отошел к группе Дежнева.

— И я к тебе, Семен, попрошусь, — обратился к Дежневу старик Пуляев. — Уважь меня, прими.

Пуляев даже не взглянул на оторопевшего Стадухина.

Для дружины Дежнева наступило тревожное время. Жизнь замутилась. Стадухин стоял недалеко. Его люди нападали на сторонников Дежнева и Моторы, избивали их, отнимали пойманную рыбу, убитых оленей. Дежнев еле удерживал своих людей от ответных действий. Посоветовавшись с Моторой, он решил уйти с Анадыря.

— Земля не клином сошлась, — сказал Дежнев своей дружине. — Пойдемте-ко поищем иную реку. Там за горами, слышь, есть река Пенжина. Поищем-ко ее.

Осенью Дежнев и Мотора двинулись искать реку Пенжину. К несчастью, у них не было проводников, так как анаулы откочевали далеко в тундру. Дружина заблудилась меж горными отрогами.

Проблуждав три недели, изрядно победствовав, Дежнев, чтобы спасти людей от голодной смерти, вернулся на Анадырь.

Тем временем Стадухин пытался собирать ясак с анаулов. Еще до ледостава он отправил вниз по Анадырю девять человек. Эти люди пропали.

Уже по льду Стадухин послал Ерофея Киселева на розыски ясачных сборщиков. Отряд Киселева нашел их трупы. Анаулов не было видно. Их следы занесло снегом. Сгоряча Стадухин тотчас начал собираться в погоню за анаулами. Но поход пришлось отложить из-за бурана. К этому времени вернулся отряд Дежнева и Моторы. Соперничество с Дежневым вытеснило у Стадухина другие заботы. Ему стало не до анаулов.

Началась зима. Стадухин одумался и, поняв, что на Анадыре славы не заслужишь, сам решил идти на поиски реки Пенжины. Неудача Дежнева лишь поощрила Стадухина.

В феврале, погрузив запасы на нарты, Стадухин

ушел с Анадыря со всеми своими людьми. Много лет о нем даже и слуху не было.

Дежневу пришлось расхлебывать кашу, заваренную Стадухиным на Анадыре. Вскоре после ухода соперника Дежнев собрал дружину.

— Неладно получилось, други, — сказал он. — Князец Когюня поубивал девятерых русских людей. Повинную не принес. С государевым ясаком к нашему зимовью не пришел.

— Смирить надо Когюню, — предложил Мотора.

— Коль мы ему спустим, — продолжал Дежнев, — ни один анаул не принесет ясака.

— Скажут: что им, кошкодавам, носить ясак? Дежневцы, мол, ребята хваткие — семеро одного не бояться! — пропищал Сидорка.

— Хуже того: они снова могут покуситься на убийство наших людей, — сказал Дежнев.

— А без тех соболей, что я и Семен объявили, уходя с Колымы, нам краще назад не вертаться, — напомнил Мотора.

Дежнев приказал собираться в поход.

— Дело служилое, — сказал Сухан Прокопьев. — Скажут «в поход», — пойдем. Скажут «за обед», — сядем.

После многодневного перехода по занесенным снегом берегам Анадыря дружина Дежнева подошла к острожку анаулов.

Ожидая расплаты за убийство ясачных сборщиков, Когюня подготовился к обороне. Тесно поставленные юрты были обнесены земляным валом. С наступлением морозов анаулы поливали вал водой. Он выглядел ледяной стеной. Чтобы увеличить высоту вала, анаулы приморозили на его гребне ледяные глыбы. Меж ледяными зубцами виднелись узкие бойницы.

— Крепкий орешек! — проворчал Сидорка, почесывая за ухом. — Встречу изготовили.

Дежнев послал Павла Кокоулина, Артемия Солдата и Евтюшку Материка обойти острожек по большому кругу и везде развести костры.

— Пусть думают, что вокруг много войска.

Сопровождаемый Захаровым, Дежнев также обошел острожек, высматривая места для приступа, затем проверил принесенные бойцами лестницы.

— Михайла, — приказал Дежнев Захарову, — возьми рожечника, хоть Артюшку, ступай с ним вперед, но не дальше вон того куста, и вызывай анаулов из острожка. Вели им повиниться. Вели принести ясак.

Михайла Захаров срубил ветку лиственницы, поднял ее над головой и направился к острожку. Рядом шагал Артемий Солдат и старательно дул в рожок, издавая высокие, пронзительные звуки.

Глашатаи остановились на указанном месте. В ста шагах блестели ледяные стены острожка, казавшегося вымершим. Захаров громогласно выкрикнул, что ему было велено. Тотчас же стрела лязгнула о железные бляхи его куяка.

— А! — вскричал Артемий Солдат, выронив рожок.

Захаров увидел, что кровь заливает лицо товарища. Стрела попала Артемию в лоб. К счастью, она была на излете и не смогла пробить череп.

— Ложись! — крикнул Захаров.

У запасливого соликамца за пазухой нашлась чистая тряпица, и он перевязал рану товарища.

Выстрелы загрели справа и слева. Мимо, пригнувшись, пробежали Фомка с Сидоркой, тащившие лестницу.

Захаров и Солдат вскочили, достали из-за спины бердыши и, боясь опоздать, побежали к ледяной крепости.

Стрелы взвизгивали со всех сторон. Захарову показалось, что Евтюшка Материк споткнулся и упал. Но останавливаться было некогда.

Кокоулин приставил к стене лестницу и, подняв саблю над головой, полез вверх:

— Напирай, ребята!

Захаров подбежал к лестнице, установленной Фомкой. Отстранив старика, он полез по ее ступеням. Над стеной мелькали топоры, насаженные на двухаршинные древки. Анаулы рубили лезших на приступ и сбрасывали их с лестниц копьями.

У вершины стены Захаров заметил над собой топор и отразил его саблей. Лестница была низковата. Чтобы вскочить на гребень стены, Захарову пришлось схватиться за него обеими руками. Анаульский воин не промедлил. Его топор со свистом рассек воздух и, ударив

Захарова по шлему, скользнул на плечо. Захаров упал на Фомку, взбравшегося следом.

Дежнев, Бугор и Казанец вломились в угловую юрту и сражались там врукопашную. В юрте было тесно для боя бердышами и саблями. Противники боролись, хватив друг друга руками.

Коренастый, широколицый богатырь Когюня оказался против Дежнева. Некоторое время Дежнев и Когюня пыхтели, пытаясь опрокинуть один другого. Вдруг Когюня высвободил руку и, выхватив нож, ударил им в грудь Дежнева.

Дежнев снова схватил Когюню за запястья и скрутил ему руки железной хваткой.

Сабля Ивана Казанца сверкнула над головой Когюни.

— Взять живым! — крикнул Дежнев.

Василий Бугор и Казанец связали князья.

Бой заканчивался. Скоро и наиболее стойкие бойцы-анаулы бросили оружие.

— Пленных не бить! — кричали Дежнев и Мотора.

Победители собрали оружие и выбросили его за стену острожка.

Пора было заняться ранеными. За стеной, рядом с убитым наповал Суханом Прокопьевым, истекал кровью Михайла Захаров. Анисим Костромин и Дружина Алексеев сняли с бесчувственного Захарова куяк и, разорвав кафтан и рубаху, осмотрели его рану. Правое плечо Захарова было глубоко разрублено.

— Дела-то у парня негоразды, — проговорил Костромин.

Кирилл Проклов был убит в юрте. Евтюшку Материка нашли за острожком. Стрела попала ему в горло, и он прожил меньше часа.

Кокоулин, раненный топором в голову и кольем в руку, беспомощно сидел, прислонясь к стене юрты.

Василий Бугор, увидев кровь на куяке Дежнева, закричал:

— Ты ранен, Семен! Дай-ко я перевяжу!

Колотая рана в правую половину груди не была глубокой.

— Девятая на царской службе, — сказал Дежнев, следя за перевязкой. — В грудь — впервой. А то все больше в руки да в ноги.

— А на виске-то вон у тебя метка, — показал Бугор.
— Это колымская, когда юкагиры вломились в наш острожек.

Связанный Когюня следил из угла за Дежневым, ожидая пытки и казни.

Надев рубаху, Дежнев повернулся к Когюне:

— Что ты меня пырнул, Когюня, ничего. На то и бой. Худа тебе за то не сделаю. Ты будешь мой аманат. Твои родичи будут давать под тебя ясак.

Убитых похоронили. Раненых повезли домой на нартах. В их числе был и Фомка, оглушенный колом. Старик долго не мог прийти в себя, ноги плохо его слушались.

Михайла Захаров так и не выздоровел. Он пролежал с месяц, постепенно ослабевая.

Настал день, когда у постели умиравшего собрались все близкие товарищи. Тут же был и ходынский аманат Чекчой, с которого давно были сняты цепи. Чекчой сам вызвался ходить за раненым, и навряд ли кто-либо мог это делать более заботливо.

Голова Захарова высоко лежала на подушке. Трудно было узнать Михайлу. Его бескровное лицо осунулось, нос заострился, глаза ввалились.

Иван Казанец записывал предсмертную волю Захарова.

— Се аз,¹ Михайла, Захаров сын, — слабым голосом медленно произносил больной, — соликамский жилец из городищ, с сего света отходя, пишу изустную память с целым умом и разумом в ясачном зимовье на Анадыре-реке.

Захаров закрыл глаза и долго лежал молча.

— А изустную память, — продолжал он, — довести до Троице-Сергиева монастыря торговому человеку Анисиму Костромину и живот мой.² И буде мать моя Анна жива, взять бы ее в монастырь к Троице-Сергию. И что будет живота моего отдать туда же, в монастырь, кормить мать мою до смерти.

Захаров снова замолчал. Землепроходцы без шапок стояли вокруг его постели.

— А окромя того, короб окованный отдать Семену

¹ Се аз — это я (славянское).

² Живот — имущество.

Дежневу. Да ему же, Семену, пороху два фунта. А земленину моему Дружине полукафтанье отдать...

Дружина Алексеев стер слезу, бежавшую по щеке.

— Из моих сетей дать сеть добрую Павлу Кокоулину. А где моя изустная память ляжет, — едва слышно заканчивал Захаров, — тут по ней на мой живот суд и правед, а кто за ней встанет, тот и истец. Руку приложил...

Иван Казанец вложил гусиное перо в левую руку умирающего, и он начертал свое имя.

Ночью Михайла Захаров умер.

С глубокой грустью Дежнев закрыл глаза своему любимцу. Затем он оделся и вышел на воздух.

Было морозно, снег скрипел. Над головой сиял торжественный звездный строй.

12. Норга

Прошло около четырех лет.

К середине июня 1654 года ледоход уж отшумел в устье Анадыря. На шестиверстной шири реки гуляла

такая волна, что карбас запросто был бы залит. Но новому пятисаженному кочу, осторожно спустившемуся к устью, речные волны не страшны.

Можно было бы принять этот коч за «Рыбий зуб», если бы не надпись на его корме — «Морж». Нос коча, как и у «Рыбьего зуба», был украшен клыкастой головой моржа, так же гордо поднималась высокая корма;

столь же стройна была мачта, отнесенная ближе к носу. Не один ли мастер делал «Моржа» и «Рыбий зуб»?

Семен Дежнев стоял на носу. Его лицо озабоченно, но взгляд тверд. Вишневый кафтан плотно облегал его широкие плечи.

— Меряй, Сидорка!

Шмыгнув носом, Сидорка взмахнул наметкой¹ и погрузил ее в воду. Он пытался нащупать речное дно, перегнувшись, тянулся через борт.

— Нет! Не достать...

Сидорка выпрямился. Он постарел — щеки впали, рыжая бороденка поредела. Однако на его обветренном лице не заметно уныния, а в выцветших глазах — прежний смехок.

— Эй, на руле! — крикнул Дежнев. — Фомка! Прими к берегу!

Фомка повернул руль. Он был все так же могуч, так же сивые брови нависали над прищуренными глазами, разве только нос стал у него более сизым да гуще проступила седина. В новой серой сермяге и яловых сапогах с загнутыми вверх острыми носками Фомка выглядел богатырем.

Кочевой мастер Степан Сидоров, выйдя из поварни, окинул коч, свое детище, ревниво-заботливым взглядом и, найдя непорядок в снастях, недовольно тряхнул остриженными в скобку волосами.

¹ Наметка — шест для измерения глубины.

Лишь Фомка, Сидорка да Степан Сидоров остались у Дежнева из его ватаги, с которой он обошел Чукотку. Кроме них на коче шли бывшие моторовцы и стадухинцы — Никита Семенов, Артемий Солдат, Василий Бугор, Иван Казанец. Были там и новые люди, недавно пришедшие на Анадырь с ватагой Юрия Селиверстова, тоже бывшего стадухинца.

Дежнев положил руку на плечо Саввы Тюменца, молодого человека, наминавшего ему Михайлу Захарова.

— Вон, Савва, видишь там горку? Под ней у нас первая землянка была вырыта. Лютую зиму мы в ней перемаялись.

Савва глядел на Дежнева внимательно и серьезно.

— Эй, Данила! — крикнул Сидорка, смотревший вверх по реке. — Куда ж он, рыбий глаз, твой начальник Юшка Селиверстов запропастился?

— Будь он только «рыбий глаз» — полбеда, — ответил ему чернобородый мужик с серебряной серьгой в правом ухе.

Это был Данила Филиппов, промышленный человек из ватаги Юрия Селиверстова.

— Беда, что он и завистливый глаз к тому же! — многозначительно прибавил Данила.

— Кому ж, мил человек, он, Юрий, позавидовал? — спросил Фомка, прищурившись.

— Кому? Да приказному вашему Семену Дежневу, его товарищу Никите Семенову, тебе, Фомка, всем вам, ватажникам Дежнева!

Дежнев усмехнулся:

— Нашел кому завидовать! Не нашим ли ранам, не голодному ли терпению нашему, когда мы листовничную кору и всякую скверну ели, он позавидовал?

— Нет, — засмеялся Григорий Байкал, самоуверенный и щеголеватый красавец, — этого нашему приказному не надобно! Моржовой корге — вот чему он позавидовал!

— Корге?

— А думаешь чему? — повернулся к Дежневу Данила Филиппов. — Как услышал Селиверстов от тебя, Семен, про ту коргу, что нашли вы два года назад возле Анадыря-реки, где морж в великом множестве выле-

гает, где набрали вы заморную кость «рыбий зуб», — так он даже позеленел от зависти.

— Позеленел, говоришь?

— Не вернуться мне к малым детушкам, коли вру! Спроси хоть Савку Тюменца с Гришкой Байкалом. Пусть они скажут.

— Обозлился, — подтвердил Байкал.

— Он у нас такой, — вздохнув, согласился и Савва Тюмонец.

— А опосля, только вы все ушли, — продолжал Данила, — он подозвал нас к себе, посмотрел эдак пронзительно да и говорит: «А не та ли это корга, что я с Михайлой Стадухиным тому пять лет нашел?»

Вся ватага дружно захохотала.

— Эх, куда метнул! — покачал головой Иван Казанец. — Забыл, видно, он от зависти, что кроме него есть и иные, кто ходил морем со Стадухиным! Я, к примеру, Васька Бугор...

— Лжет Юшка без совести! — возмутился и Василий Бугор. — Мы-то знаем, что со Стадухиным не только до Анадыря, а и далеко до Большого Каменного носу мы не дошли! Всего-то семь ден ходу было...

Нет, не Селиверстов и не Стадухин, а Дежнев летом 1652 года у северного берега Анадырского залива открыл моржовую коргу — косу, служившую лежбищем тысячам моржей. Сбылась мечта дежневцев. Охотникам даже не приходилось истреблять большое число животных: на корге было много заморного «рыбьего зуба» — клыков моржей, издохших от старости или погибших в драках.

Но вот месяца полтора назад сухим путем, как в свое время Мотора и Стадухин, явился еще один искатель «рыбьего зуба» — Юрий Селиверстов. Это был тот казак, которого Стадухин отправил в 1650 году в Якутский острог с отписками и несколькими моржовыми клыками.

Человек наглый и лживый, Селиверстов одурачил нового якутского воеводу Дмитрия Францбекова. Каких только небылиц не рассказал он воеводе о своем плавании со Стадухиным! И четыре реки-то за Колымой он видел; и людей-то там не счесть; и заморной моржовой кости лежит на берегу моря столько, что подходи да нагружай суда!

Воевода поверил Селиверстову. Он выдал ему наказную память и новый, хорошо снаряженный коч. Селиверстов получил порох, свинец, «промышленный завод» — орудия для моржового промысла, подарки для иноземцев и товары для обмена на меха и моржовую кость. Более трех с половиной тысяч рублей стоила воеводе «справа» Селиверстова.

Прибыв на Колыму, Селиверстов не пошел в море за заморной костью, существовавшей лишь в придуманной им сказке. Он предпочел, оставив коч, перевалить через горы на Анадырь, чуя там более легкую поживу.

Дежнев и Никита Семенов, заменивший погибшего три года назад Мотору, простодушно рассказали ему о корге и дали для моржового промысла два коча. Один из этих кочей Селиверстов успел потерять по своей небрежности: коч разбило в половодье плавником. Дежнев взял часть людей Селиверстова к себе на коч.

Коч несясь вдоль берега, мимо утесов и снежных забоев — громадных пластов снега, высотой в несколько сажен, нанесенных зимними выюгами.

Открылась ширь Анадырского залива. Дежнев поднял парус и пошел к моржовой корге. Позже ее прозвали Русской кошкой. Это песчаная коса в несколько верст длиною.

Сквозь шум моря до мореходов донесся рев животных.

— Кто-то их тревожит, — проговорил озабоченный Василий Бугор, поглядывая на приказного.

Дежнев ввел коч в узкий залив, что с запада от корги. Хоть главное лежбище моржей было на восточной стороне корги, но и здесь огромные звери лежали вдоль всего берега.

Григорий Байкал, не видевший раньше моржей, почесал затылок:

— Вот так зверь, — что твоя жирная свинья!

Круглая морщинистая голова моржа вытянулась из складок толстой шеи, задние лапы показались из-под брюха, маленькие глаза сверкнули. Зверь поднялся на мощных передних лапах, взревел. Огромные клыки придавали ему вид допотопного чудовища. Пыхтя, морж неуклюже заковылял к берегу и бросился в воду. Он вынырнул возле коча, ловкий в воде и теперь уже не кажущийся безобидным. Он пыхтел и грозно

фыркал. Снова нырнув, морж попробовал клыками прочность коча.

— Эта «свинья», мил человек, — сказал Фомка Байкалу, — пострашнее ведмедя! Ошкуй к нему редко подходит.

Байкал поднял пищаль.

— Положь пищаль! — строго приказал Дежнев. — Зря зверя бить не дозволю.

Григорий Байкал удивился.

— Не понял, рыбий глаз? — напустился на него Сидорка. — В воде моржа убьешь, — он тут же потонет. И зверя убил, и пользы нет!

— Слушайте, что скажу, — обратился Дежнев к ватажникам Селиверстова. — У нас такой закон: самок не бить; бьем на берегу старых самцов с добрыми клыками. Вы, трое новичков, будьте со мной рядом. Делайте, что скажу...

— Глянь-ко, приказный! — вдруг перебил Дежнева Степан Сидоров. — Корякская байдара!

— На нашей корге!

— Надо их отводить. Не то все стадо переведут, — сказал Василий Бугор.

— Неужто им много надо? — спросил Савва Тюменец.

— Много им не надо, а зверя зря губят, — пояснил Бугор. — Копья у них плохие. Ранят зверя, а он в воду уходит и тонет. Чтобы от двух моржей сала добыть, они двадцать губят.

Коч пристал к берегу. Вооруженные пищальями и рогатинами охотники вышли на незанятую моржами часть берега. В полуверсте виднелись две вытащенные на берег байдары и группа коряков, разделявавшая туши. Приближение русских, видимо, их не испугало.

— Дозволь, приказный, пугнуть этих приятелей, — обратился к Дежневу Артемий Солдат.

— Пугнуть — пугните. Но стрелять лишь в воздух, — ответил Дежнев.

13. Судьба Попова

С громкими криками охотники побежали к корякам мимо обеспокоенных моржей. Потревоженные звери с ревом ковыляли к морю. Раздались выстрелы.

Среди коряков началось смятение. Они бросились к байдарам и потащили их на воду. Несколько стрел полетело в сторону русских.

С удивлением Дежнев увидел одетую в меха фигуру, внезапно отделившуюся от коряков и бежавшую к русским. Как будто это была женщина.

Двое коряков кинулись за беглянкой.

С пищалью в руках Сидорка огромными скачками неся навстречу женщине. За ним спешили Дежнев, Фомка, Артемий Солдат, Байкал. Сидорка выстрелил на бегу в воздух. Коряки повернули к байдаре.

Женщина протягивала руки к русским. Слезы катились по ее лицу. Добежав, она кинулась на грудь к Дежневу.

— Деж-нев! Се-мен!

— Кто ты, сердешная? — ласково спросил Дежнев женщину.

Женщина зарыдала.

— Семен, Семен! — едва выговаривала она. — Это же я...

— Да кто ты? Откуда ты меня знаешь? — спрашивал все более недоумевавший Дежнев.

Приподняв за подбородок голову женщины, Дежнев глянул на ее заплаканное лицо и оторопел:

— Кивиль!

— И впрямь, Кивиль! — изумился Фомка, выронив пищаль.

— Рыбий глаз! Как же я ее не узнал! — хлопнул себя по лбу Сидорка.

Что и говорить, трудно было узнать некогда розово-щекую, веселую Кивиль в этой поблекшей женщине в грязном корякском платье! Охотники собрались вокруг Кивили.

Она долго не могла успокоиться и все всхлипывала. Мало-помалу она затихла.

— Добро, — сказал Дежнев, погладив ее по голове. — Расскажи нам теперь, доченька, о Федоте. Где он? Жив ли?

Слезы снова побежали из глаз Кивили.

— Нет Федота, — проговорила она наконец, — умер он.

— Умер? А его люди?

— Убиты...

— Пойдем-ко, доченька, к нам на коч. Отдохнешь. А там ты все нам расскажешь, — Дежнев обнял дрожавшую женщину за плечи.

Вокруг потемнело. Облака летели низко, моросил дождь. Корякские байдары скрылись во мгле. Ватага молча шагала за Дежневым.

Кивиль напоили кипятком с медом, привезенным издалека торговыми людьми.

— Ну, Кивиль, поведай нам, что было с тобой, с Федотом, со всеми его товарищами, — попросил Дежнев.

Кивиль растерянно обвела взглядом окруживших ее охотников:

— Как начать? Все спуталось...

— Не спеши. Что за чем приключилось, тем порядком и рассказывай.

Жалкая улыбка появилась на лице женщины.

— Помнишь, была буря, — подсказал Дежнев.

— Буря!

— Ты с Федотом плыла на коче. «Медведем» его звали...

— Федот был со мной, — в раздумье начала Кивиль, путая якутские слова с русскими. — Куда ты тогда пропал, Семен? Морской тойон гневался. Он раскачал море. Оно стеной вставало сзади, спереди. Я боялась, что тойон унесет Федота. Все кружилось! Мы падали туда-сюда. Ночь! Шум!

Кивиль вскочила и в ужасе закрыла лицо руками:

— Черная вода вокруг!

Дежнев бережно усадил Кивиль на свернутый канат.

— А вы? Все шли?

— Много дней, много ночей. Морской тойон смиловался. Федот повеселел.

Казаки и промышленные люди слушали Кивиль, стараясь понять ее бессвязную речь.

— Федот хотел увидеть землю. Мы увидели ее на утренней заре. Горы стояли, как зубцы на гребне. Одна гора, что выше облаков, курилась.¹

— Курилась?

¹ Ключевская сопка — высочайший действующий вулкан Камчатки. Высота 4745 метров.

— Дым шел. Та гора заворожила Федота. Шаман-гора! Он повел коч к ней. Мы вошли в реку.

— Как река-то зовется, доченька? — спросил Дежнев.

— Уйксаль.¹ Так зовут ее ительмены.²

— А земляца, где пристали?

— Федот звал ее: Кам-чат-ка.

— Камчатка? — переспросил Василий Бугор, слушавший рассказ с напряженным вниманием.

— Сказывай, милая, сказывай! — успокоительно приговаривал Дежнев.

— Я надела на Федота куяк и железную шапку. Мы сошли на берег. Гора, что выше облаков, была близко. Из нее шел дым и огонь.

— Что же на ней горело? Лес? — допытывался Бугор.

— Там не было леса. Только — снег. Ительмены говорят: это покойники топят свои юрты. Они варят китов.

— Где же они китов ловят, громом их разрази?! — удивился Сидорка.

— Ительмены сказывают, — проговорила Кивиль, — они ловят их в подземном море.

— Ладно, — вмешался Дежнев, — ладно. Ты, доченька, про Федота сказывай.

— Федот был светел, как месяц, — снова оживилась Кивиль. — Куяк и железная шапка его блестели. К нам подошли ительмены. Я испугалась. Страшные. Щеки, губы толстые. От них пахло рыбой, как от гагар. Они подняли копья. Вдруг гром загредел. Под землей гремел. Земля закачалась, как коч.

Артемий Солдат недоверчиво переспросил:

— Что закачалось?

— Земля, — тихо ответила Кивиль.

— А ты... не врешь?

Поглощенная воспоминаниями, Кивиль не слыхала вопроса. Закрыв глаза, она закинула голову. Величественная и грозная картина извержения Ключевской сопки вновь возникла в ее сознании.³

¹ Уйкоаль — камчадалское название реки Камчатки.

² Ительменами называют себя камчадалы.

³ Извержения Ключевской сопки происходят и поныне через каждые 7—8 лет.

— Река выбежала на берег и снова ушла. Шапка Шаман-горы загорелась. Огонь потек вниз. Ительмены пали перед Федотом. Они называли его Тыжил-Кухту. Меня называли Сидуку. Федя сведал после: Тыжил-Кухту — их бог, а Сидуку — жена его.

— Вот бы тебе, Артюшка, богом сделаться хоть у наших анаулов! Небось не оплошал бы! — засмеялся Павел Кокоулин, хлопнув по спине Артемия Солдата.

— Слушай, рыбий глаз! — свирепо прикрикнул Сидорка.

— За бога, стало быть, Федота сочли, — улыбнулся Дежнев.

— В лесу, когда Федот убил Улуу-Тойона и победил Курсуя, — сказала Кивиль, — я тоже думала, он — сам Юрюнг-Айыы-Тойон. Федот тогда смеялся надо мной... Ительмены целовали ему ноги, и мне — тоже. Они дали нам мясо, ягоды, меха.

— А гора? — спросил Василий Бугор.

— Она горела дни, ночи. По ней текли огненные реки. Она гремела, трещала. Вдруг из горы вылетел злой дух! Черной тучей закрыл небо и солнце! Потом туча пропала, огонь погас, гора смолкла.

— Видно, киты сварились и покойники взялись обедать, — не удержался Кокоулин.

Сидорка замахал руками, и тишина восстановилась.

— Потом мы плыли по реке Уйкоаль. Дошли до речки Никулы. Там Федот поставил избы. Речку Никулу прозвали Федотовщиной.

— Анкудинов не бунтовал? — спросил Дежнев.

— Этот дьявол только тем был человеком, что ел! Он прикинулся верным Федоту. У него были верны лишь следы на снегу! Он обижал ительменов. И они гневались.

— Грабил, наверно, громом его разрази!

— Федота ительмены любили, и Вятчанина, и Шабаква, и Месина! Весной Федот велел чинить коч. Он захотел обойти Камчатку.

— Вишь ты, неугомонный!

— Анкудинова-то взял он с собой? — снова спросил Дежнев.

— Не взял, — ответила Кивиль. — Он оставил с ним Олимпиева, Назарова, Федорова.

— Не дюже ладно сделал, — неодобрительно заметил Дежнев.

— Мы плыли по реке в море. С нами был ительмен Голгоч. Добрый. Привязался к русским. Было хорошо! Ительмены везде нас встречали. Они давали нам мясо и рыбу. Мы плыли по морю.

Путаясь и останавливаясь, чтобы собраться с мыслями, Кивиль рассказала Дежневу о плавании Попова вокруг Камчатки.

Коч подстерегали рифы и потайники, подводные камни, но Попов шел вперед, отходя в опасных местах дальше в море. Высаживаясь на скалистые берега, путешественники видели черных медведей, лакомящихся ягодами.

Попову посчастливилось удачно пройти пролив между Курильской лопаткой, южной оконечностью Камчатки, и гористым островом Шумшу. Едва коч обошел Лопатку, как «вздохнул океан-батюшко» — начался прилив. Вода с огромной скоростью хлынула через пролив из Тихого океана в Охотское море, образуя гибельные сувои — водовороты, способные потопить и большее судно, чем коч Попова.

Охотским морем (Кивиль называла его Пенжинским) Попов пошел к северу вдоль западного побережья Камчатки. Найдя судоходную реку Тигиль, Попов вошел в нее и поднялся до устья ее притока Ешхлина. Там, недалеко от корякских поселений, он пристал к берегу...

— Мы вышли на землю, — рассказывала Кивиль. — Шли по лесу. Я палкой рвала паутину, сшибала сучки. Закапал дождь. Но мы не спешили назад. Мне было хорошо! Я не знала, что горе близко...

— Что же приключилось дальше? — осторожно спросил Дежнев.

— За лесом прогремела пицаль. Федот вздрогнул, побежал к кочу. Там кричали. Навстречу из кустов — Голгоч. «Сипанг! Беда! — закричал он. — Через гору пришли ительмены. Они сказали корякам: «Федот не Тыжил-Кухту! Чужеземцы — не боги! Они смертны! На Федотовщине злой чужеземец Анкудинов убил другого чужеземца!»

— Кого?

— Покрученика Олимпиева.

— Пошто убил-то?

— Олимпиев не позволял обижать ительменов. Так велел ему Федот.

— Дальше! — торопил Дежнев.

— Ительмены напали на Анкудинова и его людей. Многих убили! Анкудинова спрятала его жена Купени. Камчадалка. Ночью они взяли бат¹ у отца Купени. Ушли рекою. Ительмены сказали корякам: «Убейте чужеземцев!» Коряки напали на наш коч. Убили покрученников! За что? Такие хорошие ребята! Митрий Вятчанин, Тимоша Месин, Шабakov, Александров! Старого Удиму убили...

— Вина на воре Анкудинове, — мрачно сказал Степан Сидоров.

— Великие беды приняли мы от разбойников! — сокрушенно проговорил Фомка.

— Рыбий глаз! Зачем у Большого Каменного носа я выловил из воды змею Анкудинова! — вскричал Сидорка.

— Досказывай, доченька, — попросил Дежнев.

— «Я тебя полюбил. Ты хороший, — сказал Голгоч Федоту. — Я пришел сказать: беги! Вот дорога к злому духу. Он спрячет тебя в белой юрте. Ительмены туда не ходят. Боятся. Ты ж был Тыжил-Кухту — тебе не страшно. Беги!» Голгоч скрылся. Погоня была близко. Топот! Крики! Мы побежали. Ветки хлестали нас, колючки царапали! Спустились в овраг. Там что-то шумело. Вошли в белый туман. Ничего не видно! Земля колебалась под ногами. Мы тихо шли, взявшись за руки. Чем дальше, шум громче. Я онемела от страха. Думала, вот выскочит злой дух! Дошли до большой ямы. В ней кипела вода. Как на огне. Шум был из ямы. Такой шум! Я не слышала Федота, хоть он кричал мне в ухо. От воды шел пар. Пахло тухлыми яйцами.

— Не маши рукой, — толкнул Сидорка Григория Байкала, — мы с Фомкой тоже горячий ключ находили!

— И дух от него был тухлым яйцом, мил человек, — подтвердил Фомка.

— Мы лежали у кипящей воды, — вспоминала Кивиль. — Без еды. Пили ту вонючую воду. В тумане увидели человека. Я подумала: дьявол идет, хозяин кипя-

¹ Бат — камчадальская лодка.

шей воды! Федот выхватил саблю. Человек приблизился, шатаясь, словно наелся мухоморов. То был Анкудинов.

— Анкудинов! Как же он вас нашел?

— Жена Анкудинова Купени довела его до ключа. Она спрятала его там, как нас — Голгоч. Они плыли по реке, перешли гору. Указав ключ, Купени ушла.

— Что ж Холмогорец? Срубил ему голову? — спросил Степан Сидоров.

— Анкудинов ползал у ног Федота. Просил пощады. Федот не тронул его. Он был добрый!

Дежнев сокрушенно качал головой.

— Прошел еще день. Федот решил идти к морю. Мы шли по лесам, горам и долам. Пока Федотова пищаль гремела, он убивал медведей и оленей. Мы дошли до моря. Пищаль перестала греметь. Федот бросил ее в воду. Шли берегом. Ели улиток, крабов. Голодали. Захворали. Федот сказал: цинга. Ноги не двигались. Анкудинов упал. Мы сидели возле него. Потом он умер. Мы пошли с Федотом вдвоем. Через два дня Федот тоже не смог подняться, умирал на голом камне. И он умер. Я легла рядом. Не хотела его оставить... Хотела умереть.

Кивиль замолчала, горестно опустив голову. Затем она тихо продолжала:

— Вот пришли коряки. Насильно накормили меня. Посадили в байдару. Увезли. Меня взял в жены Октенхут.

— Хоть не бил он тебя, сердешная? — участливо спросил Дежнев.

— Нет. Бил, только наевшись мухоморов. Тогда он был бешеный. Я не плакала. Мне было все равно. Жизнь моя кончилась...

Долго молчали казаки и промышленные люди, выслушав рассказ Кивили о судьбе Попова, первого исследователя Камчатки. Кто знал Попова, все жалели о смерти хорошего товарища. Кто не знал его, и те были тронуты бесхитростным рассказом несчастной якутки.

Этим людям не могло прийти в голову, что кто-то может больше жалеть загубленное Поповым имущество, чем его самого. Меж тем, едва ли не в тот же день, в Якутский острог пришла из Москвы челобитная гостиной сотни торгового человека Усова, хозяина

Попова. Усов просил воеводу, коли пропавший без вести Попов явится в Якутский острог, все «животы его» — имущество — переписать и опечатать, а самого Попова взять под стражу и отослать в Москву.

...Вечерело. Красный закат предвещал ветер. Моржи пытели на потемневшей корге, укладываясь на ночь. Волны плескались, ударяясь об обшивку коча. Казаки развели на берегу костер, чтобы сварить ужин. Запоздалые чайки летели с моря к берегу.

Вдруг Кивиль, словно пробудившись, стала оглядывать окружающих ее людей.

— Семен, где Михайла Захаров? — спросила она Дежнева.

— Год с лишним будет, как похоронили мы Ефима Меркурьева и Ивана Нестерова. Михайла же Захаров прежде того преставился. И на его могиле крест поставлен.

— Где Иванушка Зырянин? Где певец Бессон?

— В первую же зиму замерзли они, от голода ослабнув, Афанасий Андреев с ними же смерть принял.

Кивиль припала головой к мачте и заплакала.

— Сколько ж душ, приказный, осталось нынче от твоих ватаг? — спросил Василий Бугор.

— Считаю: Фомка Семенов, Сидорка Емельянов, Стенька Сидоров, Кивиль вот да я. Да к Стадухину от меня ушли Ивашко Вахов с Калинкой Куропотом. Вот и все.

— Семеро, стало быть, — задумчиво произнес Бугор.

— А вышло, мил человек, нас, дежневцев, шестьдесят душ. Да анкудиновцев — тридцать. Всех девяносто душ было, — сказал Фомка.

Собеседники замолчали. Каждый думал свою думу.

Кровь и жизнь сынов своих, столь великие жертвы приносил русский народ, неудержимо продвигаясь на восток, исследуя неведомые реки, познавая лик землицы-матери.

Но недолго буйные головы горевали о потерях! Иные мысли заронились в казацких головах. «Что это за Камчатка, о которой сказывала якутка? Что это за неведомая землица, где из гор текут огненные реки, где под землею гремят громы, где летом и зимой кипят горячие ключи? А не собратсья ли нам посмотреть на эти диковинки?» — вот о чем стали подумывать казаки.

14. На моржовом промысле

Вечерами, едва начинает смеркаться, моржи выходят отдыхать на берег. Первыми из воды вылезают старые самцы-секачи.¹ Маститые патриархи моржового общества грузно, вперевалку ковыляют дальше от воды. Они ищут места поспокойнее, где можно выспаться без помехи.

За ними следуют самцы помоложе. Они занимают большую часть берега. Моржихи же, имеющие сосунов-моржат, пропускают и тех самок, что ходят с годовалыми и детенышами-двухлетками. Лишь после них толстухи рискуют выйти на сушу. Им остается узкая полоска возле самого прибоя. На ней они и ложатся. Каждая заботливо прикрывает ластом своего малыша.

Близились утро. Чем светлее становилось, тем быстрее сменялись краски моря. Час назад, когда на небе блистали звезды, волны были черными, словно чернила, густыми и тяжелыми.

Рассвет сначала сделал море свинцовым. Вспыхнула заря — по волнам заплясали красные гребни. Но вот лучи светила брызнули сквозь туманы, и волны вмиг преобразились, став оранжевыми.

А солнце — все выше! Оно уж греет, ласкает. Туманы тают под шум теперь уж сине-зеленых волн. Но рокот волн не был единственной музыкой торжества засиявшего дня. Какой-то могучий рев, то гневный, то радостный, сливался со звуками моря.

Это ревели моржи, тысячи моржей, пробудившихся на корге. Клыкастые ластоногие чудовища крепко проспали ночь, плотно прижавшись друг к другу. Тогда они лишь сопели да тяжело вздыхали. Теперь огромные бури туши зашевелились, расталкивая друг друга.

Раньше всех всполошились моржихи, тревожившиеся за своих сосунов-моржат. Едва первый утренний рев возвестил о пробуждении стада, как они подхватили ластами своих еще сонных детенышей и тотчас ушли в воду.

Рев на берегу становился все громче, он был слышен за многие версты. Все стадо двигалось к воде. Задние звери, недовольные медлительностью движения, рыча

¹ Секач — опытный боец.

залезали на спины передних и переваливали через них, образуя кучи живых копошащихся глыб. Моржи угощали друг друга увесистыми ударами ласт, а иной раз и бивней.

Эту необычайную картину наблюдало несколько человек, прятавшихся меж камнями возвышенной части корги.

— Рев-от какой! Страсть! — не то восторженно, не то удивленно качал головой Фомка.

— Ровно черти свадьбу играют! — отозвался Сидорка хриплым шепотом.

— Вонща от них, что в свинарне у худого хозяина! — Григорий Байкал брезгливо сплюнул.

— Не время ль зачинать, приказный? — спросил из-за камня Василий Бугор.

Дежнев оглянулся. Он увидел приподнятую бровь Бугра и его губы, подергивавшиеся от нетерпения.

— Рано. Пошто все стадо пужать? Пусть себе сходят в море.

— Не упустить бы...

Некоторое время зверобои лежали молча, присматриваясь к движению животных.

— Ватага, слушай! — вдруг приглушенно заговорил Дежнев.

Зверобои подняли головы.

— Видите тех старых самцов, что начали подыматься? Тех, что на отшибе за белыми камнями? Их отрежем... Фомка! Тебе с Сидоркой и Гришкой Байкалом валить этого секача.

— Ну, рыбий глаз, бери рогатину! — сказал Сидорка Байкалу. — Будешь счастлив — запоешь, будешь несчастлив — заплачешь.

— Счастье, Сидорка, мил человек, легко на помине не бывает, — возразил Фомка.

— Верно, Фомка. Счастье без ума — дырявая су-ма, — сказал Дежнев. — С богом!

Фомка поднялся, опираясь на рогатину, поглубже нахлобучил шапку и почти бегом двинулся наперерез группе моржей. Сидорка с Байкалом спешили за ним.

— Того самца, что идет справа, валить тебе, Василий, с Данилой да с Иваном Казанцем. Идите.

Трое охотников встали.

— А на этого матерого секача, что заходит слева,

пойдешь со мной ты, Савва, и ты, Артемий. Тебе же, Федот, — заключил Дежнев, обращаясь к есаулу Ветошке, — зверя не бить, а с остальными людьми отгонять этих самцов от стада.

Огромный морж, выбранный Дежневым, переваливаясь, полз к стаду, от которого его отделяло сажень десять.

— Чудно же он ходит, морж-то! — прошептал Тюмонец. — Переднюю лапу вперед пальцами ставит, а заднюю — вроде бы пятой!

— Не лапы, ласты у него, — так же тихо ответил Артемий Солдат, на круглом веснушчатом лице которого было написано напряженное внимание.

— Слушай, Савка! — вполголоса сказал Дежнев, не отрывая взгляда от зверя. — Ты зайдешь справа и будешь колоть моржа чуть-чуть сзади переднего ласта.

— Ладно.

— Слушай дальше. Втыкай рогатину разом, что ни есть силы. Тут же выдерни ее и беги в сторону.

— Так.

— Не сможешь выдернуть рогатины — брось ее и беги. Помни: моржу тебя нужно задеть лишь раз. Задеет — и ты уж мертвый. Так не зевай!

Охотники приближались к зверю.

— Артюшка, ты зайдешь слева. Ну, ты знаешь, как колоть.

— А ты, дядя Семен? — не утерпел Тюмонец.

— Я-то? Я спереди пойду. Как он мной займется, улучите время и бейте.

Охотники были уже в двух саженьях от моржа, когда он резко повернулся, чтобы встретить их грудью. Приподнявшись на передних ластах, морж закинул голову и направил клыки на людей. Он был страшен, этот самец-секач, подобный лежавшему на брюхе слону! Спина его была четверти на две выше каждого из подошедших людей. Необъятная грудь зверя, вся покрытая, словно куяком, желваками-шишками, с кулак каждая, сделалась пегой от множества рубцов и ссадин. Это был боец, выдавший виды.

У Тюмнца мороз пробежал по коже, когда он глянул в гневные глаза зверя.

В гордой осанке моржа не было заметно ни тени страха. Морж выпятил раздвоенную мясистую верхнюю

губу, усаженную длинными жесткими усами, фыркнул, разбрызгивая пену, и издал короткий, но мощный рык.

Дежнев осторожно подходил к моржу спереди, выставив перед собой рогатину. Когда же морж неуклюжим рывком бросился на него, Дежнев отпрянул.

Сам не зная как, Тюменец оказался сбоку от зверя и, не долго думая, ударил его под ласт рогатиной. К великому удивлению Тюменца, бывалого медвежатника, рогатина не проколола прочной кожи зверя. Позже, свежая моржа, охотник узнал, что кожа моржа толщиной в два пальца. Подкожный жир смягчает удар.

Тюменец отпрыгнул после неудачного выпада, а морж бросился на Артемия Солдата, ранившего его с другой стороны. Солдат отскочил, едва избежав удара ластом.

Тут изловчился Дежнев и нанес моржу рану в шею, правда, легкую. Тюменец же, возбужденный своей неудачей, изо всех сил вонзил рогатину под самый ласт зверя. Быстрота, с какой разъяренный морж повернулся к Тюменцу, ошеломила охотников. Тюменец не успел опомниться, как сломанная рогатина вылетела из его рук.

Он отшатнулся, поскользнулся, упал. Мощный ласт вскинулся у самой головы Тюменца. Морж рванулся к лежащему охотнику, чтобы проткнуть его клыками. В это мгновение Дежнев поразил зверя в грудь. Тотчас лапы моржа ослабели, и он упал, уперев клыки в землю.

— Спасибо, дядя Семен! — сказал Тюменец, поднявшись с земли.

— За что, сынок? — недоуменно посмотрел на него Дежнев.

— Кабы не ты, не жить бы мне, — взволнованно говорил Тюменец.

— Э, полно! Сегодня я тебя выручил, завтра — ты меня. На том стоит наше товарищество, — ответил Дежнев.

Тюменец опасливо поглядывал на моржа. Зверь еще шевелился, но уже не рычал, а лишь тяжело вздыхал. Кровавая пена капала с его губ.

Дежнев подал знак Солдату прикончить зверя.

Дежневцы заканчивали разделку убитых моржей. Одни снимали с них шкуры, другие срезали и складывали в бурдюки сало, вырезали мясо, третьи очищали головы зверей. Черепа моржей вместе с их клыками, «рыбьим зубом», шли в государеву казну и тщательно учитывались.

Дежнев, снова и снова вспоминая о Попове, медленно возвращался на коч. Как и другие охотники, он нес тяжелую суму, наполненную охотничьей добычей.

Движение стада моржей, лежащего на ночь, постепенно стихало. То там, то здесь между моржами возникали короткие схватки. Рев и беспорядочная возня вспыхивали и быстро затухали.

— Дядя Семен! — окликнул Дежнева шедший за ним Савва Тюменец. — Парус!

— Юрий Селиверстов подходит.

— Да куда ж он, рыбий глаз, прет? В самое лежбище!

— Всех маток распугает, лиходея! — проворчал Артемий Солдат.

С приближающегося коча слышалась перебранка.

— Молчать! Я — хозяин! Где велю, там и пристаешь! — донесся до Дежнева грубый окрик.

Судно подошло к моржовому лежбищу на веслах и врезалось в гальку. Моржихи, подхватив детенышей, кинулись в воду.

Дежнев бросил свою суму и решительно направился к подошедшему кочу. Его спутники последовали за ним.

Дежнев был в сорока шагах от коча, когда в наступивших сумерках несколько человек сошли на берег. Раздался выстрел. Стрелявший целил в моржонка,глянувшего из-за круглой спины матери. Морженок хрюкнул и свалился замертво. Стадо всполошилось. Невообразимый рев поднялся со всех сторон.

Широкими шагами Дежнев подошел к высокому костистому мужчине. Это был Юрий Селиверстов. Он с любопытством наблюдал, как моржиха, издавая жалобные стоны, подталкивала к воде убитого детеныша. Она ползла у самых ног людей, пытавшихся палками и рогатинами преградить ей путь. Моржиха не видела людей, не обращала внимания на удары...

— Ты что делаешь? — гневно спросил Дежнев.

Селиверстов неторопливо обернулся:

— Ась?

Тут моржиха схватила ластом мертвого детеныша и бросилась с ним в воду.

— Упустили, дурачье, — процедил сквозь зубы Селиверстов.

— Хочешь все стадо распугать?! — еще более грозно спросил Дежнев.

— А ты что ко мне пристал? — нагло выпятил грудь Селиверстов, заложив руку за пояс.

Он в упор смотрел на Дежнева. Жесткий взгляд его выражал уверенность в себе. Перед Дежневым стоял человек, привыкший грубой силой сметать препятствия. Было ясно — Селиверстову бесполезно что-либо доказывать. Селиверстов не был лишен ума, но совести у него было не больше, чем у волка.

— Тотчас отведи коч за камни! — приказал Дежнев, не спуская глаз с Селиверстова. — Поставишь его рядом с моим.

— «Отведи!» — насмешливо повторил Селиверстов. — Что я тебе? Покрученик? Батрак?

— Будешь артачиться, — отберу коч и живо спроважу тебя с корги, — раздельно, не повышая голоса, проговорил Дежнев.

Поворчав, Селиверстов, однако, подчинился. Он вернулся на коч и отошел от берега.

Один человек с его коча остался на берегу. Ему можно было дать лет сорок. Одетый, как большинство промышленных людей, в грубошерстный кафтан, он отличался от них лицом и манерами. Это был торговый человек Анисим Костромин, пришедший на Анадырь пять лет назад с отрядом Семена Моторы. Здесь он превратился в промышленника-зверобоя. Дежнев поручил ему довести до корги коч, одолженный Селиверстову для промысла.

— Ну что, Анисим? — спросил Дежнев Костромину, заметив его озабоченность.

— Зря ты, приказный, дал этому волку коч! Напрасно пустил его на нашу коргу.

— Что поделаешь! — вздохнул Дежнев. — Воеводский приказ привез.

— Хорошего человека употчуешь кусом, а худого,

видно, не употчевать и гусем. Сколько мы ему добра сделали! Корм дали. Избу освободили: живи-поживай! Два коча дали. На коргу пустили. Так нет же! Что хаму ни дай, все ему мало!

— Что ж он натворил? — нетерпеливо спросил Дежнев. — Уж напакостил?

— Хочешь знать, отчего мы замешкались? Только ты ушел, Юшка Селиверстов гонца стал сряжать, Аверку Мартемьянова.

— Куда же гонец-от понадобился?

— На Колыму! Дале того — в Якутский острог!

— Ишь ты! А ведь ничего не сказал мне. И я бы с тем гонцом послал отписки воеводе. Давно о наших нуждах надобно ему отписать.

— Где там! Гонец-от тайный был.

— Зачем же ему быть тайным?

— Зависти ради. Селиверстов ложно написал воеводе, что не мы с тобой, Семен, нашли эту моржовую коргу, а он, Юшка!

— Чтoб его болячка удавила! — слышался в темноте голос Сидорки.

— Пять лет, мол, уж тому, как он с Михайлой Стадухиным эту коргу нашел, а Дежнев, мол, его, Юшкиными, трудами пользуется!

— Ему, как свинье, век на небо не глядеть! — прогудел бас Фомки.

Старик был глубоко возмущен.

— Как ни хитри, а правды не перехитришь, — сказал Дежнев.

Он задумался. Предстояла новая, неожиданная борьба. Нужно писать, оправдываться, доказывать, что день бел, а ночь черна...

Мореходы молча подходили к кочу.

15. Новые тревоги

Утро было ветреное. Обрывки серых облаков стремительно летели над головой. Море нахмурилось, вздулось. Оба коча зверобоев мотались на якорях, описывая мачтами широкие дуги.

Кивиль уже поднялась и умылась у моря, когда зве-

робои начали пробуждаться. Возвращаясь, она встретила Дежнева. Он спросил:

— Доченька, как жить-то думаешь?

Кивиль, подняв голову, грустно взглянула на Дежнева.

— Мой народ говорит так, — ответила она, — и у великих гор есть проходы, и у синей воды — броды.

— Добрые слова.

— Дозволь мне, Семен, жить близко от тебя, чтобы было у кого защиту просить.

— Защиту у меня всегда найдешь.

— Не то, дитяtko, — сказал подошедший Фомка, — живи-ко в моей и Сидоркиной избе. Будешь мне заместо дочки, а Сидорке — племянницей.

— Спасибо, Фома, — ответила Кивиль, — я буду хорошей дочерью.

Зевая и потягиваясь, подошел Юрий Селиверстов. Он пристально смотрел на Кивиль.

— Чья бабенка? — нарочито небрежно, ковыряя в ухе, спросил он Григория Байкала.

— Вдова Федота Попова, Холмогорца.

— А нешто он помер?

— Погиб, — ответил Байкал.

— Вона!

Селиверстов еще раз в упор взглянул на Кивиль и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Добро! Стало быть, я буду ей мужем.

— Не по шерсти рыло! Этого тебе не донюхаться! — выпалил Сидорка.

— Где бы ястреб-от ни летал, везде ему свежий мо-сол, — вздохнул Фомка.

Кивиль стояла безучастно, словно речь шла не о ней.

— Быть ли тебе ее мужем, надо еще у нее узнать, — глухо промолвил Дежнев.

— За малым дело, — презрительно сказал Селиверстов. — Эй, бобриха! Подь-ка ко мне!

Женщина не шелохнулась.

— Не глухая ли ты тетерка?

— А ты насыпь соль пташке на хвост, — может, и дастся тебе в руки, — съязвил Сидорка.

— Кивиль, — мягко обратился Дежнев к женщине, — этот человек спрашивает, не хочешь ли ты быть его женой. Что ответишь?

— Нет, — отрезала Кивиль.

— Вишь как! Вместо ореха — да свищ! — Сидорка, скорчив рожу, хлопнул себя по ляжкам.

Селиверстов досадливо взглянул на него.

— Что тут за птица крикает? — спросил он, смерив Сидорку с головы до ног.

— Не велик чин — обойденыш. Я то самое «ни то, ни се», что варилось, кипело, да малость пригорело, — с нарочитой любезностью петушиным голоском отвечал Сидорка, низко кланяясь.

— Тыфу! — сплюнул Селиверстов, смекнув, что Сидорки ему не пронять.

Он шагнул к Кивили и схватил ее за руку:

— Иди за мной!

Дежнев положил руку на плечо Селиверстова:

— Ты вот что, Юрий, не очень-то здесь расходишь. Пусти женщину! Она под моей защитой.

— А ты кто такой? — насмешливо спросил Селиверстов, расставив ноги и подбоченясь.

— Я здесь приказный, — спокойно ответил Дежнев.

— Приказный, да самозванный! Вот тут, — Селиверстов хлопнул себя по карману, — тут наказная память от самого воеводы Дмитрия Андреича Францбекова!

— Уж какой-то новый воевода! — удивился Василий Бугор.

— Вот она! — продолжал Селиверстов, вынув бумагу. — А кому наказная память-то писана? Приказному на Анадыре-реке Михайле Стадухину. Вот кто приказный! А ты что? Так, небылица.

— Что ты брешь! — возмутился Фомка. — Разве Дежнев не был миром избран?

— Рыбий глаз! — вмешался Сидорка. — Не колымский ли приказный выдал Дежневу отпуск и наказную память?

— По всему видать, ты лжец и вор! — вскричал Дежнев.

— Я — вор?

— И стакнулся ты, Юшка, с таким же, видно, вором воеводой, каков ты сам!

— Э! Да тут государевым делом пахнет! — прицепился Селиверстов. — Вы слышали, как он, Дежнев, боярина воеводу обозвал вором?

— Как же ты, Юшка, не лжец, коль только что втай-

не послал в Якутский острог Аверку Мартемьянова? — выступил вперед Василий Бугор.

— Ну, послал! То мое дело, куда кого посылать!

— Это так. Да Аверка повез отписку, где ты ложно писал воеводе, будто эту моржову коргу не мы с Дежневым, а ты с Михалкой Стадухиным сыскал! — глядя в глаза Селиверстову, сказал Анисим Костромин.

— Это ли не ложь?! — не унимался Василий Бугор.

— Все разнюхали, собаки! Кто ж меня продал? А коргу я сыскал! Докажите, что нет!

— Что тебе, басурману, доказывать? Мы воеводе докажем! Я ведь тоже со Стадухиным тот раз в море ходил! — сказал Василий Бугор. — Я знаю, докуда мы доходили.

— Семь ден лишь ходу было! До носа Эрри только и дошли, — выступил Иван Казанец.

— Лжец! Вор! — слышались возмущенные голоса. Дежневцы обступили Селиверстова.

Селиверстов злобно глянул вправо и влево. Везде он видел гневные и враждебные лица. Его люди стояли в стороне, кто безучастно, кто ухмыляясь. Но не таков был Юрий Селиверстов, чтобы смириться.

— Молчать, горлодеры! — закричал он, подняв над головой бумагу. — Слушать наказную память воеводы! Воевода вас, изменников, к ответу требует!

Пока Селиверстов вертел в руках наказную память, отыскивая нужное место, крики и угрозы продолжались.

— Вот! — Селиверстов хлопнул ладонью по бумаге. — Здесь про вас, злыдней, сказано: «А ему бы, Михайле, взяв на поруки, выслать бы к нам в Якутский острог беглых служилых людей: Ваську Ермолаева Бугра...»

Оторвав глаза от бумаги, Селиверстов торжествующе указал пальцем названного. Бугор почесал затылок.

— «Евсейку Павлова»!

— Пошла Настя по напастям! — пробормотал Павлов.

— «Пашку Кокоулина»! — продолжал выкликать Селиверстов.

Селиверстов вычитывал имена беглых казаков. Больше их части не было на Анадыре. Об одних слышались возгласы: «Убит! Закопан! Утонул!» О других говорили: «Нет. Ушел со Стадухиным».

Список беглых закончился, а Селиверстов все продолжал читать:

— «Есаула Федотку Емельянова Ветошку»!

— Меня-то за что? — удивился Ветошка.

— А ты забыл, что ушел с Колымы с Моторой без дозволения приказного? — злорадно напомнил ему Селиверстов.

— Пытки не будет, а кнута не миновать, — бесстрастно сказал Кокоулин.

— «Никиту Семенова»!

— А я в чем повинен?

— «Семена Мотору»!

— Убит.

— «Торгового человека Аниську Костромина»!

— Да, под кем лед грешит, а под нами ломится, — задумчиво проговорил Костромин.

— Откуда ж ты, досадный, на нас навернулся? — вдруг спросил Фомка, с возраставшим удивлением слушавший Селиверстова. — Вылез, ровно шишига из-под коряги!

— Всех вычитал, — сказал Селиверстов, опуская бумагу. — Придется тебе, приказный, выслать своих людишек к воеводе на выучку. Ась?

— Не бывать этому, — спокойно сказал Дежнев.

— Сам ответишь! — пригрозил Селиверстов.

— Правда суда не боится! Эти люди при государственной казней и соболиной казне службу несут. И я их от казны не отпущу.

— Не выдал приказный! — радостно выкрикнул Бугор.

— Ну как? Съел грибок? Не мухомор ли то был? — спрашивал Сидорка, строя рожи Селиверстову.

— А ту казненную казнь, что мы вместе с вами насобирали, — сказал Дежнев, обращаясь к Бугру, Ветошке и Костромину, — будет время, вместе же в Якутский острог отпровадим.

— Слыхал, рыбий глаз? — хихикнул Сидорка. — Вместе и отпровадим!

— Пес с вами! — злобно огрызнулся Селиверстов, отворачиваясь.

— Да, — вздохнул Фомка, — сытый волк, видно, вправду смиреннее завистливого человека.

16. В Анадырском зимовье

Аманат Чекчой первым заметил коч Дежнева, едва показался парус. Рот Чекчоя растянулся в радостной улыбке:

— Эво! Хозяин Семен идет!

Чекчой во весь дух пустился к зимовью.

В те годы зимовье дежневцев вовсе не походило на тот хорошо укрепленный острог, что позже вырос на его месте. Тына и сторожевых башен не было. Вокруг небольших изб был лишь забор. Как выразился Курбат Иванов, сменивший через несколько лет Дежнева, прежний приказный жил «оплошливо».

Эта «оплошливость» объяснялась дружелюбными отношениями Дежнева с местными жителями — ходынцами и анаулами.

Конечно, в те времена мир на такой отдаленной окраине, как Анадырь, был относительным понятием. Бывало, и Дежнев воевал, умирняя какого-нибудь князьца, вроде Когюни. Он управлял огромной областью, включенной в состав русского государства.

Со временем ходынцы и анаулы убедились, что приказный не злопамятен, не жаден и справедлив. Хоть он и требовал положенный ясак, а лишнего не брал. И окрестные жители уважали Дежнева. Тот же Чекчой, аманат-заложник, присутствие которого в зимовье обеспечивало уплату ходынцами ясака, отнюдь не чувствовал себя у Дежнева пленником. Скорее он был членом семьи дежневцев, ходил с ними на охоту и на ловлю рыбы; никто его не стерег, и никуда он не думал убежать. Чекчой полюбил Дежнева...

Добежать до зимовья и поднять там радостную тревогу было для Чекчоя недолгим делом.

Василий Виллой, оставленный старшим зимовья, вышел из избы, зевая и потягиваясь.

— Ты что, пострел, равно бы с цепи сорвался? Ну, что там? — ворчливо спросил он запыхавшегося Чекчоя.

— Семен идет! — прокричал Чекчой и бросился к реке.

За ним сбегались на берег все оставшиеся в зимовье люди, махая шапками и выкрикивая приветствия.

Коч пристал к крутому берегу. Дюжие руки перебросили на борт длинные вымостики, и Дежнев, по обы-

чаю, первым сошел на берег. Василий Вилюй доложил, что в зимовье «все, слава богу, благополучно».

Охотники стали выгружать тяжелые кули с моржовыми клыками. Чекчой, радуясь не меньше дежневцев, ахал и восхищался при появлении каждого куля.

— Великую казну мы собрали государю, — сказал Дежнев, — а вот отпровадить ее мудрено. Думал я отпустить ее морем вокруг Большого Каменного носу, да труден тот путь. Чукчи говорят, что не во все-де годы льды относит от берегов в море.

— Мы знаем Студено море, — сказал Степан Сидоров. — Без доброй судовой снасти, без доброго паруса и якоря как идти?

— Не приведи бог, государева казна потонет! — проговорил Фомка. — Что тогда делать?

— Вот то-то и есть, — задумчиво сказал Дежнев.

— Хозяин! Семен! — Чекчой схватил Дежнева за рукав. — Хочешь, мои братья отвезут казну на оленях? Через горы! На Анюй-реку! На Колыму отвезут!

— А возьмутся ли? — спросил Дежнев с некоторым сомнением.

— Я попрошу! Отвезут.

— Ну, Чекчоюшка, попроси. Очень меня уважишь. Я в долгу не останусь.

Дежнев насторожился, прислушиваясь к отдаленным крикам. Люди переглянулись.

Из зарослей тальника показались трое юкагиров верхом на оленях. Всадники криками и ударами понукали оленей, но загнанные животные едва двигались. Шагах в ста один из оленей споткнулся и грохнулся оземь. Соскочивший с него всадник, не обращая внимания на издыхавшее животное, побежал дальше, к Дежневу.

Лица прискакавших юкагиров были измучены, грязны и окровавлены, одежда изорвана.

— Карбурга! Чена! Дядя Одылдай! — беспокойно заметался Чекчой, узнав прибывших.

У старшего брата Чекчоя, Карбурги, был рассечен лоб, а левая рука висела плетью. У дяди Одылдая был выбит и кровоточил глаз. Перекошенное лицо Одылдая и скрип его зубов показывали, как он страдал. Средний брат Чекчоя, двадцатилетний Чена, видимо, отделался

легче своих спутников. Лишь синяк под глазом свидетельствовал о его участии в схватке.

Перебивая друг друга, юкагиры рассказывали, что их стойбище разгромили коряки.

— Сколько их? Откуда пришли? — допытывался Дежнев.

— Из-за горы, — поспешно ответил Чена. — Много воинов.

— С Пенжины-реки те коряки, — пояснил Карбурга. — Пятеро коряков было на каждого ходынца, — прибавил он, видимо стыдясь поражения своего племени.

— О-хо-хо! — стонал Одылдай, сжимая виски. — Вот как больно!

Из уцелевшего глаза юкагира выкатилась слеза и, оставляя след, поползла по щеке.

— Дядю Негальбу убили, — сказал Чена.

— Деда Чепачея убили. Уянду убили, — причитал Карбурга. — А! Сил нет! Жен и детей с собой увели!

Глядя на искаженное гневом и горем лицо Карбурги, Дежнев вспомнил, что Карбурга недавно женился.

— Большое горе, — посочувствовал Дежнев.

— Ай-яй-яй! — стонал Одылдай. — Много убили. Юрты погромили. Оленей угнали. Чем жить?

— От черта — крестом, от свиньи — пестом, а от лихого человека, видно, нечем, — вздохнул Фомка.

— Семен! — вдруг кинулся к Дежневу Чекчой. — Ходынцы платят царю ясак. Оборони нас!

— Ты большой воин, приказный, — подхватил Карбурга. — Просим защиты. Помоги отбить жен и детей.

— Ой-ой! — всхлипывал Одылдай. — Помоги, приказный!

— Как без оленей отвезти твою казну на Колыму? — спрашивал Чекчой.

— За правду бог и добрые люди! — ответил Дежнев. — Мы вам поможем.

— Ты хороший человек! — воскликнул Чекчой.

Подшло еще несколько ходынцев, стекавшихся к русскому зимовью, своему единственному прибежищу. Многие из них были ранены. Некоторые прибыли на оленях, большая часть пешком.

— Знаешь ли ты, Карбурга, куда отошли коряки? — спросил Дежнев.

— На полдень. Назад на Пенжину.

— Нет ли отсель прямой тропы на их путь?

Юкагиры заговорили меж собой по-своему.

— Есть тропа! — вдруг уверенно сказал Карбурга. — Есть дол, что выведет на их путь. Коряки идут перевалом. Там — дальше.

— Коряки пойдут неспешно, — рассудил Фомка. — Со стадами оленей не больно поторопишься.

— Догоним, — уверенно сказал Василий Вилюй. — Ловит волк, да ловят и волка.

— Тебе идти в погоню, Федот, — сказал Дежнев есаулу Ветошке. — Сколько людей тебе надобно?

— Бойцов бы пятнадцать, да, верно, столько не дашь.

— Не дам. Нужно рыбу ловить. Возьмешь одиннадцать человек, сам — двенадцатый. Да ходынцев столько же будет, коль не больше. Кому идти, сам выберешь. Поход скорый. Бери людей помоложе, из тех, у кого руки чешутся. Пашку вот возьми, — показал Дежнев на Кокоулина.

Тот ухмыльнулся, довольный, и задорно потрянул головой.

Отряд Ветошки, позвякивая саблями, вышел из зимовья. За спинами бойцов висели пищали и мешки с едой. На плечах казаки несли бердыши. Впереди, рядом с Ветошкой, шли проводники — Карбурга, Чекчой и Чена. За русским отрядом спешили юкагиры, которых собралось уж человек двадцать. Дежнев вооружил их луками, копьями и топорами.

Ветошка догнал коряков. «Огненный бой» русских сделал свое дело. После первого же залпа коряки бежали. Пленные женщины и дети с радостными криками бросились к мужьям и отцам. Юкагиры погнали своих оленей назад к ходынскому стойбищу.

Необходимость доказывать свое первенство в открытии моржового промысла на Анадыре тяготила Дежнева. Он знал, что это нужно, что он должен защитить не только свои интересы, но интересы всего отряда. Однако осенняя охота на оленей, постройка избы и нового коча, заготовка дров — эти жизненно важные хлопоты — до самого февраля мешали Дежневу заняться отпиской воеводе.

В феврале начались бураны. Работы прекратились, и Дежнев засел за обстоятельную отписку. Она писалась почти полтора месяца при свете коптящих сальников. Никто из отряда Селиверстова в избу не допускался, но сподвижники Дежнева принимали горячее участие в обсуждении и сочинении отписки.

— Пиши, Артюшка, — говорил Дежнев после некоторого раздумья. — Писал-де он, Юрий, в Якутский острог, что ту коргу, и морского зверя, и заморную кость приискал он, Юрий, когда был с Михайлой Стадухиным, а не мы, служилые и промышленные люди.

— Ишь, проходимец! — Василий Бугор потрянул кулаком.

— Пиши дальше, — продолжал Дежнев. — И то он, Юрий, писал ложно, потому что бежали они с Михайлой по морю семеро суток, а реки-де не нашли никакой. Не доходил он, Михайла, до Большого Каменного носу.

— Где ж ему было дойти за семеро-то суток! — возмущался кочевой мастер Сидоров. — Мы до того носу лишь за три месяца добрались!

— ...до Большого Каменного носу, — поскрипывая пером, повторял Солдат слова Дежнева. — Написал!

— Эх, рыбий глаз, бумагу закапал! — схватился за щеку Сидорка.

Лицо Артемия Солдата выразило растерянность и отчаяние:

— Батюшки, беда! Что ж делать? Переписать сызнова?

— «Переписать»! Голова! Бумаги-то почти не осталось, — возразил Дежнев. — Видно, придется послать отписку воеводе так уж, как есть. Пиши: а тот нос вышел в море гораздо далеко. А живет на нем людей чукчей много.

— Не худо б тебе, Семен, и про зубатых людей помянуть, — промолвил Фомка, что-то глубокомысленно соображавший. — Люди они хорошие. Обошлись с нами ласково.

— Дело. Пиши, Артемий: против того ж носу на островах живут люди. Называют их «зубатыми», потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных.

— А не написать ли нам здесь и про разбитый коч Анкудинова? — спросил Дежнев товарищей.

— Надо бы, — согласился Степан Сидоров.

— А тот Большой нос, — диктовал Дежнев, — мы, Семейка с товарищами, знаем, потому что разбило у того носу судно служилого человека Герасима Анкудинова.

— Он за худо принялся, а худо — за него, — нравоучительно заметил Фомка.

— И мы, Семейка с товарищами, — медленно говорил Дежнев, — тех разбойных людей взяли на свои суда и тех зубатых людей на острове видели. Готово? Пиши: а от того носу до Анадыря-реки и корги далеко.

Весь красный от жары и натуги, Артемий Солдат усердно скрипел пером. На серой, помятой бумаге, рожденная спором Дежнева с Селиверстовым, возникала знаменитая впоследствии отписка Дежнева, поведавшая потомкам о его славном подвиге.

Дежнев кратко описал природные особенности Анадыря.

«А река Анадырь не лесна, и соболей по ней мало, — читаем мы в его отписке. — С вершины реки — малый

листвяк.¹ Черного лесу нет никакого, кроме березняка и осинника. А от Малого Майна,² кроме тальника, нет лесу никакого, а от берегов лесу нешироко, все тундра да камень. А той реки Анадыря сделан чертеж с Анюя-реки³ и за Камень на вершину Анадыря, и рек, что впади в Анадырь, больших и малых, и до моря, и до той корги, где вылегает зверь».

Чертеж, приложенный Дежневым к отписке, был плодом его шестилетних исследований Анадыря. Природная смекалка русских землепроходцев помогала им делать сложные чертежи огромных областей, рек и горных хребтов. Изображая местность на бумаге, они ориентировались по солнцу. Их инструментами были матка-компас да линейка.

Землепроходец и мореход по духу, Дежнев не мог удовольствоваться лишь добычей «рыбьего зуба» и соболей. Он пытливо изучал открытый им край. Обремененный тяжелыми трудами, необходимыми для поддержания жизни, Дежнев не только сумел пройти весь Анадырь от истока до устья, но проследил и течения «рек, что впади в Анадырь, больших и малых».

Участок же от притока Колымы Малого Анюя до верховьев Анадыря был начерчен Семеном Моторой и Никитой Семеновым, прошедшими его в 1650 году.

Русские землепроходцы создали славную традицию вычерчивания пройденных ими путей. Ей следовали все позднейшие русские путешественники — исследователи нашей необъятной Родины.

Описал Дежнев и рыбные промыслы, кормившие жителей Анадырского края: «А большой промысел здесь пушальницами,⁴ потому что река каменная, крутая. А рыбы красной приходит много. И та рыба внизу Анадыря от моря идет добра, а вверх приходит худая. Та рыба замирает вверху Анадыря-реки, а назад к морю не вы-

¹ Л и с т в я к — лиственница.

² Река Майн — правый приток Анадыря. Она образуется слиянием Большого Майна и Малого Майна.

³ Малый Анюй и Большой Анюй — правые притоки Колымы. Сухопутная дорога с Колымы на Анадырь сначала шла по Малому Анюю, затем — через водораздел к Большому Анюю, пересекала его и через горный перевал вела к реке Яблону, правому притоку Анадыря.

⁴ Пуш а л ь н и ц а — сеть, применявшаяся для ловли сига.

плавает. А белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет. А государевых аманатов красною рыбою кормить мы не смеем, чтоб им, с того корму ошинжав, не помереть, и нам бы от государя за то в опале и в казне не быть. А запасаем мы им только белую рыбу. Мы же голодны, в корме нуждаемся, едим мы заморную рыбу кету».

Читаешь эти скучные строки и не знаешь, чему больше удивляться: самоотверженности ли простого русского человека, отдававшего лучшую пищу «государевым аманатам»; неприхотливости ли русских людей, считавших, что для них самих сгодится и дохлая кета, плывущая после икрометания вверх брюхом по течению.

— Хороша твоя отписка, Семен, — сказал есаул Федот Ветошка, когда подписанная Дежневым и Никитой Семеновым отписка была прочитана всему отряду. — Дюже хороша. Но... — Ветошка нерешительно посмотрел на Дежнева и почесал затылок.

— Досказывай, — глядя в глаза Ветошке, сказал Дежнев, — коль что не так, поправим.

— Все так, — вздохнул Ветошка, — лучше не напишешь.

— Все по чистой правде! — воскликнул Фомка.

— Так-то оно так, — согласился Ветошка. — А все ж там могут не поверить.

— Да почему же?

— Писано от двоих приказных, — ответил Ветошка. — Воевода может сказать: «Кто их там знает! Может, и стакнулись они, Семен да Никита, чтоб обойти Стадухина с Селиверстовым». А те той порой свою кривду будут доказывать.

— Да, — молвил Дежнев, подумав, — могут и не поверить. Но что же сделать, чтоб поверили?

— А вот что, — расправив усы, внушительно ответил Ветошка. — Должны мы все, миром, подтвердить слова нашего приказного. Одному не поверят, двоим не поверят, ну а миру нельзя ж не верить!

— Ай да Ветошка!

— Напишем-ко мы, ребята, вслед за их, Семена да Никиты, отпиской и свою! — предложил Ветошка, обращаясь ко всей дружине.

— А не написать ли нам не воеводе, а самому царю Алексею Михайловичу! — загорелся Бугор.

— Ишь куда хватил, рыбий глаз!
— Коль царю писать, то будет уж не отписка, а челобитная, — уточнил Анисим Костромин.

— А в той челобитной мы и о своих нуждах государю отпишем, — прибавил Ветошка.

— И о трудах наших, — вставил Бугор.

— Попросим его простить нас за побег из Якутского острога, — проговорил Артемий Солдат.

Все согласились, что нужно писать царю. Артемий Солдат снова вооружился пером и заскрипел им, потянув пуше прежнего.

Когда ж, через несколько дней, челобитная была готова, двадцать четыре человека приложили к ней свои руки.

— Теперь, други, давайте думать, кому идти с отпиской да с челобитной на Колыму, — обратился Дежнев к собравшимся. — Заодно уж им и государеву казну — «рыбий зуб» придется волочить. Что же ей залеживаться... А дело нелегкое дойти до Колымы! Перевалы переняты коряками, что погромили ходынцев. Есть ли охотники?

Никто не отозвался.

— Может, ты, Федот, пойдешь? — спросил Дежнев у Ветошки после некоторого молчания. — Ты надумал писать челобитную, и твоя рука под ней первая.

Долго не отвечал накупившийся Ветошка.

— Идти мне на Колыму не можно, — сказал он, наконец. — Сам знаешь, ушел я оттоль с Моторой без спросу. Посадит меня приказный под замок да отошлет в железках в Якутский острог.

— Артемий Солдат, Василий Бугор, ваше слово, — вызвал Дежнев.

— Быть нам битыми за побег из Якутского острога, — переглянувшись с Бугром ответил Артемий Солдат.

— Не время еще нам идти, — прибавил Бугор, — пойдем — сидеть нам в тюрьме. А это, после вольной-то жизни, — смерть.

— Дружина Алексеев!

— Как казну мы потянем, упустив время? Апрель. Того и гляди развезет. Казну потеряем, сами сгинем, — возразил Алексеев, избегая глядеть в глаза Дежневу.

— Трудно уволочь казну, — сказал и Василий Виллой,

впалые щеки которого свидетельствовали о начинавшейся цинге. — Распутье близко. Мы ж голодны. Едим замерзшую кету. Сил не хватит доволочься до Колымы...

Долго думал Дежнев после слов Вилюя.

— Ладно, — сказал он наконец. — Казну волочить обождем. Кто охотник доставить лишь отписки?

— Я бы пошел, — вслух раздумывал Иван Казанец, — да не ведаю, отпустят ли назад. А здешнюю вольную жизнь менять на батоги да на подневольщину уж больно обидно.

— Однако же кому-то идти надо, — твердо проговорил Дежнев.

— Ин, видно, мне идти, — прозвучал надтреснутый голос Сидорки.

Сидорка встал, тонкий, как жердь.

— Кто ж пойдет со мной во товарищах? — спросил он, вглядываясь в лица охотников.

— Прости, Сидорка, мил человек, — смущенно проговорил Фомка. — Рад бы я с тобой идти, да не с кем названую дочку Кивиль оставить.

— Я пойду! — вдруг прозвучал неуверенный голос.

В круг вышел молодой, неказистый с виду парень, Панфил Лаврентьев. На его курносом лице было написано смущение. Он как бы извинялся за свою смелость.

Сидорка смерил его насмешливым взглядом. Лаврентьев еще более смутился и покраснел.

— А дорогу-то ты помнишь? — спросил его Сидорка. — Ведь я тем путем не хаживал.

— Не знаю... — неуверенно ответил Лаврентьев. — Четыре лета минули, как мы там прошли... Может, и позабыл.

— А коряков, что переняли перевалы, не боишься? — продолжал допрос Сидорка.

— Чего мне их бояться?

— А голода?

— Апрель ноне. Олений ход близится. Перебьемся!

— А волков?

— Не. Что нам волки?

Рот Сидорки растянулся улыбкой. Сидорка взмахнул рукой словно цепом, и схватил парня по плечу:

— Идем, рыбий глаз! Погляжу я, каков ты есть землепроходец-опытовщик!

— Видать, поладили, — улыбнулся Дежнев.

— А без проводника нам, приказный, не дойти, — серьезно, против обыкновения, сказал Сидорка Дежневу. — Дорога, бают, путаная. Отрогов да кряжей — счету нет! Чуть собьешься, вовсе не туда угодишь.

— Хозяин Семен! — вдруг выступил Чекшой. — Я буду проводником! Дозволь, Семен.

На рассвете 4 апреля 1655 года трое вооруженных путников вышли из Анадырского зимовья. Скользя на лыжах, они взяли направление вверх по Анадырю и исчезли в предутренней мгле.

17. В Москву

Приемо-сдаточная отпись на все государево имущество Анадырского зимовья — избы, сараи, кочи, карбасы, оружие, костяную и соболиную казну, а также и на людей — служилых, промышленных, торговых и аманатов — была подписана.

Двадцать девятого мая 1659 года Дежнев сдал зимовье сыну боярскому Курбату Иванову. После рукоприкладства под отписью Дежнев встал и отвесил низкий поклон новому приказному.

Дежнев звал Курбата Иванова лет семнадцать назад. Тогда это был живой, жизнерадостный человек, любивший и пошутить, и встретиться с приятелем за чаркою меду. Теперь же, за месяц пребывания Курбата в Анадырском зимовье, Дежнев еще ни разу не видел улыбки на его пожелтевшем, морщинистом лице.

Дежнев слыхивал о несчастьях, преследовавших Курбата. Лет семь назад Курбат похоронил жену. Были у него и немалые неприятности с воеводой: нечем было отдать казне ссуду, полученную для похода на Олекму-реку. Наконец совсем недавно, по дороге на Анадырь, Курбат потерял младшего сына, своего любимца.

— Где беда ни голодала, а ко мне — на пирушку, — сказал новый приказный, прощаясь с Дежневым.

— Ты не убивайся, друг, — поддержал Дежнев старого товарища. — Счастье, брат, с бессчастьем в одних санях ездят.

Он крепко обнял Курбата.

Выйдя из избы, Дежнев наткнулся на Юрия Селиверстова, привезенного Курбатовым Ивановым под стражей из Якутского острога.

Теперь это был не тот Селиверстов, каким он уходил с Анадыря три с половиной года назад, осенью 1655 года. Правда, уже тогда его судьба

была предпрешена неожиданной гибелью одного из его кочей, нагруженного моржовыми клыками. Пятнадцать человек промышленников во главе с перешедшим к Селиверстову Павлом Кокоулиным были унесены на нем бурей в море и не вернулись.

Тем не менее, уходя с Анадыря, Селиверстов сохранял наглый и самоуверенный вид. В Якутском же остроге перед грозным воеводой Селиверстов смешался и потерял голос. Привезенных им «рыбьего зуба» и соболей далеко не хватило для покрытия долга казне. За Селиверстовым еще остался долг в 1393 рубля.

Чтобы избежать наказания, Селиверстов сказал воеводе, что эту сумму он роздал в долг людям, оставленным на Анадыре. И вот он снова в Анадырском зимовье, не приказным, а арестантом, присланным для расследования его запутанного дела.

Высокий, костлявый, Селиверстов теперь горбился и смотрел исподлобья. Он выглядел затравленным волком. Насмешки встречали его всюду, куда бы он ни явился.

— Эй! Опытовщик! Не свиным ли ухом ты подавился? — кричал ему Сидорка.

— Метко ты попал ногой в лужу! — ехидничал прежний подчиненный Селиверстова Григорий Байкал.

— Что кривишься, «приказный»? — язвил старый недруг Селиверстова Данила Филиппов. — Ровно ты на шиле посидел!

— Видно, задравши голову ты плюнул, что сам себе в глаза угодил! — не унимался Сидорка.

Селиверстов устало отругивался от людей, чью ненависть он сам возбудил своей подлостью.

Дежнев остановил насмешников и пошел было дальше, но Селиверстов упрекнул его:

— Вот они, твои выученики, — упавшего топчут!

Дежнев холодно поглядел на Селиверстова.

— Не ищи ты, Юрий, правды в других, коль в тебе самом ее нет, — ответил он.

Дежнев вышел к крутому обрыву. Широко разлившийся Анадырь мчался вниз, унося деревья, где-то обрушившиеся в воду с подмытого берега. Всюду слышались неумолкаемые птичьи голоса. Над рекой пролетали гуси, утки. Проворные чайки ловко выхватывали из воды рыбу.

Словно гора свалилась с плеч Дежнева после сдачи им дел приказного. Но странно, — чувство облегчения и радости смешивалось у него с грустью и сожалением: нелегко расставаться с людьми, заботы о которых стали его привычкой.

Дежнев сел на бугор, отдавшись воспоминаниям. Уж одиннадцать лет, как он здесь. Перед глазами встала первая, страшная зимовка в устье Анадыря. Холод. Голод. Гибель товарищей.

Дежнев вспомнил постройку зимовья, наводнения, грозившие ему чуть не каждое половодье. Вот он обследует притоки Анадыря, перетаскивает карбасы через пороги, охотится на оленей, находит моржовую коргу...

Многих, очень многих товарищей уж нет! Тот убит, тот заболел и умер. Три с половиной года назад, ободренные большой добычей «рыбьего зуба», ушли с Анадыря-реки есаул Ветошка, Бугор, Вилюй, Костромин. Годом позже ушел Никита Семенов.

«Где-то они теперь?» — думал Дежнев.

Вспомнилась Дежневу и свадьба бывшего аманата Чекчоя. Проводив на Колыму и обратно Сидорку с Лаврентьевым, через полгода он же провел и отряд есаула Ветошки. Вернувшись на Анадырь, Чекчой посватался к Кивили.

Кивиль охотно пошла за смышленного ходынца. Щедро одаренный Дежневым, Чекчой был отпущен домой. Говорят, теперь у него родился сын.

Дежнев долго сидел над обрывом, даже не слыша голосов птиц.

Летом 1659 года Дежнев в последний раз ходил на коргу за «рыбьим зубом».

Наступила зима. Едва утихли первые бураны, Дежнев нанял ходынцев с оленями и двинулся в Нижне-Колымский острог с большим грузом моржовых клыков и соболей. С Дежневым ушло шестеро служилых и промысленных людей, среди них Артемий Солдат и Иван Казанец.

Фомка с Сидоркой проводили Дежнева верст двадцать и долго махали рукавицами, даже когда последние нарты скрылись за занесенной снегом лиственничной порослью.

Ходынцы сообщили Дежневу, что Чекчой встретит его у верховьев реки Яблона. Действительно, в конце недели на повороте от Яблона-реки к подъему на Становой хребет Дежнев издали заметил костры и юрты ходынцев. Чекчой и Кивиль вышли на лыжах встречать Дежнева.

Кивиль выглядела пополневшей и счастливой. За спиной женщины в меховом мешке был ее сын.

— Сросшиеся брови сулят счастье, — молвил Дежнев, погладив ребенка по головке.

Оставив жену во временном ходынском становище, Чекчой со своими братьями Карбургой и Ченой проводил Дежнева до вершины перевала.

Становой хребет имеет множество отрогов, и меж ними трудно выбрать тот дол, что ведет к перевалу. Ошибка может стоить жизни. Здесь немало гибло заблудившихся людей. Ходынские же проводники шли уверенно, видно, накрепко запомнив приметы горных отрогов и долов.

Поднимаясь на перевал, Дежнев справа и слева видел конусообразные вершины, одни остроконечные, другие закругленные. Но больше всего Дежнева заинтересовали берега речки Камешковой, что течет по широкой горной долине на самом перевале.

Вдоль этой речки, по обе стороны от нее, тянутся два гала из огромных черных ноздреватых камней. Трудно поверить, что эти валы не плод труда разумных существ.

— И кто же их тут навалил, камни эти? — недоумевал Иван Казанец.

Поднявшись на перевал, Дежнев попрощался с Чекчой и его братьями и двинулся дальше.

Зима в тот год выдалась снежная и суровая. Тропы и приметы были занесены снегом, и нелегко было добраться до Колымы. Однако отряд Дежнева благополучно дошел до Нижне-Колымского острога.

Здесь Дежнев нашел приказным того самого Ивана Ерастова, который почти одновременно с ним четырнадцать лет назад задумал поход на поиски Анадыря-реки. В отличие от Стадухина, Ерастов не был завистлив. Землепроходец по натуре, успех любимого дела он ставил выше честолюбия его исполнителей. Теперь уж получивший звание сына боярского, Ерастов сердечно принял Дежнева и много расспрашивал его о походе на Анадырь, о новом открытом им крае.

Все попытки Ерастова помочь Дежневу найти коч, чтобы выйти на Лену летом 1660 года, ни к чему не привели. Купеческие кочи, уходившие на Лену, были загружены, и хозяева их наотрез отказались взять тяжелую кладь Дежнева. Пришлось ждать в Нижне-Колымском остроге целый год.

Следующим летом Иван Ерастов, сдав обязанности приказного, также уходил на Лену и взял на свой коч отряд Дежнева со всеми его грузами.

Морской переход не обошелся без трудностей. За Святым носом, где берег круто поворачивает к югу, льды прижали коч к берегу и едва не раздавили. Но столь опытные мореходы, как Дежнев и Ерастов, сумели вызвать коч из опасного положения. К ледоставу они добрались до Жиганска. Здесь пришлось перезимовать. Весной 1662 года они прибыли наконец в Якутский острог.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Дежнев ушел из него. В остроге лишь старики помнили Дежнева. Большая часть казаков была новыми людьми и не знала его. Жена Дежнева Абакаяда умерла.

В первый же день Дежнев свиделся со своим сыном Любимом. Юноше шел двадцать первый год. Он только что был зачислен в списки служилых людей, и ему еще предстояло накапливать опыт жизни.

Худошавый, но мускулистый и загорелый, он смущенно стоял перед отцом, о котором знал только понаслышке. Он робел под испытующим взглядом отца, проныкавшим, казалось, в его душу.

— Плавать можешь? — спрашивал его Дежнев.

— Могу. Сызмальства на Лене.

— Парусом ходить можешь?

— Могу, тятенька.

— Где выучился, сынок?

— На рыбалках.

— Грамоту разумеешь?

— Не.

— Где ж тебе, сынок, охота служить? В Якутском остроге аль на дальних реках?

— Дальние земли б повидать...

— Добро. Но грамоту одолей. Садись-ко, сын, за грамоту! Я найду человека учить тебя. Оружием владеть я сам тебя обучу, — сказал Дежнев, довольный первым впечатлением от сына.

Однако Дежневу не удалось позаняться с сыном, поучить его воинскому и землепроходческому искусству. И месяца не прошло, как воевода отправил Дежнева в Москву в отряде сына боярского Ивана Ерастова. Казаки повезли в Сибирский приказ большую костяную и соболиную казну.

Больше года отряд Ерастова хоть медленно, но упорно подвигался к Москве. Впереди — Верхотурье, последний сибирский город. Позади — бездорожье тайги, переправы через многочисленные реки, перетаскивание груза волоком по трещавшему льду, битвы с волками и разбойниками. А сколько было остановок для осмотра государевой казны! Сколько томительного ожидания подвод и лодок!

Двенадцать телег грохотали по трудной лесной дороге. На телегах в запечатанных ящиках, оленьих и холщовых сумках везли бережно уложенные собольи шкурки, в бочках — моржовые клыки.

Конные казаки ехали по обе стороны телег, готовые к бою. Длинные пики качались за их плечами, пищали лежали поперек седел.

На полверсты впереди рыскал конный разъезд, разведывавший путь, высматривавший, нет ли где разбойничьей засады. В разъезде — Дежнев, Иван Биндаро, Семен Сероутка.

— Завтра, видно, и до Верхотурья доберемся, — проговорил Иван Биндаро, выезжая из леса на обширную веселую поляну. Солнце осветило его рыбое лицо, напо-

ловину отрубленное ухо и морщинистую медно-красную шею.

Из-за деревьев слышались приглушенные крики людей, ржание лошадей. Казаки пустили коней рысью и вскоре увидели обоз, ожидавший переправы на противоположной стороне неожиданно открывшейся взорам речки. С первого взгляда Дежнев узнал ленских казаков.

Проскакав еще несколько сажен, он увидел у своего берега причаливший паром. Переправившиеся казаки суежились, пытаясь вытащить на крутой берег упавшую в воду лошадь.

— Сероутка! — крикнул Дежнев, соскакивая с седла. — Скачи назад! Приведи сюда наш обоз.

Сероутка, белокурый парень с веселыми голубыми глазами, натянул повод. Его конь заплясал, задрав морду и роняя с губ пену. Всадник повернул его на месте и, взмахнув плетью, умчался.

Дежнев и Биндаро сбежали к парому и, схватив концы веревки, уже заброшенной под зад упавшей в воду лошади, стали вытаскивать лошадь, помогая казакам встречного обоза. Лошадь, сначала опиравшаяся о берег лишь передними копытами, вскоре достала до грунта и задними ногами. Фыркая и прядая ушами, она выскочила наконец на берег.

В суматохе Дежнев не успел разглядеть людей, которым помогал. Когда же лошадь оказалась на берегу и Дежнев, бросив веревку, осмотрелся, он увидел Михайлу Стадухина.

— Семен! — изумленно вскричал Стадухин.

— Михайла!

К великому удивлению Дежнева, Стадухин бросился к нему с протянутыми руками.

— Семен! — повторил Стадухин. — Землячок!

Вдруг Стадухин остановился, снял шапку и опустил голову:

— Прости, Семен! Винюсь я пред тобою. Зло держал я на тебя, мово старого товарища. Много зла я тебе сделал напрасно. Прости!

Дежнев поспешно ответил:

— Легко мне простить тебя, Михайла, — ты сам свою вину сознал. А я на тебе зла не помню.

Стадухин радостно протянул руку Дежневу. Старые товарищи обнялись.

— Душевно рад я, что правда тебе, Михайла, открылась, — сказал растроганный Дежнев. — Ведь дороги сорок соболей, а на правду и цены нет!

Стадухин вздохнул. Дежнев внимательно оглядел его. На плечах бывшего казацкого десятника был новый атаманский кафтан. Тринадцать лет, что прошли с последней встречи Стадухина с Дежневым, оставили следы. Седина серебрила бороду Стадухина. Красноватый рубец пересекал его лоб. На левой руке не хватало безымянного пальца.

— Давно ль ты, Семен, из Якутского острога? — спросил Стадухин.

— Намедни год было, как выехали. А давно ль ты из Москвы?

— Десятый месяц пошел.

— Видать, ты в атаманах ходишь.

— Наградил государь. Уважил мои труды. Ведь чуть не всю Индигирку-реку я осмотрел... мы с тобой, Семен, осмотрели; да Колыму-реку я открыл... мы с тобой же, Семен, вместе и открыли ее! А после того, как негоже расстался с тобой на Анадыре-реке, проведаль я реки, что в Охотское море впали: Пенжину-реку, Изигу-реку, Тоюю-реку. Проведаль я берег моря до самой до Охоты-реки, где Иван Москвитин стоял.

— И на твою долю знать, досталось, что открывать-проведывать, — слегка усмехнувшись, сказал Дежнев.

— Вдосталь, Семен, хватило. Словно туман тогда мне в голову зашел. Словно враг мне в уши нашептывал: Анадырь, Анадырь! И невдомек мне, дурню, тогда было, что столь широка земля наша, матушка, жизни не хватит, чтоб всю ее проведать.

— И детям, и внукам нашим много еще останется открывать, — задумчиво произнес Дежнев.

Паром обернулся вторично, и на берег вышли Василий Бугор и Никита Семенов, побывавшие в Москве с Михайлой Стадухиным. Объятиям, расспросам, рассказам, казалось, и конца не будет.

— Кого это вы везете, в кандалах-то? — спросил Дежнев, глядя на изможденных мужиков, которых казаки сводили с парома на берег.

— Да, вишь ты, навязали нам этих бунтовщиков... Ну, тех, кто в прошлом году подступали к царю в Коломенском. Везем их в Сибирь, — ответил Стадухин. —

Эй, вы! Шевелись там, на пароме! Так-то и до ночи не переправиться!

Стадухин пошел к парому. Василий Бугор и Никита Семенов рассказали Дежневу о «медном бунте». Около года назад до пяти тысяч черных московских людей пришли к царю в село Коломенское, пришли с шумом и криком. А когда царь вышел, народ требовал выдачи ему изменников бояр, выпустивших медные деньги. Кричали, что они обрекли народ на голодную смерть. Требовали уменьшить налоги.

Царь обещал во всем разобраться, и народ пошел было обратно в Москву. Но навстречу первой толпе из Москвы шла уже вторая, еще бо́льшая. К царю везли в телеге сына купца Шорина. Толковали, что отец парня бежал в Польшу, что он был главный заводила выпуска медных денег.

Скоро царь, уже сядившийся на лошадь, снова был окружен народом. Теперь требования выдать бояр стали еще решительнее и грубее, кричали непристойные слова. Грозили взять бояр «своим обычаем», силой.

А тем временем в Коломенское dospешили стрелецкие и иноземные полки. Они напали на толпу и начали бить и хватать кого попало.

— На другой день, — сказал Бугор тихо, — повесили восемнадцать душ. И после сыска еще вешали.

— А других бунтарей ссылают ноне в Сибирь с женами и детьми, — прибавил Никита Семенов, показывая на исплаканные лица женщин и цеплявшихся за юбки матерей ребятишек.

Оглядывая ссыльных, Дежнев видел угрюмые, враждебные лица людей закованных, но несмиранных.

— И ты, стрелец, бунтовал? — спросил Дежнев чернобородого мужика в рваном стрелецком кафтане.

— Небось и ты бы забунтовал, коль бы у тебя трое ребят с голоду померли, — отрезал стрелец.

Отряд Ерастова еще не раз встречал на дороге обозы ссыльных. Многое стало известно сибирякам, о чем в Якутском остроге и не слыхивали. Недород. Хлеба нет. Налоги дерут. Дошли слухи о вымирании стрельцов в северных городах, где жалование стали было выдавать не хлебом, а медными деньгами.

Москва была недалеко, когда узнали, что царь отменил потерявшие цену медные деньги.

Сколько ни поспешал сын боярский Ерастов, но лишь через десять месяцев после Верхотурья казаки увидели золотые, красные и зеленые маковки московских церквей. Необычайное волнение овладело ими при виде Москвы.

Казаки постригли друг друга, помылись, надели чистые рубахи. Каждый смекал, что негоже въехать в столицу немытым и заросшим медведем.

К Москве подъехали ночью, когда о въезде в город нечего было и думать: все городские ворота были на запоре.

Обоз остановился у ворот Земляного вала. Во тьме города не было видно. До казаков доносился лишь лай собак да перекличка стражи.

— Славен город Москва! — слышалось откуда-то издали.

— Славен город Ростов! — протяжно откликался стрелец с одной из ближайших башен.

— Славен город Тверь! — пропел стрелец совсем рядом над воротами.

Но вот и утро. Заскрипели петли железных ворот. Обоз потянулся по узким улицам Земляного города через стрелецкие слободы.

Некоторая задержка у Никитских ворот, и телеги загромыхали по бревенчатым улицам Белого города. Здесь высились деревянные терема бояр, причудливые каменные церкви, теснились лавки с горластыми зазывалами...

Сколько людей! Стрельцы, иноземные рейтары в железных шлемах и кожаных нагрудниках, торговки, купцы, калек... Постоянно приходилось принимать к заборам: навстречу, окруженные холопами, скакали важные бояре.

Наконец добрались до Сибирского приказа. Началась сдача соболиной и костяной казны. Лишь через неделю казакам можно было подумать о себе.

По совету Ерастова, Дежнев написал челобитную на царское имя с просьбой выдать ему хлебное и денежное жалование за девятнадцать лет службы.

«Служил я, холоп твой, — писал Дежнев царю Алексею Михайловичу, — отцу твоему, государеву, на Яне и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме реках со служилыми и с приказными людьми Дмитрием Михайло-

вым да Михайлой Стадухиным, и в ясачном сборе вашей, великих государей, казне учинили великую прибыль. И с Колымы-реки поднялся я, холоп твой, морем проведывать новые реки и приискал новую реку Анадырь... И служа тебе, великому государю, многое время без жалованья, имал¹ иноземцев в аманаты, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел и помирал голодной смертью. На той службе будучи, и от морского разбою обнищал, и обдолжал великими, некупными долгами... Милосердный государь, пожалуй меня, холопа своего, хлебным и денежным жалованием за прошлые годы».

Некоторое время спустя Семен Дежнев был призван пред очи боярина Родиона Матвеевича Стрешнева, окольничего, начальника Сибирского приказа.

Переступив порог, Дежнев увидел бледное, умное, несколько усталое лицо сорокапятилетнего человека. Прядь преждевременно поседевших волос падала на его высокий лоб. Одетый в малиновый кафтан с украшенным золотом и жемчугами высоким воротником-козырем, боярин сидел у стола, задумчиво постукивая пальцами по большому чертежу.

Стрешнев с первого взгляда понравился Дежневу. Многих бояр-воевод видел Дежнев в Енисейском и в Якутском острогах, но по сравнению со Стрешневым те казались медведями.

Боярин поднял голову и смотрел на Дежнева блестящими внимательными глазами:

— Это ты обошел Большой Каменный нос?

— Я, боярин, — волнуясь больше, чем при крушении коча, отвечал Дежнев. — Я с товарищи...

Шутка ли сказать! Подводились итоги двадцатилетних трудов! Нужны ли были эти труды? Видна ли их польза?

Стрешнев кивнул головой:

— Ты проведаль Анадырь-реку?

— Я, боярин.

— Ты нашел моржовую коргу?

Стрешнев слегка качал головой, приветливо глядя на Дежнева.

¹ И м а т ь — брать, захватывать.

— Доложил я о тебе государю, про труды твои, и про кровь, и про раны — все доложил.

Дежнев не мигая глядел в глаза Стрешневу.

— Государь, — медленно продолжал Стрешнев, — награждает тебя.

По знаку боярина подьячий взял со стола бумагу и громко прочел:

«По указу великого государя, окольничий Родион Матвеевич Стрешнев приказал за его, Сенькину, службу, и за раны, и за прииск рыбьего зуба, и за кость, поверстать его в атаманы... и о том дать ему на Лену в Якутский острог государеву грамоту, велеть ему быть в атаманех».

«И за раны, и за прииск рыбьего зуба», — пробежало в мыслях Дежнева. Ему казалось, что слова подьячего доносились откуда-то издалека.

— Кланяйся! — шепнул подьячий, кончив чтение.

Стрешнев улыбался:

— Пожаловал тебя государь и хлебным да денежным жалованием, как ты и просишь, за девятнадцать лет службы, — сказал он. — И твою моржовую кость казна купит.

Дежнев снова поклонился.

— Обо всем этом тебе там прочтут, — Стрешнев указал на смежную горницу подьячих. — А теперь подойди-ка ты, атаман, ко мне поближе. Вот видишь — большой чертеж государства Русского. Вот Колыма-река. Тут — Анадырь-река.

— Большой Каменный нос! — воскликнул Дежнев.

— С твоего чертежа он и списан, — сказал Стрешнев, поднимая глаза на Дежнева. — Покажи-ка, где острова зубатых людей? Где твоя корга?

Две головы склонились над чертежом.

Смеркалось, когда Дежнев сходил с каменного крыльца Сибирского приказа.

Морозило. Дежнев шел по Торговым рядам, но не видел купцов, запиравших лавки огромными замками, не слышал лая их псов.

В этот час он думал о своих погибших товарищах, с которыми обошел Большой Каменный нос и открыл Анадырь-реку.

Вспомнился Федот Полов, захотевший вырваться из душной купеческой жизни и подышать вольным воздухом. Дежнев видит его и тоскующим приказчиком, и распрямившим плечи кормщиком, глаза которого сияют счастьем искателя. Федот был как птица, вылетевшая из клетки. Такая птица скоро гибнет.

Вспомнил Дежнев и самых молодых землепроходцев, своих любимцев — чистого душой Ивана Зырянина, пытливого Михайлу Захарова, певца Бессона.

А вот перед глазами атамана Афанасий Андреев, худой, изможденный, еле бредущий по снегу.

«Какой человек! — думал Дежнев. — Ему было за семьдесят, а шел с молодыми. Хотел все понять!»

Погруженный в думы, Дежнев вышел на Красную площадь. За глубоким рвом высилась зубчатая Кремлевская стена. Заходящее солнце окрашивало ее в теплый красноватый тон.

Из Спасских ворот на подъемный мост валил всякий люд — приказные, подьячие, стрельцы, монахи, нищие: в Кремле заканчивались работы и службы, близился час, когда запирают все ворота.

За Кремлевской стеной сверкали позолоченные кресты соборов и коньки затейливой кровли царского дворца. А выше, над колокольней Ивана Великого, по небесному океану бежали облачные кочи, алые и золотистые.

«Москва! Мать городов русских!»

Дежнев стоял, глядя на Кремль, на расходившийся по Красной площади народ. Щеки его щипал мороз, а на сердце было тепло.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

1. Неведомая река	5
2. Студёное море	12
3. Ошкуй	18
4. В Якутском остроге	20
5. Бунт	24
6. Беглецы	32
7. Фомка и Сидорка	40
8. Улуу-Тойон	51
9. Нижне-Колымский острог	56
10. Тревожная свадьба	60
11. Курсуй	66
12. Сполох	71
13. Отплытие	76
14. Месть тойона	82
15. Лихие люди	88
16. Миражи	93
17. Ледяные ворота	97
18. Два океана	102

Часть вторая

1. „Рысь“	109
2. Большой Каменный нос	113
3. Киты	124
4. Зубатые люди	129
5. Становище эскимосов	135
6. Буря	138
7. Земля	150
8. У коряков	160
9. Анадырская трагедия	168
10. Широким шагом	177
11. Сборщики ясака	185
12. Корга	195
13. Судьба Попова	200
14. На моржовом промысле	209
15. Новые тревоги	215
16. В Анадырском зимовье	220
17. В Москву	230

Владимир Николаевич Кедров

„На край света“

Редакторы А. А. Девель и Е. Е. Мамюга

Художник Г. Н. Веселов

Обложка и титул художника Б. Н. Осенчакова

Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Т. А. Шермушенко

Корректоры Э. Г. Поварская и И. Е. Блиндер

Сдано в набор 2/III 1964 г.

Подписано к печати 15/V 1964 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂

Физ. печ. л. 7,63. Усл. печ. л. 12,51.

Уч.-изд. л. 13,10. Тираж 50 000 экз.

М-31187. Заказ № 405

Ленинград, Лениздат

Фонтанка, 59

Типография им. Володарского

Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 54 коп.